

Мина Багинская

探偵

Детектив
сильных
страстей

Шаги
по воде

Annotation

Ночью Ксения впала в забытие, и ей приснился сон. Вернее, кошмар... Женщина беззвучно кричала, запрокинув голову. Беззащитная шея, раскинутые в стороны руки, разлетевшиеся волосы... Она упала лицом вниз... И вдруг словно включился звук. Послышались шаги. Человек склонился над незнакомкой и протянул руку. Она повернула голову – и Ксения с ужасом узнала свою подругу Стеллу!.. Проснулась она от собственного крика. Александр тряс ее за плечо... Этот известный в городе экстрасенс когда-то встречался со Стеллой, но они расстались. Ксения не собиралась заводить с ним роман, все случилось само собой... Быстро собравшись, они поехали к Стелле. Она лежала в прихожей лицом вниз в своем любимом черном шелковом халате с белым иероглифом на спине, обозначающим «счастье»...

- [Инна Бачинская](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Инна Бачинская

Шаги по воде

Лунатик в пустоту
глядит,
Сиянье им
руководит,
Чернеет гибель
снизу.
И даже угадать
нельзя —
Куда он движется,
скользя
По лунному
карнизу.

Георгий Иванов

Действующие лица
и события романа
вымышлены, и сходство
их с реальными лицами
и событиями абсолютно
случайно.

Автор

Глава 1

Я

Стерва, сука, подстилка... Что еще? Дрянь! Кто больше? Дешевки с ненавистью смотрят на меня, в их взглядах, как в зеркале, отражаются их чувства. Волчата со сверкающими глазами, замолкающие, стоит мне войти. Судачили за спиной, обсосали, оплевали, окунули в дерьмо. Гарем, дружно ненавидящий старшую жену. Они сидят за своими столами, уткнувшись носами в экраны компьютеров, длинные, тощие бледные поганки, чья испорченность вопиет из каждой складки одежды. Любительницы орального секса и пустых гламурных журналов, где картинок больше, чем текста, а текст – подписи под фотографиями. Звенящая пустота их голов – результат социальной лоботомии – вмещает две жизненно важные вещи: деньги и секс, и как их производные – еще дюжину: невежество, всеядность, глупость, жадность, высокомерие, леность... И так далее.

Прошу любить и жаловать – это штат риелторской фирмы «Global Village». Что касается меня, то... Ваша покорная слуга. «Ваш покорный слуга кот» одного японца был моей настольной книгой много лет. «Ваша покорная слуга» – дань любимому роману. Незаслуженно заброшенное словосочетание, в котором нет ничего уничижительного, а только вежливая готовность прийти на помощь.

Ваша покорная слуга – Ксения Холодова, заместитель директора фирмы, того самого любителя бледных поганок и скорого секса на диване в собственном кабинете во время обеденного перерыва. Вечером – ни-ни! Дома ждет верная супруга и трое крошек. Двое ее личных и одна – общее достояние. Крошки достались моему начальнику вместе с женой, а жена, бывшая вдова основателя бизнеса, вместе с фирмой. Лариса – славная тетка, хоть и старше последнего супруга на двенадцать лет, что дает ему моральное право на диванные утехи в обеденный перерыв, а бледным поганкам – положение любимых наложниц босса. В силу шарахания от надоевшего и привычного мой хозяин Роман Руденок тянется к бледным, тощим, безмозглым девицам, которых без конца принимает на работу, а потом увольняет, называя этот процесс «вливанием свежей крови». В результате штат делится на работающих и трахающихся, причем если первые держатся довольно долго, то последние мелькают, как падающие звезды – раз, и нет!

Я – из тех, кто держится, а также имеет власть и силу. Та самая

высокомерная сучка, которая вызывает протест поганок на подсознательном уровне. Каждая считает, что она не хуже, а лучше, когда дело доходит до койки – а что в жизни более ценно, чем секс? Тем более что я не сплю с хозяином. Или он не спит со мной. Не спать с хозяином просто неприлично, если он не педик, а нормальный мужик.

Поганки величают меня не Ксюша, Ксанка, Ксенечка или еще как-нибудь, а Ксения Валентиновна Холодова, и непременно на «вы». От такого имени веет арктическим льдом и скрытой угрозой – попробуй, тронь! И вечной девственностью. Амазонка Ксения. Стальной взгляд и копье наперевес. За глаза они называют меня «сучкой», что из их уст звучит комплиментом. Я тоже не стесняюсь в определениях, мысленно, разумеется.

Я – работоголик, из тех, кто приходит на службу первым и уходит последним. Отношения мои с бледными поганками имеют классовый характер – это отношения трудяги и тунеядцев. Они боятся меня. Переспав с хозяином, они думают, что схватили бога за ноги, как говаривала моя бабушка, и полагают наипервейшей своей обязанностью готовность номер один к диванным услугам. А потом бывают неприятно удивлены, узнав, что заработок зависит не от проворства на диване – это, так сказать, лишь право на работу, а от количества сделок, заключенных с их подачи. И жаловаться бесполезно, потому что я – «священная корова», которую связывают особые отношения с хозяином и его женой Ларисой. Лариса – мудрая женщина, смотрящая сквозь пальцы на прыжки супруга. Это до такой степени мало ее трогает, что никогда не становится предметом разговора во время наших традиционных ланчей примерно раз в квартал. За что я люблю ее, и она это знает.

«Мужчина – это породистый пес, – однажды заметила Лариса по поводу семейного скандала с мордобоем в известном семействе, который взапуски обсуждали городские сплетники. – Его нужно хорошо кормить и периодически спускать с поводка». Она сказала это для меня, давно уже, в самом начале нашего знакомства, почувствовав мою неловкость от двусмысленности положения человека, которому известны адюльтерные эскапады ее супруга, являющегося в то же время его, этого человека, работодателем. Со снисходительностью коронованной особы она потрепала меня по руке и улыбнулась. Лариса сумела провести четкую разделительную линию между собой и бледными поганками. К тому же ее уверенность в себе подкреплялась юридически не только положением супруги, но также и владелицы фирмы.

Лариса была полной невысокой женщиной, знающей толк в одежде и

ювелирных изделиях. Дом она вела блестяще. Любой дежурный семейный обед подавался на белоснежной скатерти и непременно с участием парадного серебра, а также салфеток в тон скатерти. Беспутный Роман по-своему любил ее, но не как жену, а как родственницу, какую-нибудь богатую тетку, спускающую ему шалости и сующую деньги на такси и девочку. Он называл ее «мамочка».

Брокера, как волка, кормят ноги. И многое другое, вроде предприимчивости, неутомимости, хорошо подвешенного языка – от этого зависит умение впарить товар при высокой рыночной конкуренции. И потому на первом месте у нас в фирме неприметная пенсионерка баба Броня, способная уговорить и черта из горячей преисподней купить теплый тулуп. Баба Броня – физиономист, мигом усекающий финансовые возможности клиента, а также его глубокие подводные желания и пристрастия. Клиенту, с придыханием произносящему волшебные слова «евроремонт» и «стеклопакет», как правило, чихать на вид из окна. Волшебное видение изнанки ободранных хрущоб или гаражей-самостроя его нисколько не напрягает. «Если душе человека нужен презренный пятак, – сказал однажды так или примерно так один мечтатель, – нетрудно дать ему этот пятак». Другое дело клиент, настаивающий на картинке из окна в ущерб подвесным потолкам, – это серьезный персонаж, понимающий толк в антураже и заслуживающий уважения опытного брокера. Его удовлетворить намного труднее, так как «евроремонт» понятие вполне расхожее, а вид из окна – штучная работа.

Справедливости ради необходимо заметить, что тех, кто готов выложить сверх средней суммы двадцать-тридцать тысяч зеленых за адекватную окружающую среду за бортом, становится все больше. Особенно это касается иностранцев – американцев, немцев и шведов, которые понемногу вьют гнезда в нашем городе. Эти знают цену красоте. Период первоначальных накоплений в их странах закончился два-три века назад.

«Ксенья», – называет меня Сэм Вайт, купивший три квартиры на первом этаже в центре города под «ковбойский ресторан» с антуражем американского Дикого Запада – всякими штучками по стенам вроде пастушеских лассо, индейских томагавков, расшитых бисером рубах из кожи оленя, мокасин и рогов бизонов. Я абсолютно уверена, что вся эта сверкающая позолотой и лаком «бижутерия» изготовлена из пластика на китайской фабрике сувениров. Тут же будут подаваться громадные американские стейки, жареная картошка, салаты из «tossed salad», что переводится как «рванный салат». И двадцать-тридцать сортов пива в

придачу. И непременно «draft beer» – бочковое – для тех, кто понимает. «У вас совсем не подают салат, – жалуется Сэм. – А на фермерском рынке только один-два сорта. А у нас в любом супермаркете не меньше десяти».

Сэму сорок пять лет, и уже наметилась круглая плешь на макушке, но он простодушен, естественно, деликатен и умеет считать деньги – качества, казалось бы, взаимоисключающие. В нашем городе у него проблемы не только с салатом, но Сэм о них молчит. Сейчас он занят переоборудованием купленных квартир под ресторан. С ним работает его приятель-архитектор с авантюрной жилкой, недавно приехавший из Америки. К моему удивлению, Сэм почти не жалуется на шаромыжников из строительной компании, делающей ремонт. «Наши такие же, – заметил он как-то вскользь. – Разрушив стены, они просто бросают клиента, зная, что тот никуда не денется. Правда, у нас можно подать в суд, а у вас – себе дороже!» Один раз, всего лишь один раз, он упомянул чиновников, чьи подписи необходимы для открытия бизнеса, назвав их «crooks» – «жуликами». По словам Сэма, любимое американское приветствие: «Увидимся в суде». Так он шутит.

Я – деловая женщина, сделавшая себя сама. Деловая женщина, а не «бизнесвумен» – слово, рождающее у меня бурное неприятие. Так и вижу мысленным взором крупную пегую корову по имени Бизнесвумен, с выражением тупой непоколебимости на морде шагающую размеренно и неторопливо, и здоровенное вымя маятником мотается из стороны в сторону. Для меня любое слово имеет скрытый смысл, часто ничего общего не имеющий с общепринятым значением. Слово «стол», например, рождает даже звук – легкий шелест, а слово «комната» – картинку: кубик, медленно плывущий в пространстве. «Дерево» – каменный столб. «Человек» – клубок черных ниток. И так далее, до бесконечности. Так играет мой интеллект и «взбрыкивает» воображение. Иногда это забавно, иногда мешает жить.

У меня диплом Международной академии менеджмента и права, скороспелого «joint venture» – совместного предприятия начала девяностых, экзотического союза родного отечества и Мальты. Голубоватый лист толстого ватмана размером сорок на тридцать сантиметров в строгой рамке красного дерева украшает стену моего кабинета. Нечеловечески красивым каллиграфическим почерком с завитушками, черной тушью на трех языках – латыни, английском и родном – диплом удостоверяет, что я, Ксения В. Холодова, являюсь магистром в области социальных наук, международного права и информатики. Вверху красочный герб – мальтийский лев с добродушной мордой, внизу –

зубчатая золотая печать размером с полтинник на витом красно-белом шнуре. Декоративно до неприличия, но вполне гламурно. В духе уважения или даже преклонения перед традициями, что особенно заметно в дате основания, присутствующей на вывеске любой зеленой лавки, винного магазинчика или ресторана на Мальте, да и во многих других странах. Дата – это стабильность, основательность и серьезность намерений. Знак качества и признание.

Юридическая фирма, где я два лета подряд проходила практику, называлась «Бьяготти, Скимпа и сын» и была основана в 1882 году первым господином Бьяготти. Последний господин Бьяготти, продавший дело своему помощнику господину Скимпе, пребывал на заслуженном отдыхе. Жил в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Заходил иногда поведать коллег. Это был подвижный, несмотря на свои за восемьдесят, человек, небольшой, изящный, в сшитых на заказ костюмах и башмаках. Этим он отличался от нового владельца Умберто Скимпы, который одевался в первом попавшемся магазине готового платья и в какой-то степени так и остался подростком из бедной многодетной семьи, получившим работу курьера в фирме сорок лет тому назад.

Как-то во время обеда в ресторане господин Бьяготти словно случайно положил свою смуглую, все еще красивую руку на мою. Тщательно отделанные ногти его были покрыты лаком. В темно-карих глазах прыгали черти, и смотрел он прямо мне в глаза, чуть насмешливо и восхищенно. Господин Бьяготти остался для меня образцом того, что называется настоящим мужчиной, даже в свои годы, – умным, сильным, снисходительным. Он был из изрядно поредевшей породы купцов, воинов и рыцарей в одной особе, солью земли, тех, кто всегда платит по счету и не скупится. Когда он смотрел на меня, я вспоминала, что я не только деловая женщина. У него были молодые подружки, по одной на каждый день недели, кроме воскресенья, которое считалось днем Бога, – какие-нибудь продавщицы из парфюмерного или ювелирного отделов шикарного магазина со сверкающими витринами. В пятницу господин Бьяготти посещал игорные заведения Монако, проводя ночь за карточным столом.

Тогда, в ресторане, я убрала руку – тихонько вытащила ее из-под его горячих пальцев, покраснев при этом, как последняя девственница. Он усмехнулся понимающе и сказал, что теперь он вряд ли представляет опасность для молодых дам. Разве что за руку подержится. Но тем не менее спасибо...

Я потом долго думала, пытаюсь понять, почему убрала руку – то ли не хотела, чтобы меня приняли за одну из его подружек, то ли смутилась,

решив, что за этим последует попытка сократить дистанцию, то ли мне просто показался неприличным жест господина Бьяготти. Если честно, жест этот не был мне неприятен. Что же тогда? Не знаю. Наверное, инстинкт вечной девственницы, трусливо убегающей от мужчин...

Господин Бьяготти научил меня самой жесткой дисциплине при кажущейся расслабленности. Безупречный костюм, безупречная косметика, приветливая улыбка и всегда дистанция – будь то начальник или клиент. Дистанция или знание своего места – искусство, требующее постоянной работы мысли и чувства собственного достоинства. Одним словом, уважайте себя, и окружающие последуют вашему примеру.

Чтобы окончить академию, я продала квартиру в центре города. Нашу с бабушкой квартиру. Упаковывая в ящики небогатый скарб, я с трудом удерживала слезы. Семь бесконечных лет я провела в ссылке у черта на куличках, в частном секторе Посадовка, известном больше под красноречивым названием «Паскудовка». Все это уже в прошлом. Сейчас у меня трехкомнатная квартира в элитном районе города с видом на парк. В десять утра по воскресеньям в парке включают фонтаны, и я с чувством радости слышу, как начинают взмывать в небо и шумно падать вниз тугие струи воды. Я – деловая женщина, сделавшая себя сама. Впрочем, это я, кажется, уже говорила...

Глава 2

Пикник у озера

Костер горел ярко и ровно. Огненные жгуты свивались в оранжевые ленты, заворачивались в тугие завитки, плясали, как стайка саламандр, и вдруг оглушительно стреляли снопами искр в черное, полное звезд августовское небо. В августе Земля проходит черед звездные кладбища, притягивая погасшие звезды. Они влетают в атмосферу планеты, оставляя за собой короткий огненный росчерк – такой короткий, что никак не успеть загадать желание.

– Звезда упала, – сказала темноволосая молодая женщина, лежавшая на одеяле у костра. – Уже третья.

– Успела что-нибудь загадать? – спросила другая, сидевшая, подтянув колени к груди, упираясь в них подбородком и задумчиво глядя на огонь. Пламя плясало в ее серых выпуклых глазах.

– Успела, – помедлив, ответила темноволосая. – Представляете, тысячи лет назад люди видели эти же звезды. Миллионы светил. И никому не известно, что там. – Она лежала на спине, заложив руки за голову, всматриваясь в ночное небо.

Вокруг стоял лес, и глубокая ночь, уже по-осеннему темная, казалась еще темнее от пламени костра. Она была наполнена живыми звуками лесной жизни – треском веток под чьими-то осторожными шагами, шелестом листьев под мимолетным порывом ветра, возней и вскриками птицы во сне, плеском рыб в Черном озере. Женщины вздрагивали от этих звуков и зябко поводили плечами. Ночь настраивала на философские разговоры о смысле жизни и предназначении. Человека, остающегося один на один с природой, легко испугать. Природа таит в себе скрытую угрозу. Она напоминает мягкого и ласкового зверя, который может выпустить когти, и тогда – берегись!

– Красота, – отозвался один из мужчин, муж темноволосой. Звали его Олег Дударев. – Вот где покой. А мы грызем друг другу глотки... Все нам мало, все чужого хочется! А ведь это грех...

Никто не отозвался. Олег помолчал немного и позвал:

– Кешка, спишь?

Тот, кого он назвал Кешкой, лежал по другую сторону костра, завернувшись в плед, – видимо, дремал. Олег Дударев и Кеша Тюнкин дружили с первого класса школы. Такая дружба делает людей ближе, чем

кровное родство. Они вместе постигали мир, пробуя его на вкус и расшибая лбы, влюблялись до смерти, с горящими щеками листали порнографический журнал, купленный у Семьи-Акулы в подворотне, списывали контрольные, вырывали страницы с двойками из дневников и тетрадей, курили и сигареты, и травку, подсматривали за девочками через замазанные масляной краской окна в туалете. Дрались, плевали сквозь зубы, рассуждали об отношениях полов, употребляя нарочито грубые и грязные слова, отчаянно ввали о какой-то мифической бабе, соседке, которая якобы однажды зазвала к себе... и так далее.

Оба окончили политехнический институт. Сегодня Олег Дударев – управляющий банка «Славянка», Иннокентий Тюнкин – генеральный директор. Они по-прежнему неразлучны. И женились почти в одно время.

– Кешка, спишь? – уже громче повторил Олег. – Жизнь проспишь! Посмотри, какая красота! Последние теплые ночи перед долгой зимой. Звезды падают. Смотри! – закричал он, внезапно вскакивая. – Летит! Ух, большая!

– Загадывай желание! – закричала его жена. Ее звали Леной. – Быстрее!

– Чтобы... – он запнулся, лихорадочно соображая. – ...все было хорошо! Упала!

– «Чтобы все было хорошо», – передразнила Лена, снова укладываясь на одеяло. – Тоже мне желание... Быстрее соображать надо! Ритка, а ты успела?

Рита, жена Иннокентия, светловолосая, крупная, задумчивая женщина, пожала плечами и промолчала.

– Конечно, ты в такие глупости не веришь, – сказала Лена, и в тоне ее звучало что-то еще, помимо обычного сарказма. – Ты выше этого.

Рита снова пожала плечами. Она не отличалась разговорчивостью.

Ночь была теплой, тягуче-густой, настоянной на запахах трав, еще не остывших после сухого жаркого дня. От озера тянуло сыростью и чуть тиной.

Четверо у озера, как всякая компания, представляли собой модель общества в миниатюре. Иннокентий был интеллектуалом и мозговым центром, его жена Рита – воплощением стабильности и постоянства, с устойчивыми понятиями о морали, добре и зле. Олег был с детства бронебойным подростком, для которого не существовало ничего невозможного. Он являлся движущей силой предприятия, умел рисковать и с ходу принимать решения. Игрок по натуре, он полагался на удачу больше, чем на расчет. Лена, его вторая жена, по слухам – капризная пустышка и

набитая дура. Последнее спорно, ибо, несмотря на легкомыслие, смех без причины, манеры капризного ребенка и всякие смешные словечки, Лена всегда знала, чего хочет. Ее появление внесло напряжение в отношения друзей.

Олег оставил жену и двоих детей, и, разумеется, Рита приняла сторону его брошенной жены Зои, с которой дружила. Раньше они дружили все вместе. Потом Олег влюбился и в один прекрасный момент представил Лену друзьям как невесту. Рита не сказала ни слова, но выражение ее лица говорило красноречивее любых слов. Накануне Зоя, рыдая, пожаловалась ей, что Олег хочет с ней развестись. Рита, как могла, успокаивала подругу, с содроганием думая, что теперь и Кешка, глядя на Олега, может задурить. Ему под сорок – опасный мужской возраст, и хищниц вокруг пруд пруди, так и рыщут.

Развод состоялся. Кеша был как бы над событиями. Все попытки Риты добиться от него осуждения друга ни к чему не привели. Он сказал, что это не его дело. Легкость, с которой он «кинул» Зойку, не желая воздействовать на Олега, возмутила Риту и добавила очки к счету к молодой нахалке и хищнице. Какое-то время Рита разрывалась между Зойкой, которую жалела, и необходимостью поддерживать отношения с Олегом, как с деловым партнером мужа. Потом смирилась – а куда денешься? Отступники стали бывать у них в доме. Лена откровенно лебезила и вешалась Рите на шею. Та, как могла, отталкивала ее, но новая жена друга оказалась настырной. Ее ничто не обижало – ни каменное молчание, ни односложные ответы Риты, ни ее откровенное нежелание хотя бы соблюдать законы гостеприимства.

Такой был расклад в компании у Черного озера. Они впервые выехали на природу в новом составе на целых три дня. Даже место оказалось то же самое. Только вместо Зойки была Лена.

– А пошли в лес! – вдруг сказала она. – А то лежим, как старые кочерыжки! – Она перевернулась на живот. – Успеем налезаться!

«Старые кочерыжки» Рита приняла на свой счет и помрачнела.

– Ленка, уймись, – велел Олег, дергая жену за длинную блестящую прядь волос. – Тебе дня мало?

– Пошли! – Лена вскочила на ноги, потянулась. Короткая маечка полезла кверху, обнажив плоский загорелый живот. Она была хороша – высокая, тонкая, с длинными темными волосами и глазами того редкого оттенка, который напоминает благородный старинный бархат цвета лесного мха с легкой рыжиной. – За мной! – закричала она и побежала через узкую поляну к лесу. Светлая маечка мелькнула и пропала в темноте.

– Ленка, немедленно вернись! – Олег бросился вслед за женой.

– Пошли прогуляемся? – Кеша, отбросив плед, сел, вопросительно глядя на жену.

– Нет, – произнесла Рита, и в ее коротком «нет» звучала непреклонность.

– Пошли! – Кеша потянул жену за руку. – Последняя теплая ночь!

– Отстань! – Рита выдернула руку. – Совсем с ума сошел.

– Ритка, ну чего ты такая злая? – Иннокентий, готовый бежать в лес, медлил, глядя на жену.

Рита не ответила. Иннокентий, постояв еще пару секунд, нарочито медленно, демонстрируя досаду и обиду, пошел в ту сторону, где исчезли друзья.

Звонкое «ау» донеслось из леса, следом раздался радостный визг и хохот Лены.

– Ленка, накажу! – кричал Олег. – Выходи!

– Ау! Ау! Ау! – отвечала она. – Я здесь!

Лес, казалось, ожил, подхватывая их голоса, вторя им, дробя, возвращая искаженными и чужими. Вдруг раздалось совсем рядом протяжное, тоскливое, леденящее кровь «угу-у-у»: ухнул пугач – ночная птица вроде филина. И еще раз «угу-у-у» – глухой, как из преисподней рвущийся звук. После паузы новое «угу-у-у», уже без передышки, снова и снова. Потревоженная птица жаловалась на нарушителей тишины и призывала на помощь Хозяина. Казалось, померкло радостное сияние ночи. Враждебно зашумели верхушки осин. Пламя костра вздрогнуло, оглушительно затрещала горящая ветка и рассыпалась снопом искр.

Рита вздрогнула и оглянулась. Голосов больше не было слышно, только кричал, не желая успокаиваться, пугач. Она не знала, сколько прошло времени – минут десять или больше. Женщина поднялась, сделала несколько неуверенных шагов в сторону леса, обеспокоенно всматриваясь в густой кустарник. «Кеша!» – позвала негромко. Голос, подхваченный эхом, налетел на стену леса и увяз там. Треск веток под чьими-то шагами заставил ее отступить назад к костру. Рита стояла, напряженно всматриваясь в темноту, – ей стало страшно. В следующую секунду она с облегчением увидела мужа.

Почти сразу же появились Олег и Лена. Олег хмурился, Лена сияла.

– Напрасно ты не пошла, – обратилась она к Рите. – Там страшно – у-у-у! – Она приставила пальцы рожками к голове. – Полно вурдалаков и привидений. Темень, хоть глаз выколи. И эта птица воет, как на покойника! – Она помолчала, и вдруг новая мысль пришла в бедовую голову: – А пошли купаться! Вода теплая, черная... и туман!

– И русалки, – буркнула Рита. – Очень заманчиво. Я иду спать.

– А я не хочу спать! – заявила Лена. Была она странно возбуждена. – Олег, Кеша! Ребята, пошли купаться!

Кеша молчал. Рита сложила плед и двинулась к палатке, не оглянувшись на мужа.

– Хватит, – сказал Олег. – Давайте спать. Первый час ночи, скоро рассвет.

И наступила тишина...

В шесть утра раздалась первая оглушительная трель птицы. Затем другая, третья. Лес оживал, наполняясь светом и голосами. От ночных страхов не осталось и следа. Кусты ежевики уже не выглядели враждебно, пугач давно улетел и спрятался в дупле. Зеркальная поверхность озера дымилась розовым туманом, небо на востоке пылало малиной. Капли росы алмазами вспыхивали в темно-зеленой траве. Утро было таким чистым и прекрасным, таким невинным, что невольно слеза наворачивалась.

Иннокентий делал на берегу зарядку. Рита спала еще. Первый луч солнца коснулся поверхности воды, разорвав пелену тумана. Закончив упражнения, Кеша постоял на берегу, глубоко вдыхая холодный утренний воздух. Потом бросился, поднимая фонтан брызг, в темную воду и поплыл кролем на середину озера. Гулкие всплески, усиленные эхом, добавились к щебету птиц.

Из палатки выбрался Олег. Оглядываясь, обошел поляну. Подошел к озеру. Некоторое время наблюдал за пловцом. Вернулся к палатке. Закричал: «Лена!», приставив ладони рупором ко рту. Подошел к палатке друзей. Заглянул, позвал:

– Ритка! Ты спишь? Лена не у вас?

Сонная Рита вылезла наружу, щурясь на утреннее солнце. Иннокентий, свежий и замерзший, выскочил из воды и стал яростно растираться махровым полотенцем, которое предусмотрительно положил на траву.

– Ты Лену не видел? – закричала мужу Рита.

Иннокентий замер, глядя на них.

– Что случилось? – спросил он не сразу.

– Лены нет, – ответила Рита. – Олег везде посмотрел.

– Как нет? – не поверил Иннокентий. – Куда же она делась?

– Олежек, успокойся, – сказала Рита. – Ты же знаешь свою жену... очередной прикол. Вот и вчера Лена всех нас звала... – она осеклась.

Олег дико посмотрел на нее. Подошел Иннокентий с влажными волосами, с кожей, красной от жесткого полотенца.

– Что за глупости... – начал он. – Сейчас найдем! А ты что, совсем ничего не слышал? – обратился он к другу. Олег помотал головой – нет. – Ночью она не могла уйти, – стал рассуждать Иннокентий. – Значит, на рассвете, когда уже рассвело. Поэтому... – он поднял палец, призывая к вниманию, – ... должен остаться след на траве. Вон как дорожки видны!

Он был прав – на траве, сизой от росы, виднелась отчетливая дорожка чьих-то следов.

– Это мои... – объяснил Олег. – Я бегал в лес, думал, она там... прячется. Лена! – закричал он вдруг. – Ленка, хватит! Выходи! Кончай дуричь!

– Она уже дома, – вдруг сказала Рита. – Помнишь, как она исчезла в прошлом году? Когда вы поссорились? Ты чуть с ума не сошел, а она просидела три дня на даче. Ты же ее знаешь! – Рита пыталась успокоить Олега.

– Но мы не ссорились, – возразил он. – Я еще долго не спал... То холодно, то шум какой-то мешал...

– Позвони домой, – приказала Рита.

– Ерунда, – влез Иннокентий. – Как бы она добралась до города?

– Попуткой! Отсюда до шоссе рукой подать.

– Что ты несешь! – В голосе Иннокентия звучала непривычная резкость. – Не могла она уйти! Она здесь где-то! Сейчас я оденусь, – он обратился к Олегу: – Пойдем поищем.

Прошел час. Два часа. Три. Ситуация складывалась нелепая и страшноватая. Лена так и не появилась. Мужчины, прочесав лес до самого шоссе, вернулись ни с чем. Олег звонил домой каждые десять-пятнадцать минут. Ему никто так и не ответил. Рита растерянно бродила вокруг палаток.

Они молча стояли на берегу озера. Поверхность его бороздила легкая серебристая рябь. Негромко шелестели пики аира и болотной осоки. Говорить было не о чем.

– Идиотизм, – пробормотал Иннокентий. – Ну не испарилась же она, в конце концов!

Озеро лежало у их ног, безмятежное, спокойное, равнодушное. Не сговариваясь, они пошли в разные стороны, всматриваясь в прибрежные кусты. Ничего. Время уже перевалило за полдень.

Молчаливые, они принялись упаковывать вещи и сворачивать палатки. Олег запихивал в рюкзак вещи Лены. Наткнулся на ее сумочку, раскрыл. Кошелек, косметика, записная книжка, какие-то мелочи – все осталось.

Лена исчезла без вещей...

Глава 3

Будни «Global Village»

Из комнаты Стаса Кучинского доносился знакомый, на редкость неприятного тембра бас его приятеля Кирилла Колодко, придурка и бабника. При этом красавчика в духе Ди Каприо, но улучшенной модификации. Высокий, накачанный, с улыбкой и взглядом, перед которым не способна устоять ни одна женщина от шестнадцати до шестидесяти, Кира был любимым дитятей природы, щедро оснащенным для определенных действий, в силу которых род человеческий множится и продолжается. Но, как уже сказано, придурок он был редкий. Однако далеко не дурак. Основной недостаток Киры – недержание речи. Он говорил, что думал, не останавливаясь ни на минуту. Резал слух своим пронзительным голосом, стремясь перекричать собеседника, и при этом брызгал слюной. Причем молотил всякую чушь, доводя окружающих до нервного срыва. Входил в раж и позволял себе грубые выпады, за что бывал бит неоднократно.

Кира работал реализатором хозяйственных товаров в мелкой фирме – всяких консервных ножей, открывалок пивных бутылок, штопоров, мясорубок, кофемолок и электрочайников, зарабатывал копейки, но вполне этим довольствовался. Покупателям он грубил, но тем не менее товар продавал не хуже, а может, даже лучше других. Видимо, опытные покупатели считали – раз хамит, не уговаривает купить, не выкручивает руки – значит, товар так хорош, что не нуждается в рекламе. Жил Кира один в однокомнатной квартире, подаренной отцом. Тот отселил сына, так как Кира терпеть не мог его подругу, с которой сам же отца и познакомил. Когда девушка приходила к ним в гости, то целый вечер, а то и далеко за полночь Кира выяснял с ней отношения, не обращая на отца ни малейшего внимания и откровенно хамя, когда тот пытался вмешаться. Здесь можно сделать вывод о том, что, если бы Кира был нормальным человеком, не видать бы ему квартиры, как собственных ушей. (Это о воздаянии по заслугам!) Квартира его скоро превратилась в притон или секс-стойбище, где постоянно менялись девочки, которых неотесанный Кира называл телками.

Стас, в отличие от приятеля, обитал с родителями, которые всячески портили ему жизнь.

Кира, как уже говорилось, говорил не переставая. Если был один – то

сам с собой. Идя по улице, бубнил себе под нос. Заядлый спорщик, всякий предмет спора он доводил, как правило, до абсурда. Он считал, что его окружают одни козлы, дураки и идиоты. Стаса он называл козлом или дураком в зависимости от обстоятельств; отца – просто козлом; покупатели же, прохожие, начальство, коллеги по работе – все были козлами и идиотами. В подъезде, где жил Кира, на стене напротив его квартиры красовалась надпись большими буквами: «Кирка козел!» Стас иногда думал, что это зачем-то написал сам Кира. Колодко же считал, что это сделал или отец, или одна телка, которая не давала ему проходу в прошлом году.

Он собирал марки и переписывался со старым фанатом-филателистом из Англии, для чего довольно прилично освоил английский. Фанат, привыкший иметь дело с приличными людьми, неосторожно высрал Кире редкую марку с королевой Викторией в обмен на обещанные первые советские марки, которые представляли собой старые, царские еще, с надпечаткой «P.C.Ф.С.P.», и теперь терпеливо ожидал обещанного, время от времени деликатно напоминая Кире о долге.

– Ничего, – хладнокровно говорил тот, – подождет. Не надо быть таким дураком!

– Ты же обещал! – упрекал Киру зануда Стас.

– Ну и что, – отвечал беспринципный Кира. – Мало ли чего я обещаю!

– Здравсьте, Ксения Валентиновна, – при виде начальницы приятеля Кира приподнял с дивана зад и тут же плюхнулся обратно. – Скажите этому козлу, – непринужденно бухнул он, – что у него крыша слетит. В инете можно снять классных телок с фотками, а он кочевряжится. Стас имеет право на законный перерыв. Я тут адрес нарыл. А этот дурак типа вас боится. Я говорю, Ксения Валентиновна классная баба, чего ты, козел! А он говорит, ты еще ее не знаешь. И хата есть, самое главное!

Стас сидел, уставившись на экран, багровый от смущения, с раскаленными малиновыми ушами, и время от времени издавал хрюкающий звук.

– Подожди, Кира, – остановила я этот поток сознания, – Стас должен сделать для меня работу.

– Я все сделал, Ксения Валентиновна, – выдавил из себя Кучинский. – Даже добавил кое-что. Хотите, можно посмотреть здесь, а можно у вас. Номер шесть и семь в меню. Открывает вид на новостройки... Интерьеры, детали отделки, балконы, лоджии.

– Спасибо, Стас! – Я потрепала его по плечу – непозволительная

вольность, конечно, но уж очень он смутился. – Я посмотрю у себя. До свидания, Кира.

– Вы уже уходите? – огорчился тот. – У вас красивые ноги, Ксения Валентиновна! Хорошо, что вы не носите брюк, терпеть не могу баб в брюках! А хотите с нами вечером в «Сову»? Сегодня прикольная программа. У меня там знакомый мэн, пропустит на халяву. Пошли, а?

Я с трудом удержала улыбку. Комплимент, однако. Прошла через общую комнату, где сидели две бледные поганки, чувствуя на себе их ненавидящие взгляды. Лидер – высокая девица с белыми длинными волосами, жесткая и неприветливая Оля – демонстративно искала что-то в ящичке стола. Я задержалась у своего кабинета, помедлила и сказала:

– Оля, зайдите ко мне.

Она неохотно поднялась и пошла к двери, виляя задом. Вторая, Динка, проводила ее сочувственным взглядом.

– Садитесь. – Я старалась не смотреть на Олю. У девушки был крупный подвижный рот, щедро намазанный вишневой помадой. Он странно и неприятно выделялся на неярком лице, вызывая желание, почти болезненное, рассмотреть его поближе. Длинные белые колючие волосы лежали на плечах. Символический топ на бретельках открывал плечи и голый живот с ямкой пупка, тесные розовые брюки обтягивали мощные ляжки. Профессия шлюхи написана у нее на лбу. Дрянная девица. Чувствуя интерес хозяина, Оля хамски вела себя, работать не желала. Она была из тех молодых хищниц, что знают лишь один способ привязать к себе мужчину – постель. И, как многие до нее, рассчитывала на босса, зная, что у того жена на двенадцать лет его старше. Дамские журналы набиты историями о золушках, сумевших найти свое счастье, да только где ж напасть принцев? Роман потерял к ней всякий интерес, и теперь началась моя партия. Сейчас я скажу ей, что, к сожалению, в фирме предстоят сокращения... С удовольствием скажу. Так и вмажу!

Оля опустила на стул. Провела кончиком языка по верхней губе. Сложила руки на коленях. На меня она не смотрела, нарочито равнодушно уставилась в окно. Демонстрировала характер, догадываясь, зачем ее позвали. Я в упор рассматривала девушку – несуразный рот, выдвинутая вперед нижняя челюсть, лиловые веки. Чувство мгновенной мстительной радости вспыхнуло и тут же погасло. На лбу жертвы выступили мелкие бисеринки пота. Я вдруг подумала, что не знаю о девушке ничего. Кроме того, что деньги та, видимо, привыкла зарабатывать в постели. Сколько ей? Двадцать пять, больше? Ни профессии, ни видов на будущее. Работать не привыкла, ждет выигрыша, заглядывая в глаза проходящим мужчинам.

Месяц «училась» – молча, со скучающим видом сопровождала бабу Броню, потом печатала всякие бумажки, сидела на телефоне или в Интернете. Бегала по первому зову к Роману в кабинет, уверенная, что обеспечивает себе будущее. Роман производил впечатление избалованного и не особенно умного тьюфяка, и каждая новая подружка считала, что с легкостью приберет его к рукам. На самом деле наш шеф прагматик до мозга костей, и сентиментальности в нем не больше, чем в кухонной табуретке. Через месяц-другой очередная девица ему приедается, и песенка ее спета. Я, как королевский палач, привожу приговор в исполнение, не испытывая ни малейшей жалости к павшей фаворитке, а только досаду на шефа.

Передо мной сидела такая очередная: вульгарная, дешево одетая и сильно покрашенная молодая женщина, чья жизненная позиция уже наложила отпечаток на ее внешность. Мне вдруг пришла в голову странная мысль, что между Романом и этими девушками есть много общего. И тот и другие продаются, но Роману повезло больше. Он сумел продать себя по хорошей цене...

Я продолжала рассматривать Олю, и та, чувствуя взгляд ненавистной начальницы, стала медленно багроветь. Но по-прежнему смотрела в окно.

– Где вы живете? – спросила я вдруг неожиданно для себя.

– На Вокзальной, – ответила она, не глядя на меня.

– Это далеко отсюда?

– Сорок минут троллейбусом.

Я напряженно раздумывала, уставившись в бумаги на столе. Да что это со мной?

– Жаль, что вы не водите машину.

Если Оля и удивилась странному заявлению, то ничем этого не выказала. Помолчала, видимо, обдумывая услышанное, потом сказала, недоверчиво вглядываясь в мое лицо:

– У меня есть права. У нас в школе был кружок вождения. – Подумав немного, добавила: – У моего жениха машина...

– В таком случае... – Я замолчала, все еще колеблясь. Наконец решила: – Возьмете машину, серый «Шевроле», съездите домой и переоденетесь. Уберите краску с лица и бижутерию. Скромный костюм, гладкая прическа, туфли... – Хотела добавить: «...поприличнее», но удержалась. – В три у меня назначена встреча с клиентом из Финляндии, поедете вместо меня. Покажете ему три квартиры в центре, я дам адреса. Хозяева будут ждать. И складское помещение под фабрику за городом. Он собирается открыть у нас мебельную фабрику, вернее, сборочный цех. Человек небедный, с серьезными намерениями. Не вздумайте упустить. Ну

и... и... – Я снова запнулась, подбирая слова. – ...держите дистанцию. Вам понятно?

Девушка кивнула. У нее сделалось странное выражение лица – мне показалось, что она сейчас расплачется.

– Если вы сумеете... заключить сделку, я возьму вас в штат. – Слова вырвались у меня нечаянно, и я тут же пожалела о них – кто за язык тянул? Никаких обещаний. – В нашем деле очень важно умение аргументировать. Помните уроки бабы Брони? Расскажите клиенту, почему именно эта квартира ему подходит больше других, где будет парковка для его машины, где супермаркет. Упомяните, что это один из самых безопасных районов города – рядом отделение полиции или банк с охраной. Понятно? Вы город хорошо знаете?

Оля кивнула.

– Говорите с ним доверительным тоном. Расспросите о семье, но вскользь, пусть он... расслабится и почувствует себя так, будто вы давно знакомы. Но никаких... – Я снова запнулась, не сумев подобрать нужное слово.

– Я поняла, – сказала Оля, поднимаясь со стула. – Не беспокойтесь, Ксения Валентиновна. В койку тащить клиента не буду, честное слово. Даже за зеленое бабло. Давайте ключи!

Я потянулась за сумочкой, достала ключи на голубом брелоке с Эйфелевой башней, протянула девушке. Видимо, Оля прочла что-то в моем лице. Она осторожно взяла связку и сказала, впервые заглянув мне в глаза:

– Я все сделаю как надо, Ксения Валентиновна, не волнуйтесь. Не маленькая! Спасибо вам.

Крутнувшись на каблуках, она бросилась к двери, словно боялась, что я могу передумать. Она так торопилась, что споткнулась уже у самой двери, но не остановилась. Взмахнув руками, преодолела последних пару шагов и исчезла.

Оставшись одна, я некоторое время пребывала под впечатлением своего необычного поступка. Скажи мне кто-нибудь еще полчаса назад, что я могу совершить подобное, я бы только рассмеялась. Что же произошло? Я не знаю. Я не считаю себя способной на жалость или мягкость. Наоборот, я уверена, что обладаю характером твердым, даже жестким. В наше время иначе не выжить, особенно одиноким женщинам, у которых нет богатого мужа или покровителя. Когда-то Роман протянул ко мне свои липкие лапы, и я залепила ему пощечину. Он не столько обиделся, сколько удивился. Только и сказал: «Ну ты, мать, даешь! Я ж тебе хозяин все-таки». Но рук больше не распускал. Мне, пожалуй, нравилась живучесть хозяина – Роман

Руденок катился по жизни, как мячик. Никогда не терял формы. Протягивал руку и брал что хотел, а если не получалось взять именно это, тянул руку к чему-нибудь другому. Не мстил, не дулся, не смотрел волком. В нем, казалось, не было ни капли отравляющего всем жизнь мужского самолюбия. Равнодушие его и некоторая вялость принимались окружающими за добродушие и мягкость, и он слыл хорошим, но слабым по женской части парнем. Хотя почему «но»? А кто, имеющий возможности, не бабник? «Я вас умоляю!» – как говорит баба Броня.

Я посмотрела на часы. До встречи со Стеллой оставалось минут сорок. Мне вдруг пришло в голову – и я приняла эту мысль с облегчением, – что странное происшествие с Олей объясняется моим предстоящим свиданием с приятельницей. Я успела соскучиться – мы не виделись уже несколько дней, – кроме того, голос Стеллы, настаивающий на встрече именно сегодня, звучал так необычно, что я предпочла ее Густаву... И вот, пожалуйста! Баба Броня в «поле», никого другого под рукой не оказалось. Оля неглупая девушка, но... Посмотрим.

Глава 4

О странностях любви

Стелла Ганина тоже деловая женщина. И значит, обречена на вечную девственность. Трезвая и предприимчивая, Стелла примерно раз в год или полтора «ударяется в загул». Это значит, что появляется наконец тот единственный, подходящий по всем статьям. Умен, хорош собой, прекрасный любовник и, что редкость по нашим временам, джентльмен. Я уверена, что мужчин, обладающих подобными качествами, в природе практически не осталось, а Стелла, устав от одиночества, смотрит на мир сквозь розовые очки. К сожалению, я права. Джентльмен, умница и рыцарь на поверку всегда оказывался альфонсом и рыбой-прилипалой, и Стелле стоит больших трудов впоследствии от него избавиться.

В такие моменты я удивляюсь тому «размазанному» состоянию, в которое впадает деловая женщина Стелла. Она плачет, жалуется на судьбу и обвиняет себя в том, что невезучая. По закону компенсации, а в законах Стелла разбирается хорошо, так как она юрист и представляет на сделках «Global Village», среди многих плюсов, которыми одарила ее судьба, имелся лишь один, но весомый минус – отношения с противоположным полом. Стелле – умнице, красавице, богатой и предприимчивой деловой женщине – не везло с мужчинами.

Мне иногда кажется, что в ней больше мужских качеств (или тех, которые считаются традиционно мужскими), чем женских. Если бы она была душой набитой или хотя бы делала вид, что дура, капризничала, строила глазки, надувала губы, умело лавировала между «дам – не дам», одним словом, обладала «сундуком с хитростями» прабабки Евы, то... тогда это была бы не Стелла. Она шла по жизни с открытым забралом и влюблялась безоглядно, страстно, на всю жизнь.

Одна поэтесса сказала, обращаясь к мужчинам: «Меж вашей пылкостью и скукой лишь та уверенно пройдет, в ком нет любви, а лишь расчет в союзе с Евиной наукой. А тем, кто любит вас, увы, любовь всегда ломает крылья!» Прекрасные стихи, хотя и написаны в четырнадцатом веке совсем молоденькой девушкой, которая вскоре ушла в монастырь. Что неудивительно – тот, кто в раннем возрасте так пронзительно чувствует несовершенство мира, умирает молодым или уходит в монастырь. Удивительно другое – несмотря на социальный прогресс, женскую эмансипацию, технологическую и сексуальную революции, Интернет,

стихи, написанные около пятисот лет назад, до сих звучат вполне актуально.

По голосу Стеллы я поняла, что у нее случилась новая любовь до гроба, чем необходимо срочно поделиться со мной. Выговориться нужно. Рассказать, какой «он» необыкновенный, замечательный и, разумеется, не такой, как все. Я только диву давалась, как холодная и расчетливая Стелла теряет голову, встретив очередного избранника. Избранники ее, как правило, принадлежали к одному и тому же типу – некрупные бесцветные блондины с интеллигентными, изрядно потрепанными жизнью и обстоятельствами физиономиями, часто пьющие. Главное достоинство этих мужчин заключалось в том, что они умели красиво говорить, особенно после рюмки-другой.

В Глеба Чулкова Стелла влюбилась, когда услышала из его уст фразу: «Немыслимо дурацкая ситуация, безумие какое-то, я просто теряюсь, и, если вы мне не поможете, я, честное слово, брошусь с балкона». Он пришел в ее юридическую фирму за советом – что-то не поделил с соседом, и «этот жлоб» его буквально преследовал. Потом оказалось, что живет Чулков на первом этаже и бросаться с лоджии может хоть десять раз на дно без всякого для себя ущерба.

– Он такой беспомощный, такой тонкий, такой неприспособленный, – сияя глазами, рассказывала Стелла. – Интеллигент до мозга костей, вымирающая порода. Не женат. Говорит, что робеет перед современными женщинами, которые курят, пьют и ругаются матом... Представляешь? Мне кажется, он пропадет без меня.

Я подумала тогда, что если Чулков не погиб до сих пор, то вряд ли жизни его угрожает серьезная опасность в дальнейшем, но промолчала, дивясь про себя иррациональности подруги.

Чулков ухаживал очень красиво – цветы, театр, целование рук и никаких поползновений на женские честь и достоинство. Однажды Глеб попросил у Стеллы денег взаймы, сказав при этом, что на свете существует лишь один человек, от которого он может принять помощь. Стелла, польщенная его доверием, дала. Дела у него шли все хуже – друг, которому он доверил все, что у него имелось, и даже одолжил на стороне крупную сумму под большие проценты, внезапно исчез, не вернув долг. Возможно, его убили бандиты-кредиторы. И теперь жизни Чулкова угрожает опасность, если он не вернет деньги...

Стелла, помогающая людям дельными юридическими советами, оказалась беспомощной перед проходимцем Чулковым. Любовь застила ей глаза. Она бросала деньги в Чулкова, как в бездонную бочку. Потом

выяснилось, что он игрок, проводящий все свободное время в казино за картежным столом. Женщины Чулкова не волновали, чем и объяснялась его неправдоподобная деликатность в вопросах секса.

Потом был Артур Кременецкий, местный поэт. Тоже необыкновенный. Потасканный блондин с лживо-мечтательными глазами и хорошо подвешенным языком. Человек горькой судьбы, влачащий жизнь в одиночестве. Правда, с собакой – белым с черными пятнами далматинским догом по имени Принц, подаренным ему женщиной, которая его любила... Дойдя до этого места в своей биографии, Артур многозначительно замолчал. Предполагалось, что женщина, любившая его, таинственно и трагически исчезла из его жизни, а возможно, из жизни вообще.

Когда-то Артур выпустил тонкую книжку стихов, довольно слабых и каких-то вторичных. У читателя создавалось впечатление, что это он уже где-то читал, причем не раз. Стелла помогла ему со второй книжкой. Окрыленный успехом, Артур немедленно приступил к написанию третьей. Он все реже встречался со Стеллой, объясняя это участившимися приливами вдохновения.

– Я работаю как проклятый, – говорил Артур томно. – Особенно по ночам, когда тьма опускается на мир, скрывая его несовершенство.

Потом появилась жуткая баба, оказавшаяся ревнивой подружкой поэта, она учинила Стелле скандал, визгливо выкрикивая разные глупости и при этом называя поэта «эта сволочь Колька». Имя «Артур» оказалось литературным псевдонимом. По ее словам, Колька альфонс и трутень, единственной обязанностью которого было выгуливать драгоценного далматинца. Позавчера Колька дога потерял, что переполнило чашу терпения женщины, и она решила расставить точки над «i». Она почему-то решила, что Принц потерялся из-за Стеллы, стервы, отбивающей чужих мужиков, в которых вложено немерено денег и сил. Якобы сволочь Колька сидел у Стеллы, а дога оставил на улице, и его увели.

Стелле пришлось заплатить за собаку, равно как и за третий поэтический сборник, так как типография уже запустила книжку в производство.

И так далее, и тому подобное. Судьба? Наверное, судьба.

Последние полгода Стелла пребывала в миноре, расставшись с пианистом филармонии, трепетным и хрупким молодым человеком недокормленного вида. Сожительница под горячую руку выбросила его на улицу, и пианисту грозила смерть от холода – дело было зимой. Он пришел к Стелле по чьему-то наущению узнать, не имеет ли он права на угол в

квартире сожительницы. Рассказал свою печальную историю. Этого молодого человека нельзя назвать жуликом или альфонсом. Во всяком случае, осозанным альфонсом. Он был не от мира сего, а от мира музыки. В тоскливых глазах его навечно застыли испуг и одиночество. Он, в отличие от других, оказался немногословен. Создавалось впечатление, что мыслит он музыкальными фразами, которые переводит на человеческий язык, снисходя до общения с окружающим миром.

Стелла немедленно бросилась устраивать его судьбу. Определила к знакомым, которые сдавали комнату, живописала его бедственное положение. Она спасла пианиста от смерти в сугробе, но начались проблемы, которые трудно было предусмотреть заранее. Хозяева квартиры, приятнейшая пожилая чета, чьи дети давно выпорхнули из гнезда, прониклись бедственным положением талантливого молодого человека и приняли живейшее участие в его судьбе. Желание стать путеводной звездой для ближнего – недуг довольно распространенный.

Они звали его к столу, заставляли кушать побольше, потому что он такой худенький, кожа да кости. Просили поиграть на пианино, желая приободрить. Причем с третьего такта хозяин засыпал и начинал храпеть – таково было воздействие на него музыки. А хозяйка просила сыграть свое любимое – «Миллион алых роз» – и при этом подпевала. Она бесконечно расспрашивала музыканта о жизни и заходила без стука, по-домашнему, в его комнату то с чаем, то с куском пирога. Через неделю молодой человек сошел с ума и бросил на пол чашку с молоком, которое хозяйка принесла ему на ночь. При этом он кричал: «Вон! Подите вон! Я вас ненавижу!», топал ногами, размахивал руками и в конце концов разрыдался.

– Стеллочка, мы вам очень обязаны... – Женщина на другой день позвонила ей и рассказала, что жилец сбежал. – Но поймите меня правильно! Ваш знакомый какой-то асоциальный тип, злобный, невоспитанный, неблагодарный. Мы к нему со всей душой, а он... Да он просто зверь!

Молодой человек шарахнулся от Стеллы, как от чумной, когда она пришла к нему через два дня, с трудом его разыскав. Он временно жил в реквизиторской комнате филармонии, спал на скамейке.

– Ни за что, – прошептал он. – Ни за что... лучше умереть! Эти люди меня преследовали и ночью и днем... Ужас! – Он закрыл лицо руками.

Взять деньги пианист наотрез отказался. К счастью, его подружка-арфистка, дама лет на двадцать старше, одумалась, сменила гнев на милость и позвала его обратно.

Вчера вечером Стелла позвонила мне и предложила встретиться. По ее взволнованному голосу я поняла, что пианист забыт и в жизни приятельницы началась новая счастливая полоса.

Я не торопясь шла в кафе «Знаки Зодиака», где мы обычно встречались со Стеллой. В нескольких шагах впереди двигалась любопытная пара – мальчик лет трех и длинный молодой человек с пустым рюкзаком за плечами. Малыш в желтом костюмчике и белой панамке, перепоясанный мягкой кожаной сбруей, упирался ладошками и лбом в собственную коляску и, пыхтя, толкал ее вперед. Папа держал сына на кожаном поводке, прикрепленном к сбруе, и задумчиво шагал рядом. Оба молчали. Малышу было не до разговоров, а папа не понукал его и не торопил. Я с удовольствием рассматривала эту компанию, и мне вдруг пришла в голову мысль, что мужчины – более успешные воспитатели, и если у меня когда-нибудь родится сын, то его воспитанием займется отец... вот как этот длинный спокойный парень. И будут они неторопливо шагать в магазин за продуктами, которые я укажу им в списке. Сын, самостоятельный мужичок в белой панамке, будет толкать свою коляску...

Я вздохнула. Мечты, мечты... Полюбовавшись на колоритную парочку в последний раз, я вошла в кафе.

...Мы сидели в углу зала, где было сумрачно и тихо. Цены здесь кусались, посетителей почти не наблюдалось. Тихо звучала легкая инструментальная музыка. Некоторое время мы рассматривали друг друга. Стелла смотрела на меня радостными сияющими глазами. Я убедилась, что она опять влюблена.

– Ксень, – начала Стелла, отпивая вино из своей рюмки. – Ксень, я встретила человека...

Сказать, что Стелла красавица, значит не сказать ничего или сказать очень мало. Стелла ослепительна! Нервное, тонкое, стремительное создание, она неслась по жизни, и всякое ее действие было полно блеска. Кровь ее представляла собой сложный коктейль, в котором смешались горячий юг и рассудительный север. От прабабок молдавских кровей она унаследовала смуглую кожу, дробность сложения и тонкие черты лица, которыми славится латинская раса. Богатые, цвета воронова крыла, волосы она скручивала в небрежный узел на затылке. В маленьких ушах посверкивали рубины, бросая теплые красные лучики на смуглые щеки. У нее был трезвый ум и сильный характер – качества, изменяющие ей в периоды влюбленности.

Она смотрела на меня своими прекрасными карими глазами, и невооруженным глазом было видно, что в душе ее звучит музыка.

– Это замечательный человек! Правда! – вскрикнула она, заметив скепсис на моем лице. – Правда! Честное слово. Настоящий мужик, сильный, самостоятельный...

Сильный? Самостоятельный? Это что-то новое.

– Разумеется, джентльмен, – не удержалась я от сарказма.

Стелла задумалась на секунду и сказала:

– Нет, не джентльмен. Но это не имеет никакого значения.

Это значило, что рук он ей не целовал и комплиментов не говорил. Цветов, видимо, тоже не дарил. Что же тогда случилось?

А вот что. С соседкой произошел сердечный припадок. Она смогла дозвониться до Стеллы, так как номер «Скорой» был все время занят. Стелле повезло больше, и приехал врач... Разумеется, блондин, разумеется, бесцветный – неприветливый тип в несвежем халате, с трехдневной щетиной на серых мятых щеках. «Вы дочь?» – спросил врач и та-ак посмотрел на Стеллу... Она сумела лишь помотать головой в ответ. Врач посидел некоторое время молча с закрытыми глазами и, кажется, уснул. Все это происходило в четыре утра. Стелла догадалась предложить ему кофе. «Давайте! – оживился он. – Покрепче и без сахара. А можно...» – он замаялся и потер щеку, издавшую при этом скрежещущий звук. Выразительно взглянул на нее.

– И тут я поняла, что он голодный, – Стелла запустила пальцы в волосы, что делала обычно в минуты волнений.

Она накормила его и сестричку. Врач глотал бутерброды, как удав, не жуя. Стелла сидела напротив и не сводила с него глаз. Потом он утерся рукой, хотя она подала салфетки. У нее создалось впечатление, что он сделал это нарочно.

Уходя, врач сказал: «Премного вам благодарны», – и низко поклонился.

Стелла рассказывала о замечательной встрече, в голосе ее звучали низкие вибрирующие виолончельные интонации, а в моем сознании рисовался образ неприятного, мятого, небритого типа с извращенным чувством юмора. Пьющего неразведенный спирт, скорее всего. Судьба, что и требовалось доказать. Никуда не денешься. Снова большая любовь, и снова не к тому персонажу.

Стелла жаждала расспросов – влюбленные эгоистичны и без конца готовы говорить о своей любви, и я с трудом выдавила:

– Как его зовут?

– Владимир Иванович Лапин, – ответила Стелла, вспыхивая от звука

имени любимого человека.

– Почему он работает на «Скорой»? Обычно туда идут интерны. Он что, сразу после института? – В моем вопросе невольно прозвучали прокурорские нотки, и Стелла бросилась на защиту Владимира Ивановича.

– Ему так удобнее! Так получилось!

– Что удобнее? – удивилась я.

– Ночные дежурства. Ему нужно работать ночью, чтобы днем быть дома. У него жена больна.

– Жена больна? А что с ней? – Я уже нарисовала себе образ спившегося горемыки в несвежем халате, бьющего на жалость влюбленной дурехи.

– Не знаю, – ответила Стелла. В ее глазах доктор Лапин выглядел героем и мучеником. – Какая разница?

– Он сам тебе рассказал про жену?

– Про жену мне рассказала сестричка, которая приезжала с ним. Я с ней... познакомилась, – добавила Стелла, поймав мой взгляд.

Предприимчивая подруга поймала сестричку за рукав, когда бригада «Скорой помощи» уже уходила, и попросила заехать на другой день померить соседке давление и вообще... Когда та пришла, напоила ее чаем и расспросила о докторе. Лапин был в свое время прекрасным специалистом, светилом, можно сказать, и заведовал урологическим отделением второй городской больницы. Но три года тому назад случилась неприятность – со склада отделения исчезли препараты, содержащие наркотические вещества, ну и вот... Под суд Лапина отдавать не стали, но из больницы пришлось уйти. Никуда, кроме «Скорой помощи», его не взяли...

– А жена? – спросила я. Доктор Лапин нравился мне все меньше. Не только пьяница, но еще и наркоман. Если бы его отдали под суд, он получил бы срок. И Стелла, опытный юрист, попала на эту наживку?

– Жена больна... Я думаю, он продавал наркотики, чтобы обеспечить ей уход.

Я едва не задохнулась от возмущения. Ну можно ли так попадаться? Уважаемый врач, крадущий наркотики, чтобы помочь больной жене... Развенчанный, выброшенный из общества, влачащий жалкую жизнь, делая подпольные аборты дешевым шлюхам... Ну прямо бразильское мыло – «Бедный доктор Альфонсо»!

– Он тебе понравится! – Безмерна вера влюбленных, что окружающие разделят их восторги. – Он... – Стелла подняла глаза к потолку и сжала кулаки. – Он не такой, как другие!

– Разумеется, не такой. Все они разные, а результат один, – собиралась

хладнокровно заметить я, но вовремя прикусила язык. Бесполезно! Доктор Лапин – очередное психическое расстройство, которым Стелле нужно переболеть. Правда, этот, судя по описанию, будет покруче картежника Глеба Чулкова и поэта Артура Кременецкого. Равнодушные мужчины к своему внешнему виду, небритость и неряшливость часто говорят о сильном характере и презрении к мнению окружающих. Я представила себе небритого Лапина, глотающего бутерброды в четыре утра, и содрогнулась.

На лице Стеллы застыло мечтательное выражение, и я вдруг ощутила укол зависти – я не умею отдаваться чувству так безоглядно. Я пережила несколько влюбленностей, от которых не осталось даже пепла, и помнила, что и в разгар отношений никогда не заблуждалась в оценке любовника – он не казался мне ни другим, ни лучшим из всех, и я прекрасно сознавала, что не пожертвую ради него ни работой, ни свободой. С одним из них я без сожалений рассталась после его препирательств с таксистом из-за нескольких рублей – у того не оказалось сдачи. Выражение лица у моего рыцаря при этом сделалось брюзгливо-высокомерным. Ему не было жалко денег, просто всякий сверчок должен знать свой шесток. Обслуживающий персонал должен знать свое место!

С другим – после того, как он позвонил жене и сказал, что у него деловое свидание. Мы в это время лежали в постели. Звонить при мне не было никакой необходимости, но он считал, что это такой прикол и юмор. Он еще и подмигнул при этом. Я помню, как передернулась. Меня мало волновала полумифическая жена, но смеяться над ней при мне, любовнице, я сочла неприличным.

И ни разу в жизни я не испытала безудержного и восторженного чувства, равного по накалу чувству Стеллы. Не дала мне природа подобного, а только умеренный интерес.

– А его жена? – снова спросила я.

Стелла пожала плечами. Кто думает о таких мелочах, когда любовь?

– Но если его жена... нездорова, как он может встречаться с тобой? – настаивала я. Дурацкий аргумент – из тех, что приводят, когда сказать больше нечего.

– Во-первых, мы не встречаемся... – Стелла вздохнула и задумалась. – Кстати, мне нужна твоя помощь.

– Ключ от квартиры? – ехидно спросила я.

– Нет, – серьезно ответила Стелла. – Я хочу, чтобы ты с ним поговорила.

– Я? Поговорила? – изумилась я странной просьбе. – О чем?

- Обо мне!
- Почему ты не можешь это сделать сама?
- Он не хочет со мной разговаривать... – Стелла сникла, глаза погасли.

Казалось, она сейчас расплачется.

- Как это, не хочет? – не поняла я.
- Очень просто. Не хочет, и все!
- Откуда ты знаешь? Ты что, пыталась?
- Я позвонила ему... Напомнила, кто я...
- И что?
- И ничего. Он спросил: «Ну?» Я сказала, что хочу с ним встретиться.

Он спросил: «Зачем?» Я ответила: «Поговорить». Он заявил: «Говорите сейчас и побыстрее, у меня мало времени». А я, как идиотка, молчу, все мысли растеряла...

- Он так сказал? Твой доктор Лапин просто хам! – возмутилась я.

- Хам, – подтвердила Стелла. – А может, мне и нужен хам!

Представляешь, он даже не спросил мой номер телефона...

– Ты сошла с ума! Грубый, небритый тип, которого выгнали с работы! Зачем он тебе? Скажи спасибо, что у него не было времени. Забудь!

– Ты ничего не понимаешь! Я ему не нужна! – Глаза Стеллы снова засияли. – Я ему не нужна, понимаешь?

- Это тебя радует?

– Да! Ты же знаешь, сколько вокруг липучих мужиков! И всем нужно одно!

- Деньги? – не удержалась я.

- В том числе. А этому – ничего!

- Я бы сказала, что это к лучшему. Считай, тебе повезло.

- Поговоришь? – Стелла пропустила мимо ушей мои слова.

- Нет! И не подумаю!

- Пожалуйста!

- Нет, нет и нет! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

– Ксения, ты единственный человек, которого я могу просить... Ты себе не представляешь... Пожалуйста! – Стелла смотрела на меня умоляющими глазами, сверкнули близкие слезы. – Пожалуйста! – Она положила свою маленькую смуглую ладонь на мою руку.

– Ты хоть понимаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет? Такие дела решаются без посредников, – произнесла я брюзгливым, как мне показалось, тоном, сдаваясь. – Что я должна ему сказать?

Справедливости ради нужно заметить, что крошечный росток любопытства уже проклевывался у меня где-то внутри. Судя по рассказу

Стеллы, в докторе Лапине нет ничего, что могло бы привлечь женщину, – ни внешности, ни манер, ни шарма, но ведь привлек! Чем же?

– Ты согласна? – обрадовалась Стелла. – Спасибо!

– Я еще не решила, – отступила я, ругая себя за бесхребетность. – Ты ставишь меня в дурацкое положение. Ты хоть понимаешь это?

– Спасибо! Завтра, ладно?

– Не могу! – твердо ответила я. – Мне нужно подготовиться.

– Тогда послезавтра. Встретишь его после дежурства, в восемь утра. Вот адрес. – Она протянула мне листок из блокнота.

Я рассмеялась, сдаваясь. Взяла листок. Стелла хорошо подготовилась – видимо, не только звонила доктору Лапину по телефону, но и подстерегала его на улице после дежурства. Злого, уставшего и голодного... Небритого, в мятом халате.

Словно подслушав мои мысли, Стелла сказала:

– Я к нему не подходила, просто смотрела издали. Он возвращается домой пешком.

– И во второй раз он понравился тебе еще больше? – не удержалась я.

– Да! – воскликнула Стелла. – Еще больше!

– И что ему сказать?

– Что ты моя подруга, – подумав, ответила Стелла. – Что знаешь меня сто лет... Что я хороший человек... Ну, не знаю. Придумай что-нибудь!

– Ну уж нет! Давай тезисы, а то не пойду!

– Все зависит от обстоятельств, – осторожно сказала Стелла.

– Ты думаешь, он может броситься на меня?

– Вряд ли... Спроси, почему он не хочет со мной встретиться?

– Мне это все не нравится, – пробурчала я, окончательно уступая. – Дурацкая затея.

Глава 5

О странностях любви (окончание)

Высокий человек, неслышно ступая, подошел к нашему столику. Мы, не заметив его, продолжали обсуждать предстоящую встречу с доктором Лапиным. Я, внезапно увидев незнакомца совсем рядом, издала слабое «ах». Стелла подняла голову.

– Добрый день, – произнес незнакомец. – Я, кажется, появился очень внезапно и всех напугал. Стелла, не видел вас целую вечность!

– Привет, – ответила она без особой радости. – У меня все хорошо. Это моя подруга Ксения. Ксюш, это мой старинный знакомый Александр Урбан.

– Очень приятно, – он задержал мою руку в своей и заглянул мне в глаза.

Это был мужчина лет сорока, высокий, с резкими чертами лица. Глубоко посаженные темные серые глаза могли бы принадлежать великому инквизитору или христианскому мученику. Жесткие складки от крыльев носа к углам узкого рта говорили о воле и упрямстве. Лицо значительное и незаурядное, по-своему красивое.

– Я всегда был уверен, – сказал он, неохотно выпуская мою руку, – что у красивых женщин некрасивые подруги. Теперь я понял, что это не так. Ваша подруга, Стелла, не только красива, но и умна. К сожалению, она слишком большое значение придает карьере.

Я, к своему неудовольствию, покраснела.

– Присоединяйтесь к нам, – предложила Стелла после паузы.

– Если вы закончили разговор о любви, с удовольствием, – ответил Александр, выдвигая свободный стул.

– Если вы не прекратите читать мысли, я перестану с вами разговаривать и немедленно уйду, – сказала я.

– Мысли знакомых и друзей я не читаю. Чтением мыслей я занимаюсь только со сцены и за деньги. Так что оставайтесь, я не опасен.

– Как спящий питон... Александр – экстрасенс. – Стелла повернулась ко мне. – Он предсказывает судьбу, читает по ладони и гадает на кофейной гуще.

– А еще он превращает злых особ женского пола в черных кошек и

зеленых ящериц, – произнес Александр ей в тон. – Ксения, не бойтесь меня. Скажите, что не верите во всю эту чушь, и давайте знакомиться дальше. Вы кто? – У него была подкупающая манера держаться и приятная улыбка. – Впрочем, не говорите. Я попробую угадать... – Он сжал губы в тонкую линию, свел брови и уставился мне в глаза. – Вы имеете дело с людьми... – начал он. – Сфера обслуживания... Бизнес? Адвокатура? Торговля? Нет... – Он взял мою руку, несильно сжал. Ладонь у него была горячая. Закрыв на секунду глаза, потом открыл, некоторое время, задрал голову, внимательно рассматривал потолок. Снова заглянул мне в глаза. – Продажа недвижимости! – сказал торжественно. – Правильно?

– Откуда вы... Откуда вы знаете? – пролепетала я. – Вы что, действительно... читаете мысли?

– Иногда. Но не сейчас. Я просто задал себе вопрос, кем может работать женщина... молодая, красивая, строго одетая, с прекрасно поставленным голосом и умением выражать мысли четко и сжато... без маникюра...

– Особенно без маникюра... – пробормотала Стелла.

– ... и решил, что это может быть ресторанный бизнес. Но для ресторанного бизнеса вам, пожалуй, не хватает красок. Люди из этой сферы любят яркую одежду и много золота. Красный лак на ногтях. Для интеллектуальной сферы вы слишком дорого одеты. Банк? У сотрудников банка бухгалтерская внешность – они насторожены, недоверчивы и подсознательно все время прикидывают, глядя вокруг, что сколько стоит. – Он помолчал немного и произнес: – Пожалуй, недвижимость. Горячо! Привычка повелевать уже проступает на вашем лице. Генеральный директор! Генеральный директор крупной фирмы по продаже недвижимости... что-нибудь вроде «Глобал виллидж». – Он замолчал, глядя на меня исподлобья выжидающе.

Зачарованная, я перевела взгляд на Стеллу. Та пожала плечами.

– Но как вы... – Я недоверчиво смотрела на него. – Как вы узнали?

– Я же объяснил! Наблюдательность, жизненный опыт, дедукция...

– А как вы узнали про «Глобал виллидж»? – настаивала я.

Александр медлил с ответом. Лицо его стало уже не просто серьезным, а мрачным. Он прикрыл правой рукой глаза – блеснул серебряный перстень с багровым непрозрачным камнем на безымянном пальце – и произнес глухо:

– Я почувствовал... Не знаю, как... Это необъяснимо, Ксения. Не знаю... Не спрашивайте меня.

Я смотрела на него, приоткрыв рот и чувствуя, как горят щеки.

– Ксения, очнись! – Стелла вернула меня на землю. – Этот экстрасенс собирался покупать квартиру, и я рассказала ему про тебя.

– Ну, погодите, ведьмочка! – пригрозил Александр, рассмеявшись. – Быть вам черной кошкой! Теперь не отвертитесь.

– Лучше зеленой ящерицей, – возразила Стелла.

– Какая же вы ящерица? Вы кошка! Хотите, погадаю? Расскажу судьбу?

– Я и так все знаю.

– Неправда. Вы ничего не знаете о человеке, который вам нравится. Ну-ка, ну-ка...

Александр потянулся к руке Стеллы, но та проворно убрала ее за спину и с вызовом посмотрела ему в глаза. Выражение лица у нее стало неприятным, во взгляде медленно закипало раздражение. Ее радостное настроение испарялось на глазах. Я удивленно смотрела на приятельницу, не понимая, почему невинное предложение рассказать судьбу вызвало у нее такое неприятие.

– Вы что, подслушивали? – спросила она.

– Конечно, подслушивал, – не стал отпираться Александр. – Я всегда подслушиваю, когда подворачивается возможность. А вы что, правда беседовали о любви?

– О чем же еще могут говорить девушки, как не о любви. Не о работе же!

– От таких деловых дам, как вы, можно ожидать чего угодно. Любовь... Любовь – это серьезно. Хотите, выпьем за любовь? – Он призывно махнул рукой официанту. – Чем вас угостить, милые дамы?

Он смотрел на Стеллу с непонятным выражением, наклонив голову вперед. На лицо его упала тень, и оно стало хищным. У меня появилось чувство, что этих двоих что-то связывает, что-то прячется в мутных водах их отношений – камни, коряги, топляки. Что-то такое... Странно, обычно Стелла все мне рассказывает. Я опустила глаза, не желая подсматривать в замочную скважину. Но не в силах справиться с любопытством, снова взглянула на Александра. Его лицо больше не было хищным. Он, улыбаясь, переводил взгляд с меня на Стеллу, ожидая ответа.

– Мне шампанского, – сказала я неожиданно для себя.

– Мне тоже, – добавила Стелла, помедлив.

...Я выпила все холодное шампанское, со стуком поставила на стол бокал и расхохоталась. Все вокруг стало невесомым – поплыло, легко покачиваясь, – и невероятно смешным. Красавец Александр, улыбаясь, смотрел на меня. На дне его глубоких, как темные колодцы, глаз мерцали

звезды. Тонкие чувственные губы исказила улыбка, похожая на гримасу. Я, к своему ужасу, облизнулась, раздула ноздри, судорожно вздохнула и... Что-то менялось вокруг. Меня охватило чувство не то полета, не то низвержения. Я стремительно скользила куда-то. Пузырьки шампанского взрывались внутри, больно впивались в позвоночник, стены кружились все стремительнее, и я вцепилась пальцами в край стола – еще унесет! Мне вдруг до смерти захотелось прикоснуться к Александру – колено мое под столом уперлось в его колено, и меня тряхнуло как от электрического разряда. Александр шевельнулся, придвигаясь ближе. Он был так близко, что я чувствовала его тепло и приятную смесь из запахов кожи, одеколona и свежей льняной рубашки, видела несколько седых волосков на висках, жесткую морщинку в уголке рта. Я потянулась к его губам, мне казалось, я чувствую их вкус...

– Ксень, нам пора!

Громкий голос Стеллы вырвал меня из наваждения, и я словно проснулась. Кружилась голова. Крохотные молоточки стучали в затылке. Хотелось спать. Шампанское в бокале Стеллы уже не пенилось и напоминало жидкий чай. Она так и не притронулась к нему.

Александр молчал, не пытался удержать меня, не предложил проводить. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, достал визитную карточку, протянул мне.

– Возьмите, Ксения. Никогда не знаешь... Если что, звоните. Мы не делаем чудес, как говорится в телерекламе слабительного, мы просто возвращаем людям радость жизни. – Он улыбнулся своей кривой улыбкой. – Обещаете?

Я кивнула молча и спрятала карточку в карман жакета.

Мы вышли на улицу. Я чувствовала себя уставшей и подавленной. Хотелось пить. От моего радужного настроения не осталось и следа. Стелла вдруг воскликнула с досадой:

– Колдун проклятый! Распустил чары!

– Кто он такой? – спросила я.

– А черт его знает! – воскликнула Стелла. – Фокусник, гипнотизер... Шарлатан!

– Ты давно его знаешь?

– Давно, – нехотя ответила Стелла. – Наша фирма консультировала его... когда-то.

– Ты с ним... – я замялась.

– Трахалась? Да! Любовник он классный.

– А сейчас? – Я испытывала болезненное желание говорить об Александре.

– Сейчас нет.

– Почему?

– Потому. Страшно стало. К нему привыкаешь, как к наркотику. Я ни о чем другом думать не могла, только – Александр, Александр, Александр! Обмирала от его голоса в трубке! До слез, до истерики, до обморока, бежала, не помня себя, по первому зову! Лишь бы дотронуться до него, как ненормальная! А ревновала как! Травиться хотела, представляешь? Это я-то!

– Не представляю, – пробормотала я. – Он что, тебя бросил?

– Это я его бросила! Я! Почувствовала, что схожу с ума. Ненавидела себя! До сих пор ненавижу!

– Когда это было?

– Три года назад. Помнишь, я уехала в круиз по Средиземному морю? Ангел-хранитель надоумил. В Италии оклемалась и даже закрутила роман с помощником капитана. Красавчик – белый китель, золотые погоны, начищенный, надушенный, загорелый, на физиономии ни следа мысли. Улыбка ослепительная, и зубы крепкие, как у волка. Сплошная физиология. Как раз то, что надо – лекарство от любви. Вернулась, Александр примчался, а я ничего – погасла. Он и так и эдак... А я как камень. Все, кончилось рабство, гипноз не действует. Секс-рабыня вырвалась на свободу.

– Он что, действительно тебя гипнотизировал?

– Не знаю. А только муторно мне было от его любви. Помнишь Дракулу? Вот он такой же Дракула. Вампир. Хотя любовник... офигительный! – Стелла засмеялась. – Смотри, Ксень, не влюбись!

– А почему ты с ним на «вы»? – вспомнила я.

– Не знаю... как-то так получилось с самого начала. Тоже, кстати, меня раздражало... Выпендреж!

– А чем он занимается?

– Черт его знает! – снова ответила Стелла в сердцах. – Ты имеешь в виду, где он работает? У него передача на телевидении, сразу после новостей. Около часу ночи. Зодиак, гороскопы, сны, эзотерика. Для истеричных баб. Сеансы какие-то устраивает, предсказывает будущее, учит расслабляться, снимать тревогу, страх... Гуру гребаный, извини за выражение. Посмотри при случае. Тебя всегда так развозит от шампанского?

– Что? – не поняла я.

– Ты побледнела, а он так и впился в тебя... глаза страшные! Губы сжались, пальцы вцепились в край стола... Ну, все, думаю, сейчас как кинется – и клыками в шею! А ты тоже хороша! Чуть не бросилась на него!

– Не выдумывай, – вяло отмахнулась я. – Интересный человек, не то что твой доктор Лапин.

– Ага! И ты попалась! – закричала Стелла. – Ксенька, не вздумай! Да мой доктор Лапин чист, как ребенок, по сравнению с Сашкой. Прост, как правда, никакой чертовщины. И не корчит из себя, не вы... – Она испуганно прикрыла рот ладошкой: – Извините, вырвалось! – Не выдержала, рассмеялась. – Скажи ему... что мне ничего от него не нужно! Только поговорить... Скажешь?

– Скажу. Ты хищница, Стеллочка. Ты преследуешь мужика, как зверя. А этот твой экстрасенс сам зверь.

– Точно. Перекусит любого, проглотит и не подавится! А дуры-бабы и рады!

Глава 6

Генеральный директор в домашнем интерьере

Когда я переступила порог своей квартиры, было уже начало одиннадцатого. Мы никак не могли расстаться. Стелла без конца говорила о докторе Лапине. А мне хотелось расспросить об Александре Урбане. Я думаю, мы обе не слышали друг друга, существуя как бы в параллельных реальностях. Но это неважно, так как разговор все равно топтался на месте, и одни и те же вопросы мы задавали друг другу по десять раз. Наконец нам удалось распрощаться на центральной площади. Стелла снова повторила, что доктор Лапин появляется на улице ровно в восемь и идет пешком до своего дома. Четыре квартала. И вот тут-то его и надо брать – ничего не подозревающего, сонного и беззащитного. В голосе ее звучали хищные нотки.

– Ты подойдешь к нему, – наставляла Стелла, – и скажешь... Или нет! Ты подойдешь и спросишь...

– ...который час, – подхватывала я. – Он ответит, и я, как последняя дура, скажу «спасибо» и отвалю.

– Нет! – вскрикивала Стелла. – Ты просто поздороваешься...

– И что дальше?

– Ну, скажешь, какая прекрасная погода... Нет, скажи, что хочешь с ним поговорить... Господи, неужели это так сложно?

– Если все так просто, то поговори сама.

– Но ты же посторонний человек...

Не зная, как прореагирует доктор Лапин на мои приставания, я не могла прогнозировать диалог. Я представляла себе, как может прореагировать голодный Лапин на любое препятствие между собой и завтраком на собственной кухне, жалела, что поддалась уговорам, и готовилась к худшему. Я вдруг вспомнила, как однажды, очень давно, кажется, в шестом классе, я подрядилась отдать записку подружке школьному красавцу, в которого та была безнадежно влюблена. Время я выбрала неудачно – красавец был не один. Он небрежно взял записку, повертел в пальцах, развернул и издевательски прочитал вслух. «Давай дружить», – стояло в записке, причем без подписи. Самым ужасным оказалось то, что все подумали, будто это мое послание. Мне чудилось, что

о моем позоре знает вся школа. Глупость, конечно, которая вспоминается сейчас как незначительный эпизод, а тогда я сгорала от стыда и домой из школы пробиралась «огородами».

Общество относится к человеку так, как он сам относится к себе. Больше хладнокровия, смейтесь над собой первой и смотрите в глаза оппоненту. Или обществу. Одним словом, «бей первым, Фредди!». Доктор Лапин был далеко не красавец, но, судя по тому, что я уже знала о нем, вполне мог испортить мне настроение надолго.

– Сразу позвони, – повторила Стелла. – В девять у меня встреча с клиентом, но ты все равно позвони, ладно? Не забудешь?

– Если он меня не убьет раньше, – ответила я. – И если не забуду!

Сбросив туфли в прихожей, я прошлепала босиком в гостиную, упала на диван. И только сейчас почувствовала, как устала. Ныли ступни, налились тяжестью плечи, словно весь день я копала клумбы или таскала ящики. В голове вертелись обрывки разговора с приятельницей. Лицо нового знакомого выныривало фрагментами: жесткие складки от крыльев носа, внимательные серые, почти фиолетовые, глаза. Голос Стеллы, мягкое журчание речи немногочисленных посетителей кафе, глуховатый смех Александра Урбана. «Необычная фамилия», – подумала я. На память пришла латынь господина Бьяготти, получившего классическое образование. «Urbi et orbi» – часто повторял господин Бьяготти. «Городу и миру» или «всему миру» – слова из благословения вновь избранного папы. Господин Бьяготти никого не благословлял, а употреблял эту фразу, когда речь заходила об общеизвестных фактах. «Ах, – говорил он, – кто же этого не знает, моя девочка? Это не тайна, а секрет Полишинеля, это известно «urbi et orbi»!»

У Александра латинские корни? Вспомнив о его визитной карточке, я достала из кармана маленький белый прямоугольник. Там были только имя, номер телефона и адрес электронной почты. Ни профессии, ни названия фирмы. Визитка казалась слепой. Черный простой шифр. Сухо, деловито, больше подразумевается, чем сообщается. Даже это необычно и цепляет воображение. Или выпендрож, как сказала Стелла?

Преодолев сонную одурь, я наконец заставила себя подняться с дивана. Нажала на кнопку автоответчика.

– Ксения Валентиновна! – резанул по нервам возбужденный женский голос, показавшийся мне смутно знакомым, и я вздрогнула, как от дурного предчувствия. – Я впарила Густаву две квартиры! За выставленную цену, он не торговался. Брокерских пять процентов! Одну на проспекте Мира,

под офис, другую около площади, под жилье! Пока оформляли документы, на складе€ ехать стало поздно. Я позвонила, договорилась с владельцем на завтра!

– Оля, – подумала я с облегчением, чувствуя, как разжимаются жесткие пальцы, сжавшие сердце. Не стоило пить шампанское. Для меня его последствия непредсказуемы. Оля обычно нарочито медленно цедила слова, демонстрируя свою независимость, а тут словно проснулась. Озадаченная, я снова нажала на кнопку и услышала еще раз, что Густав купил две квартиры. Уже Густав, надо же! Молодец Оля!

Не зажигая света, странно беспокойная, не находя себе места, я бродила по квартире. В окна мигали красно-желтые огни рекламы, расположенной между шестым и седьмым этажами. В красноватой темноте комната выглядела иначе, чем при свете. На миг мне почудилось чужое присутствие, что вызвало не страх, а ожидание необычного. Предчувствие... Я застыла, не шевелясь – прислушивалась. Тишина, казалось, была наполнена шагами, шорохами, мелкими царапающими звуками, скрипами.

Потом я стала раздеваться. Одежду бросала на пол. Обнаженная, провела ладонями по груди, животу... Запустила пальцы в длинные волосы... по спине сразу побежали мурашки... Ворс ковра щекотал ступни... Тело в красном свете казалось чужим.

...Я стояла под душем, и мне чудилось, что чьи-то теплые руки гладят мое тело. Текло тягучее, как сироп, время, а я все стояла под струями теплой воды, как залякла. «Залякла» – так говорила бабушка. Что, видимо, значило: «застыть, как статуя». Бабушка знала много подобных словечек...

Мыслей не было, лишь полусонная томная одурь. Душ для меня так же утилитарен, как чистка зубов. То, что я испытывала сейчас, казалось удивительным и необычным. Самое подходящее для описания этого состояния слово «радость». Даже два: «радость предчувствия». Теплые мягкие струи обволакивали... Я прижала ладони к гладкой, холодной кафельной стене и медленно соскользнула вниз... Уселась на дно ванны, подтянула колени к подбородку, обхватив их руками, подставила лицо под мерные струи, закрыв глаза...

...Не торопясь накрутила полотенце на мокрые волосы. Вышла из ванной, оставляя мокрые следы на полу. Зябко поежилась от холода. Вода испарялась с моей кожи, и мне казалось, я стала невесомой. Я могла взлететь... «Колдун проклятый!» – сказала Стелла. Я рассмеялась. Достала

из комода в спальне махровую простыню, завернулась, как в тогу. Вернулась в гостиную, села на диван, подобрала под себя ноги. Протянула руку, взяла пульт. Действия мои были неторопливы и неизбежны, как движения марионетки. Щелчок – и в центре экрана вспыхнула блестящая точка. Секунду спустя знакомый голос отозвался колючкой в сердце, и сразу же я увидела Александра Урбана. Он смотрел мне в глаза, и я инстинктивно запахла простыню на груди.

– Телепатия – заложенная природой способность мозга передавать и принимать мысли, – говорил Александр. Не столько говорил, сколько вещал – неторопливо, с чувством. – В это легче не верить, чем верить... Даже те, кто наблюдал опыты, отказываются верить, считая увиденное не чем иным, как простым совпадением...

Он продолжал смотреть мне прямо в глаза, улыбаясь своей кривой улыбкой, и я почувствовала, как горячая волна накрывает меня с головой. Губы пересохли, сердце колотилось в горле. Мне стало дурно, цветная картинка экрана медленно поплыла в сторону, и я провалилась в небытие...

Когда я пришла в себя, Александр уже не смотрел на меня. Лицо его стало безразличным – казалось, его совсем не интересовал предмет разговора.

«Неужели и правда чары?» – думала я, оглушенная, пытаюсь рассмеяться. Я, как и бабушка, не верила ни в бога, ни в черта.

Что со мной? Я не знала. Возможно, проклятое шампанское, усталость, Стелла со своим дурацким поручением. Я пыталась объяснить свое состояние всякими естественными причинами, не желая признавать, что это как-то связано с Александром. Не чары, нет! Гормоны, а не чары! Вегетативный бунт, чистая физиология. Со своим последним мужчиной я рассталась около полугода назад. Мое девство не мучило меня. «Дьявольские» искушения прогоняются холодным душем и работой до первых петухов. Александр влетел в тихую заводь моего воображения, как камень в болото. Да и Стелла добавила интереса, сказав, что он замечательный любовник.

Меня тянуло к Александру. Я жадно рассматривала его лицо – глубокие глаза, виски, припорошенные легкой сединой, шевелящиеся тонкие чувственные губы – и совсем не прислушивалась к его словам. Перебирала в уме возможные поводы позвонить ему завтра же. В глубине души я сознавала, что вряд ли позвоню, но даже мысль о такой возможности доставляла мне удовольствие почти болезненное. Я, казалось, превратилась в маленькую робкую девочку, влюбленную в старшеклассника, которая прячется за углом дома, подстерегая его после

уроков...

Тут я вспомнила о деликатном поручении Стеллы и чертыхнулась. Наваждение исчезло. И сразу же включился звук и открылся смысл в словах Александра.

– Когда мозг, уходя в сон, удерживает одну нужную вам мысль, то все подсознание вынуждено работать над практическим претворением этой мысли... – говорил Александр без выражения. Видимо, он говорил об этом так часто, что ему надоело.

«Что за чушь? – подумала я. Разум медленно возвращался в мою бедную голову. – Как подсознание может претворять... мысль? Во что претворять?»

Александр между тем попрощался, желая «полуночникам» спокойной ночи.

На другом канале шел старый «трофейный» фильм, как называла их бабушка – черно-белый, «Серенада Солнечной долины». Первый раз я увидела «Серенаду» в третьем классе и была потрясена. С тех пор я смотрела фильм раз пятнадцать или больше. Историю беленькой, тоненькой девушки-беженки из Скандинавии и руководителя джаз-банды, красивого американского парня, я знала наизусть. В главных ролях – Соня Хэни, олимпийская чемпионка по фигурному катанию тридцать шестого года, и кумир довоенного Голливуда Джон Пейн, красавчик, которому, доживи он до наших дней, исполнилось бы уже сто пять. Господи, как несправедливо!

С удивительной легкостью хрупкая Соня добивалась своего мужчины среди сверкающих на солнце заснеженных вершин, радостной беззаботности горнолыжного курорта, ритмов джаза и скрежета вспоротого коньками льда. И песня... «When you smile at me...» «Когда ты улыбаешься мне... декабрь кажется маем и расцветают фиалки... знаю я и знаешь ты...» И так далее. Сладкая, как кленовый сироп, картинка, оставляющая после себя чувство светлого суррогатного счастья...

Уснула я сразу, как провалилась. Подсознание мое молчало, и мне ничего не снилось.

Утром, однако, мысль о предстоящей встрече с доктором испортила мне настроение, и кофий я пила, как чеховский персонаж – чиновничья вдова Мерчуткина, – без всякого удовольствия. И досада появилась на Стеллу, и искушение позвонить и отказаться от авантюры.

Легка на помине, Стелла позвонила сама.

– Ну, ты как? – спросила она. Ни здрасьте, ни до свидания. В смысле,

как ты настроена, каков дух.

– Отвратительно, – ответила я брюзгливо. – Чувствую себя просто по-дурацки...

– Вот и хорошо, – ответила Стелла, не слушая. – Не забудь сразу же позвонить! Жду!

Без десяти восемь я уже стояла в засаде, ругая себя за опрометчиво данное обещание. Мне пришло в голову, что знаю я доктора Лапина только по описанию Стеллы и могу промахнуться. Невысокий лысеющий блондин, небритый, в мятых брюках. Да оглянитесь вокруг, люди добрые! Сколько их, этих небритых, мятых и невыразительных блондинов, шагает по улице ежеминутно? Десятки. Плюс те, что в шляпах и кепках, прикрывающих плешь. «Может, это и к лучшему, – подумала я. – Скажу, не смогла идентифицировать по данному описанию. Вот если бы фотография...»

Тем не менее доктора Лапина я узнала сразу. Не иначе как сработало подсознание. Он вышел из распахнутых ворот станции «Скорой помощи», остановился, достал пачку сигарет. Утро было такое тихое, что я явственно услышала щелчок зажигалки. Он закурил и с наслаждением выпустил облако дыма. Постоял, рассматривая что-то под ногами, и зашагал не спеша к центру города.

Был доктор Лапин невысокого роста, крепко сбит, и тонзура плечи уже светилась на макушке в негустых бесцветных коротко стриженных волосах.

Лицо его показалось мне невыразительным – возможно, из-за светлых волос и бровей. Все остальное было в масть: рот, нос, подбородок – не за что зацепиться взглядом.

Он был одет, разумеется, в мятые белые брюки и рубаху цвета хаки с короткими рукавами. Причем пуговицы на рубахе оказались застегнуты неправильно и уголок воротничка торчал над левым ухом доктора.

Я шла за ним, чувствуя нарастающий протест против навязанной мне роли посредника. Или сводни. Что я ему скажу? Мне пришло в голову, что только взбалмошная моя приятельница смогла отказаться от породистого Александра и запасть на этого замухрышку. Доктор Лапин! Хрестоматийное имя для типичного неудачника.

Ускорив шаг, я догнала его и произнесла: «Простите, можно вас на минуточку?», надеясь, что мой голос звучит уверенно. Он прозвучал не только уверенно, но и зло.

Доктор Лапин остановился и повернулся ко мне. Он не удивился, глаза

смотрели выжидающе и, как мне показалось, довольно жестко. Веки красные, физиономия потертая. Видимо, не спал ночь. Что-то вроде сочувствия шевельнулось в душе, и я впервые подумала о докторе Лапине как о живом человеке, а не персонаже из рассказа влюбленной подруги.

Лапин, прищурившись, рассматривал меня. Взгляд его мне не понравился. Оценивающий взгляд циника, который лапает в укромных углах сестричек и пьет неразбавленный спирт.

– Мне нужно с вами поговорить, – начала я.

Он выжидающе смотрел. Выпустил дым в сторону, затянулся глубоко в последний раз и бросил недокуренную сигарету на землю. Наступил на окурки. В его молчании мне почудилась издевка. Любой на его месте ответил бы... Ну, что-нибудь вроде: да-да, конечно, весь внимание. Любой, но не доктор Лапин!

– У вас есть время? – спросила я, чувствуя себя по-дурачки.

Он продолжал рассматривать меня. Потом спросил:

– Сколько? – Голос у него был сиплый.

– Что «сколько»? – Я начала нервничать.

– Времени сколько? Сколько вам нужно минут, чтобы изложить свою проблему, – терпеливо, как умственно отсталой, объяснил он. Зеленоватые глаза издевательски щурились.

– Четыре минуты, – брякнула я.

– Валяйте! – любезно пригласил он.

– Я по просьбе моей подруги... – начала я.

– Стеллы? – перебил он меня. – Я должен был догадаться. И чего же вы хотите?

– Откуда вы знаете? – спросила я, чувствуя, что разговор заносит куда-то в сторону.

– Вы с ней одного поля ягоды, – ответил доктор Лапин и, видя недоумение на моем лице, пояснил: – Деловые женщины без комплексов, хочу – беру.

– Это плохо?

– Это никак. Как погода – бывает дождь, а бывает туман. Или ураган.

Кому что нравится.

– И кто же мы, по-вашему?

– Вы? – он задумался. – Суховей.

– А вы? – Меня уже несло. Мы общались всего минуту, но доктор Лапин сумел завести меня не на шутку.

– Я? – Он снова задумался, пожал плечами. – Дождь... наверное.

– Дождь? Дождь?! – Я задохнулась. – Почему это вы дождь, а мы

суховей?

– Да нипочему. Фигура речи. Хотите, будьте вы дождем. Или давайте я буду экологически грязным дождем, содержащим угарный газ и синильную кислоту. Лады? Ну, а теперь скажите, что вам от меня нужно.

– Ничего! – закричала я, чувствуя себя последней идиоткой. Диалог наш на глазах принимал иррациональный характер. – Ничего мне от вас не нужно!

Он протянул руку, сжал мое плечо и сразу же отпустил, сказав:

– Успокойтесь. Вы пришли по поручению вашей подруги Стеллы. Она звонит мне... часто в последнее время. Стелла очень красивая женщина... Вы тоже ничего, – он скользнул по мне оценивающим взглядом. – Но вряд ли у нас что-нибудь получится. Дело не в ней, дело во мне. Так что спасибо за доверие.

Он говорил небрежно, не желая хотя бы интонацией смягчить свои слова. Смотрел на меня вяло-зелеными глазами в красных веках, небритый, с уголком воротничка, торчащим над ухом.

– Да кто ты такой? – рвалось у меня с языка. – Ты... ты... посмотри на себя!

– Я пошел, – сказал он вдруг. – Устал, как бродячая собака. Подруге передайте, что она слишком хороша для меня. – В голосе его мне почудилась насмешка. Я вспыхнула – доктор Лапин, видимо, уловил мое настроение. – Как вас зовут? – спросил он.

– Ксения, – ответила я, чувствуя себя дурой набитой.

– Прощайте, Ксения, – сказал доктор Лапин, протягивая мне руку. – И будьте счастливы.

Я протянула свою ладонь. Лапин тряхнул ее, сунул руки в карманы и зашагал по улице, оставив меня стоять на тротуаре.

– Послушайте! – закричала я ему вслед. Он оглянулся. – У вас пуговицы застегнуты неправильно.

Он помедлил, соображая, потом провел рукой по груди, вытащил рубашу из брюк, принялся расстегиваться. Расстегнувшись, уравнил полы рубашки и начал застегивать пуговицы, причем снизу. Застегнувшись до пупа, кое-как запихнул рубашу обратно в брюки. Махнул мне рукой и ушел.

Я постояла, глядя ему вслед, и тоже пошла восвояси.

Глава 7

Всякая всячина

Шум из нашего предбанника, где сидели секретарша и молодняк, был слышен даже в коридоре. Я остановилась под дверью, пытаюсь понять, что происходит. По коридору прошел незнакомый мужчина, подозрительно смерив меня взглядом. Видимо, решил, что я подслушиваю. Решительно нажав на ручку двери, я вошла. Шум стих, головы повернулись в мою сторону. «Ксения Валентиновна! – завизжала Оля. – Как хорошо, что вы пришли!» Как будто я не являлась на работу каждый день. Она рванулась ко мне и, прежде чем я успела уклониться, обняла. Человек, которому бросаются на шею ни с того ни с сего, ничего не объяснив, выглядит глупо. Особенно тот, кто не пришел в себя после встречи с доктором Лапиным и всю дорогу нудно с ним доругивался, приводя все новые и новые красивые аргументы, которые, как все красивые аргументы, приходят с большим опозданием.

– Ксения Валентиновна! – Оля наконец оторвалась от меня. – Я принесла шампанское! Я так рада, вы себе не представляете. Я вас ждала до девяти вечера, думала, вы придете, хотела рассказать про Густава. Он купил две квартиры, а сегодня купит склады €.

Она еще что-то говорила, а я смотрела на девушку и не узнавала ее. От прежней Ольги не осталось почти ничего. Ни краски на лице, ни вострепанной гривы, ни хамских ярких шмоток и бижутерии. Гладко причесанная, неожиданно круглая, воробьиная головка, белая блузка, узкая черная юбка, черные туфли на высоком каблучке.

– Стас! – крикнула она. – Открывай! Все в сборе!

Не было Романа, но вассал, еще вчера готовый выполнить любую прихоть сюзерена, уже поменял знамена и напрочь забыл о прежнем хозяине. А с другой стороны, Роман не появляется на работе раньше одиннадцати. Баба Броня уже доставала из серванта стаканы. Динка сидела мрачная, завидовала. Стас открыл шампанское по-гусарски – пробкой в потолок. Пробка, ударившись, рванулась вниз и в сторону и со смачным звуком залепила по лбу Кире, который как раз подгадал открыть дверь. Он шархнул в сторону, зацепился за край дорожки и рухнул на пол, нелепо взмахнув руками.

– Какой козел! – взревел он, лежа на полу. – Стас, ты?

– Пить будешь? – спросил Стас, протягивая другу стакан с

шампанским.

– Пошел ты знаешь куда? – заорал Кира. – Козел! Давай!

Я смеялась, вытирая слезы, баба Броня хохотала басом, Динка тонко скулила, всхлипывая. Они пили шампанское, причем Кира – лежа на полу и подпирая свободной от стакана рукой голову. Я почувствовала, как рассеивается неприятный осадок от встречи с доктором Лапиным. «Оля, зайдите ко мне», – сказала я, направляясь в свой кабинет.

– Ксения Валентиновна, спасибо вам! – Взволнованная Ольга стояла перед моим столом. – Если бы не вы... Когда вы меня позвали вчера, я подумала – ну, все! Под ж... коленом. Динка еще сказала, теперь ее очередь. А я думаю, что же делать? Что? Снова в массажный кабинет? Туда возьмут, им всегда кадры нужны. И бабла зашибить можно, но, как вспомню, рыгать хочется! Всякое быдло изгаляется! Думает, купило. Я и проводником работала, от пьяни отбивалась, и уборщицей в аэропорту. Комендант, сука, никого не пропускал, еще и бабки плати за место. Иду к вам вчера и думаю: «Господи, помоги!» – Девушка слегка опьянела от шампанского и страшно возбуждена.

– Сядьте, Оля. Вы хорошо поработали.

В своем пьяноватом простодушии Оля открыла, как боятся меня и с каким чувством идут ко мне на ковер. Я представила себе ненависть этих девушек... Я не обольщалась насчет их чувств, но одно дело подозревать, и совсем другое, когда тебе говорят об этом в лицо.

– Когда придет... клиент?

– Густав? В девять. – Оля взглянула на часы. – Через пятнадцать минут. Вы знаете, он такой... – она запнулась. – Ну, как брат... внимательный, добрый. Спрашивает меня – *вы голодны?* И без всяких... Не то что наши мужики...

– Молодец, Оля. Не забудьте сказать спасибо бабе Броне.

– Не забуду. Я и сама думала... Я куплю ей духи... с зарплаты. Французские. И еще что-нибудь... может, конфеты для внучки.

– Оля... – Я запнулась, не решаясь нарушить собственную заповедь – держи дистанцию! – Оля... у вас есть семья?

– Одна мать, – Оля, казалось, не удивилась. Жизнь ее вошла в новую полосу, звезды выстроились по-новому, и могли случиться всякие неожиданности. – Она сейчас в больнице с переломом ключицы. Упала на лестнице, пьяная в дымину, а у нас там никогда нет света. Лампочки прут. – Оля говорила о матери так непринужденно, будто у той был всего-навсего легкий насморк.

– Она пьет?
– Пьет. Как убили отца, так и запила. Я еще маленькая была, три года всего... когда его грохнули.
– Кто?
– Дружки. Они вскрывали товарные вагоны, ну и чего-то там не поделили.
– То есть... воровали?
– Ага, – беспечно отозвалась Оля. – Продукты всякие, консервы, водку. Озадаченная, я не знала, что сказать. Наконец выдавила из себя:
– Может... вашу маму нужно лечить?
– Она лечилась два раза, не помогает, – махнула рукой Оля. – Держится полтора месяца, а потом срывается. Когда бабушка была жива, еще кое-как, боялась, а сейчас совсем плохая стала.

Слушая Олю, я испытывала странное чувство нереальности не столько от ее истории, сколько от той легкости, с какой девушка рассказывает о себе. Оля не испытывала ни смущения, ни стыда, и в этом я видела странность, невольно внушавшую уважение. Или что-то похожее на уважение. Как назвать это, я не знала. Я никогда не опускалась до мутных социальных глубин, где с рыбьей легкостью плавала Оля. У меня в жизни были трудные моменты, и я гордилась тем, что сумела вовремя принять нужное решение. Где-то внутри меня сидела уверенность записного идеалиста в том, что хорошим людям воздается по заслугам, всякий труд вознаграждается, успех приходит к трудягам, есть свет в конце тоннеля, и так далее, а если ничего этого не случилось, то... сами виноваты. Впервые мне пришло в голову, что мои трудности и не трудности вовсе, а так, легкие препятствия. У меня не было в жизни ни массажного кабинета, ни коменданта аэропорта... ни пьющей матери. Да если бы мне пришлось выбирать между массажным кабинетом и аэропортом, я бы скорее умерла. «Умереть легко, а ты поживи, – сказал рассудительно кто-то внутри, – а потом суди. Умная какая...»

– Бабушка хорошая была, любила меня, – продолжала Оля.
– Меня тоже растила бабушка, – сказала я неожиданно для себя. – А родителей я не помню.
– Моя бабулька была класс, всех строила. Мать при ней по струнке ходила. А... что случилось с вашими родителями?
– Не знаю. Бабушка никогда о них не говорила.

Странность, к которой я давно привыкла, сейчас облаком повисла в воздухе. Оля смотрела на меня сочувственно. Уж на что обделенной в жизни была эта девушка, мать у нее все-таки есть, хоть и пьянчужка.

Зазвонил телефон, и мы обе вздрогнули.

– Ксюш, ну как? – прокричала Стелла.

– Подожди. – Я повернулась к Ольге. – Оля, спасибо за шампанское. И желаю удачи.

– Спасибо, – шепотом ответила девушка и на цыпочках пошла к двери.

– Вы что, шампанское пьете? – слабо удивилась Стелла. – С самого утра? По какому поводу? – Не дожидаясь ответа, спросила: – Ну, как? Видела?

– Видела.

– Ну, говори! Не тяни! Что он сказал?

– Он сказал, что ты очень красивая женщина.

– Правда? Как именно он это сказал? Какими словами?

– Ваша подруга, говорит, очень красивая женщина.

– А что еще?

– Что ты слишком красива для него. И у него проблемы...

– Какие? С женой?

– Он не объяснил...

– Надо было спросить. Как он тебе?

– Никак. Он снова был в мятых брюках и небритый.

– А о чем вы говорили?

– Он сказал, что он дождь, а мы с тобой суховей.

– Что? Какой еще дождь? При чем тут дождь?

– Такая фигура речи.

– Ксенька, я ничего не понимаю. Ты что, опять наклюкалась?

– Даже не притронулась. Твой доктор Лапин не готов к отношениям. Ты очень красива. А он – дождь с цианистым калием.

– Ксень, ты что, с ума сошла? Что ты несешь?

– Стелла, объясни мне, что ты в нем нашла и на кой черт он тебе сдался? Он невоспитан и груб. Он не стоит тебя. Не звони ему больше.

– Это он сказал, чтоб я не звонила?

– Нет, это я говорю. Он заявил, что ты слишком хороша для него и он не готов к... ни к чему не готов. – Разговор пошел по второму кругу.

– А что было потом?

– Ничего. Он сказал, передайте подруге, что она слишком хороша для меня, попрощался и ушел.

– И все?

– Нет, не все. Он стал застегивать рубаху, так как был застегнут неправильно.

– Прямо на улице?

– Да. И после этого ушел. Мне он не понравился. Забудь о нем.
Стелла молчала. Мне показалось, она плачет.
– Ты что, ревешь? Из-за этого... типа? – возмутилась я.
– Ксенька, ты ничего не понимаешь, – всхлипывая, сказала Стелла. – Ты холодная. Разве ты хоть раз влюблялась как в омут с головой?
– Во всем должна быть мера, – назидательно ответила я. Слова ее меня задели.
– Ладно, спасибо. Я все-таки позвоню ему...
– Не звони! – закричала я, но Стелла уже повесила трубку.
Я откинулась на спинку кресла и задумалась. Мне стало не по себе. Неприятный осадок оставила встреча с доктором Лапиным, неприятно было унижение Стеллы. Если даже они начнут встречаться, то ничего хорошего из этого не получится. Стелла – собственница, а доктор Лапин – независимый бродячий кот... Или собака. Вернее, пес.

* * *

А в это время в кабинете Стаса шел спор. Кира требовал зайти в Интернет на форум «Беспредел» и посмотреть, что кто сказал по теме «Секс и ты» за прошлую ночь.

– Да не могу я! – шипел Стас, оглядываясь на дверь. – Ксения каждую минуту может ворваться.

– Мы быстро! – убеждал друга Кира. – А давай дверь закроем на ключ!

– Еще чего!

– Ты ж не с бабой, козел!

– Еще чего! Давай вечером!

– Давай сейчас! Вечером я не могу. Да не бойся ты, козел! Ксения классная баба, к ней только подход нужен.

– Сам козел! – ответил Стас, но тем не менее кликнул мышью на закладке «Беспредел», пробежал комментарии по теме, добрался до нужной даты.

– Немного, – разочарованно протянул Кира. – Неужели нечего сказать? Молодые люди углубились в чтение.

– Ну, козел! – возмутился Кира. – Смотри, чего пишет: «Секс – это как полет без парашюта». Он что, типа, не предохраняется?

– При чем тут... Кирка, ты что, идиот? Не понимаешь?

– Чего не понимаю? Чего тут понимать?

- Это такое образное выражение! Он описывает свои ощущения...
- Смотри, вот еще! – перебил друга Кира. – Опять «Гость». «Секс – радость всей моей жизни!!!» Ну, козел. Детский сад, блин! Малолетка! Этот «Гость» меня уже достал!
- «Гость» – погремуха всех, кто не регился! – объяснил Стас. – Неужели не понятно?
- Так это не один чувак? А почему не регился?
- Потому что из интернет-кафе.
- Слушай, а можно вычислить, если из интернет-кафе?
- А как ты его вычислишь?
- Ну, не знаю, как-нибудь.
- Зачем?
- Да посмотреть на него, козла! Не именно на этого, а вообще. Вот, например, придет тебе «мыло» с вирусом...
- Вычислить практически невозможно.
- Значит, все-таки возможно? Ты сказал, «практически». Значит, можно?
- Да если из интернет-кафе, как же ты его вычислишь? – заорал Стас. – Пришел, закинул, и с концами.
- Не ори, а то Ксения прибежит! – одернул друга Кира. Стас опасливо покосился на дверь.
- Все! – объявил. – Лавочка закрывается. Мне еще сайт доделать.

Глава 8

Александр Урбан

Около пяти позвонил Сэм Вайт и пригласил меня пообедать в «Прадо». Он по привычке называет ужин обедом, а ужина как такового у Сэма не бывает. Я спросила, в честь чего, и Сэм ответил, что у него сегодня день рождения. «День варенья», – сказала я. Он удивился. Я объяснила заодно, что это значит и что такое «варенье». «А, джем!» – понял Сэм. Фраза ему понравилась, и он повторил ее три раза, чтобы лучше запомнить: «День варенья!»

Мне нравится Сэм. Нравится его простодушие. Глядя на женщину, он не раздевает ее мысленно и не думает о том, как бы затащить в постель. И приглашает в ресторан без всякой задней мысли. Вообще, из-за отсутствия задних мыслей Сэм кажется простоватым. Читать между строк он не умеет, наших анекдотов не понимает. Говорит, что думает. Верит газетам. И при этом, удивительное дело, круто считает деньги.

Я спросила, что ему подарить. Он ответил, что ничего не нужно. Потом подумал и сказал: «Галстук, потому что у женщин хороший вкус. Что-нибудь в местном стиле, только без медведей и русалок». Дома жена всегда покупает ему галстуки. Он добавил, что с нами, если я не против, будет еще один человек. Его недавно приехавший друг-архитектор, руководящий ремонтными работами. Джон де Бэр – так его зовут – имеет опыт обращения с рабочими из Восточной Европы. Его фирма в Нью-Джерси несколько лет подряд нанимала украинцев и поляков. В голосе Сэма звучат оптимистичные нотки. Приехал Джон – теперь дела пойдут!

Я ответила Сэму, что куплю ему самый красивый галстук, какой только смогу найти, но не сегодня. Он совсем не оставил мне времени. «О'кей, – ответил Сэм, – не беспокойся, купишь потом. Главное не подарок, а общение».

– Не забудь, – повторил он, – в половине восьмого я заеду за тобой. Вечернее платье необязательно.

Способность Сэма говорить на темы, относящиеся к социальным табу, поражает меня. Ему ничего не стоит сообщить мне, что туалет за углом, и что он подождет, и там не особенно чисто, поэтому осторожнее, и, скорее всего, нет туалетной бумаги. Или весело рассмеяться, услышав бурчание в собственном животе, и сказать: «Я такой голодный!»

Когда Сэм пригласил меня в ресторан после заключения сделки, я

собиралась дать отпор в случае чего. Но никаких посягательств на мою честь не последовало. Весь вечер он говорил о своей семье и показывал фотографии. Семья у Сэма очень большая – жена, двое детей – девочки, родители, брат, две сестры, пятеро племянников и бабушка Пола – мать отца, которой уже сто два года.

– Она наш... как это... – Сэм затруднился с переводом. – Этот... мэскот!

– Талисман! – подсказала я.

– Ну да, талисман, – обрадовался Сэм. – У нее хорошая голова, она все понимает и молодая еще в голове. Весной попросила маму купить ей розовый костюм, увидела в журнале для тинейджеров. Представляешь? – Сэм рассмеялся. – Два раза в год вся семья собирается вместе – на бабушкин день рождения и на Рождество.

В прошлый раз Сэм показал мне фотографию нового племянника – Саймона. С фотографии на меня серьезно смотрел крохотный смуглый индейский ребенок. Он сидел на коленях прабабушки Полы.

– Это первый раз его привезли к прабабушке, – объяснил Сэм. – Джуди взяла мальчика из американского приюта для подкидышей в Колумбии.

Джуди – старшая сестра Сэма, незамужняя.

– Саймон – настоящий майя, – сказал Сэм.

Прабабушка Пола, хрупкая, как кузнечик, обнимала майю тонкими руками.

– Она спела ему колыбельную на идиш, – сказал Сэм. – Эту песню она пела моему отцу, когда они еще жили в Польше, почти восемьдесят лет назад. Просто удивительно, что она до сих пор помнит слова.

Я смотрела на фотографию прабабушки – еврейки из Польши, эмигрировавшей в Америку перед войной, и правнука – индейца из Колумбии, и думала, что истории, которые придумывает жизнь, бывают покруче тех, что выдумывают люди.

Джон де Бэр оказался громадным громогласным детиной из тех, что всегда и везде чувствуют себя как дома.

– Сэм, старина! – кричал он. – Я так рад, что приехал! Потрясная еда! Обалденные цены на фермерском рынке! Невероятно красивые женщины!

В конце ужина (или обеда) Джон выдал набор выученных у рабочих из Восточной Европы слов:

– Плохой! Ганьба! Еж твою мать! Пся крев! Водьяра! Оди-но-кий! Баба! Не сви-сти!

Сэм делал страшные глаза, я хохотала. Джон радовался и повторял

слова снова и снова, видимо, не полностью догадываясь об их значении. Сэм сказал, что Джон знает и другие слова, но он попросил его употреблять их только на работе.

Они привезли меня к дому около одиннадцати. Джон сказал, что хочет кофе, но Сэм ответил, что кофе на ночь вреден. Джон заявил, что не против выпить чаю, но Сэм ответил: «Next time» [\[1\]](#), и они уехали.

Я поднималась по лестнице и думала, что в жизни моей почему-то стали происходить интересные события. Стелла, как амазонка, преследующая доктора Лапина, на которого где сядешь, там и слезешь, как говаривала моя бабушка. Яркой кометой пролетел по ночному небу экстрасенс Александр Урбан. Я представила себе рокового красавца Александра верхом на метле и расхохоталась. Оля явилась в новом свете. Приехал приятель Сэма Джон де Бэр. (Кстати, необычное имя для американца. Предки его, наверное, откуда-нибудь из Бельгии – удивительно, что сохранилась приставка «де».) Все эти события не касаются меня прямо, но хороводом кружат вокруг. Если честно, жизнь моя последнее время казалась мне слегка пресной. То есть с работой все прекрасно, а вот личная жизнь ограничивалась телевизором и книгами на ночь – с десяток страниц вместо снотворного. Любой скажет, что в моем возрасте нужно играть в другие игрушки, но... Один из моих любовников (каков анахронизм! Хуже только молодцеватый «бойфренд»!) рассказал однажды, что жена часто ищет его по кабакам и друзьям. «Борется за меня», – гордо сказал он. «С кем?» – спросила я. «Ну... вообще», – ответил он, подумав. «Я бы не стала», – заявила я. «Поэтому я с ней, а не с тобой», – резонно заключил он.

Любые отношения между мужчиной и женщиной – разновидность рабства. Уступки, компромиссы, закрывание глаз. Это цена за союз. Все как на рынке. Н тебе «союз», но плати. Пока есть любовь и привязанность, платишь, не торгуясь. Когда «амур пердю», необходимость платить вызывает раздражение. Казалось бы – уходи! Ан нет! Уже повязаны общей собственностью, детьми, комфортом... И влачатся дальше, стараясь не смотреть друг на друга лишний раз, особенно по утрам.

Да, да, знаю! Вместе легче в случае чего. Плечо, жилетка, стакан воды под занавес... Но ведь думаешь о любви, а не о том, кто в финале подаст стакан воды, не правда ли?

Так или примерно так думала я о мужчинах в моей жизни.

– Это как дорога, – втолковывал мне один доморощенный философ. – Мы встретились и часть пути пройдем вместе. Или проедем в автомобиле.

Потом разойдемся в разные стороны...

В общем-то, он прав. Я чувствую, что идти с любимым человеком до конца у меня не хватит ни терпения, ни желания. А раз так, то и сиди одна, как дура. Как ведут себя женщины, которые хотят удержать мужчину? Я помню советы тети Нюси и ее ликбез на дворовой скамейке для молодых из нашего дома на тему, как «годить» мужу. Откройте любой современный дамский журнал и почитайте добрые советы, как «захомутать» мужчину. Та же тетя Нюся, только с глянцем. Почему в мужских журналах не дают советов, как завоевать женщину? Что, парни и так все знают? Или их меньше, конкуренция большая? Сойдет и так?

Я не буду завоевывать своего мужчину! Я не хочу мужчину, которого нужно завоевывать тети-Нюсиными методами. Я не хочу мужчину, которого можно подцепить на крючок силиконовыми прелестями. Я не хочу глупого самодовольного самца, которому требуется все время повторять, что он самый-пресамый! Так и знайте! Точка.

Тут я пришла на свой этаж и стала шарить в сумке в поисках ключей. Мне в тысячный раз пришло в голову, что нужные вещи в дамской сумочке находятся в последнюю очередь. Сначала попадают всякие ненужные – косметика, ручки, салфетки, рекламные проспекты, подобранные по дороге, а ключи... Вот они! Да, так на чем мы остановились? Список мужиков, которых я не хочу, можно продолжать до бесконечности. Но кому это интересно? Это, к сожалению, даже мне неинтересно. «Дэвушка, идем в баню! – весело кричал какой-то нацмен из моего детства. – Нэ хочешь – ходи грязный!»

Я достала связку ключей, вставила в замочную скважину. И в этот момент в квартире зазвонил телефон. От неожиданности я выронила ключи, присела на корточки и стала шарить рукой по коврику. Три ключа на колечке как сквозь землю провалились. Телефон заливался, а я все не могла найти связку. На лестничной площадке царил полумрак. Ключей не было. Мистика какая-то!

Я подняла коврик, вытряхнула его, осмотрела лестничную площадку – ничего! Ну не испарились же они, в самом деле! Ничто в природе не исчезает бесследно... и так далее. Куда же они делись? Телефон все звонил. Черт бы его побрал!

Я стояла, прислонившись спиной к двери. Соображала. Главное, спокойствие. Перебрав все возможности и ни к чему не придя, я вытряхнула содержимое сумочки на ковер. Ключи, звякнув, выпали с остальным барахлом. Я отодвинула их на край коврика, запихнула обратно в сумку весь скарб. После этого осторожно подняла ключи. Перед моим

мысленным взором промелькнула картинка – связка летит вниз и падает в раскрытую сумочку. Только и всего. Чудес не бывает.

Телефон, конечно, уже молчал. Зато мигал автоответчик. Я с некоторой опаской нажала на кнопку – хватит на сегодня сюрпризов! Из динамика полился бархатный голос Александра Урбана.

– Ксения, где вы? – спросил он печально. – Я названиваю вам целый вечер, а вас нет. Сейчас уже почти полночь, время всякой нечисти. Маленьким девочкам пора спать. (Услышь я подобное от кого-нибудь другого, я бы только фыркнула, но Александр сказал это удивительно... мягко!) Ксения, где же вы? – продолжал взывать он. – Позвоните мне. Я буду ждать. Спокойной ночи.

Голос у него был такой... как бы это сказать? Ощущение мелькнуло и пропало. Чуть насмешливый... да! Так взрослые говорят с детьми. «Дура Стелка!» – вдруг подумала я. Щеки горели. Я включила запись еще раз. Александр повторил свой монолог. И еще...

Почему бы и нет?

Он позвонил рано утром, не было семи.

– Господи... – пробормотала я в трубку. – Алле?

– Доброе утро, Ксения, – произнес Урбан бодро. – Я вас не разбудил?

– Разбудили! Но это такая мелочь... Мне страшно интересно, что заставило вас позвонить в семь утра.

– Извините, – покаялся Александр. – Я поднимаюсь в шесть и все время забываю, что остальное человечество еще спит. Меня ничто не заставляло, просто захотелось услышать ваш голос.

– Может, вам нужна квартира в центре с двумя лоджиями?

– Нужна! Мне нравится, как вы берете быка за рога.

– Так бы и сказали! Наша брокерская фирма берется найти вам квартиру. Какой суммой вы располагаете?

– Ксения, Ксения, пожалуйста! – взмолился Александр. – Я действительно хотел услышать ваш голос. Вчера я звонил несколько раз, но вас не было дома.

– Да, не было.

Я подавила желание объяснить, где находилась. Удивительное дело, утром флюиды Александра действовали меньше, чем вечером или ночью. Сейчас я уже не так уверена, что хочу его видеть. А чего же я хочу?

– Мы не могли бы пообедать сегодня? – спросил Александр.

– Боюсь, что нет, – вежливо ответила я. – Сегодня никак не получится.

Господин Бьяготти однажды сказал, поучая меня, молодую и глупую,

что уважающей себя женщине не следует принимать приглашение провести вместе уик-энд, сделанное позже вторника. «Не позже вторника, моя девочка, – настаивал господин Бьяготти. – Запомните это и не бойтесь сказать «нет». Если это ваш мужчина, никуда он не денется. А если больше не позвонит – значит, случайный».

– Жаль, – ответил Александр. – Я все время думаю о вас. Еще раз извините, что разбудил. Прощайте.

Щелчок и сигналы отбоя в трубке.

Обескураженная скорой расправой, учиненной мне экстрасенсом, я держала трубку, словно надеялась услышать что-нибудь еще. Но из трубки раздавался только противный писк. Щеки и уши мои горели, особенно правое ухо, к которому прижата трубка. Наверное, нужно обидеться. Он что, никогда не получал отказа? Все сразу соглашаются и бегут вприпрыжку навстречу своему счастью? Не на такую напал. Подумаешь, экстрасенс! Тоже мне, профессия для мужчины. Хиромант несчастный!

Растравляя себя подобным образом, я побрела в ванную. Постояла под душем. Опять без удовольствия пила кофе. Черт бы тебя побрал, Александр Урбан! У меня было все хорошо, даже расчудесно, а ты появился и все испортил. Теперь я буду думать о тебе, мысленно продолжать диалог и доказывать, что ты не прав. Равно как и доктор Лапин. Не прав! Тебе следовало спросить: «А завтра?», только и всего. Я бы ответила: «Да!» И дело с концом. Существуют стереотипы поведения и правила игры, они же законы жанра, и не стоит выдумывать велосипед. Играйте по правилам, Александр Урбан!

Около восьми телефон зазвонил снова.

– Да! – закричала я.

– А завтра? – спросил Александр.

– Я уже думала, вы не позвоните, – рассмеялась я.

– Я решил дать вам еще один шанс. Завтра?

– Завтра, – ответила я.

Глава 9

Лесное озеро

– Здесь случилась странная история, – сказал Александр. – Две недели назад. Ночью исчезла женщина...

– Как исчезла? – удивилась я. – Что она делала тут ночью?

– Это был пикник с ночевкой. Вечером вся компания сидела у костра, потом разошлась по палаткам, а утром она уже пропала...

Время давно перевалило за полдень. Нежаркий день позднего лета, преддверие осени. Прохладные ночи и долго не высыхающая ледяная роса по утрам. Бледное позднее заspanное солнце. Синее небо, безветрие и неподвижность листьев и травы.

Александр привез меня в Черное урочище, к озеру, спросив, не буду ли я против. Еще он спросил, как давно я была в последний раз на природе. Я ответила, что недавно – в прошлом году. Он рассмеялся и сказал: «Тогда едем, вам бы все по заграницам...»

Большая поляна, окруженная лесом, лежала перед нами. Сочная зелень, лишь кое-где тронутая желтыми брызгами осени. Терпкий пронзительный запах увядающей травы и влажной земли, ледяной сквознячок от неподвижного черного озера. Удивительно тихо вокруг. Ни движения листа, ни ряби на воде. Даже птицы молчали. Что-то было гнетущее в этой тишине этого места, и воспринималась она не как покой, а как транс. Казалось, кто-то зачаровал это место и теперь следит, прячась, за незваными гостями.

– Куда же она делась? – спросила я с недоумением, не желая верить в худшее.

– Пока ничего не известно.

– А... другие люди? Что они говорят?

– Другие люди – это ее муж и еще одна супружеская пара. Их друзья. Никто ничего не знает. Вечером они все сидели у костра, потом пошли спать. А утром оказалось, что ее нет.

– И никто ничего не слышал? Ночью?

– Нет. Утром они обыскали лес, ивняк по берегу озера, обошли его до самых камней, до того места, где еще можно пройти. Дальше топь и непроходимые заросли лесного ореха, ежевики, шиповника. Все так сплелось, что пролезть невозможно. Вы же знаете, озеро очень глубокое, с омутами и каменными мешками. Тут работали водолазы и спелеологи, но

ничего не нашли. В северной части есть слабое течение – «подземная река», уходящая вглубь под каменные пласты. Если женщина попала туда, то... – Он взглянул на меня и смял фразу. – Вот такая история.

– Но... как она попала в озеро? Они что, устраивали ночные купания?

– Нет... по их словам. Посидели у костра и пошли спать.

– По их словам? Вы им не верите? Вы... думаете, они ее... А какое вы имеете отношение к этому всему? Они ваши друзья?

– Не думаю, что они ее. Вернее, не знаю. Зачем? И потом, необязательно озеро. Озеро – это подсказанная обстоятельствами версия. Не более. Эти люди не мои друзья, я никогда их раньше не видел. Я присутствовал на допросах...

– Вы? Почему?

– По просьбе одного продвинутого следователя. Он верит в мою... интуицию.

– И что?

– В каком смысле?

– Ну, что вы... почувствовали? На допросах?

Александр молча смотрел на меня, словно раздумывал. Потом пожал плечами:

– То, что я почувствовал, равным счетом ничего не значит. В наших шкафах полно скелетов.

– А кто эти люди?

– Мужчин связывает школьная дружба, женщин... Тут такой нюанс. Женщина, которая исчезла, вторая жена одного из них – молодая, легкомысленная, красивая. Разница в возрасте с мужем около двадцати лет. Отношения ее со второй дамой были несколько натянутыми, что и понятно. Они впервые выехали вместе. После женитьбы этого человека – его зовут Олег Дударев – отношения стали прохладными, если не сказать враждебными. Жена друга, Иннокентия Тюнкина, Рита, дружила с первой женой и осуждала Олега и Лену – так звали пропавшую женщину. В прежней семье остались два мальчика, шести и девяти лет. Постепенно острота неприятия сгладилась, и они, как и раньше, все вместе выехали на природу. Все как водится – волейбол, купание в озере. Кстати, здесь очень мягкая вода, полная минеральных солей, что хорошо для кожи. Вечером жгли костер. Они приехали в пятницу вечером, в субботу – все было как обычно, вечером – посиделки у костра, а в воскресенье утром Елена уже исчезла. Вот такая история, Ксения.

– Кто предложил это место? И вообще выехать на природу?

– Хороший вопрос! Очень уместный. Предложил выехать на природу

Олег, так как чувствовал себя виновным в охлаждении отношений. Не с Иннокентием – мужчины дружили по-прежнему, а с его женой Ритой. Это было, так сказать, предложение выкурить трубку мира и зарыть томагавк... Как там говорится? На тропе войны? Или под тропу? По его словам, все было отлично. Рита почти не дулась. У нее вообще сложный характер. Леночка теребила их всех, тащила в лес... Кстати, в последнюю ночь, когда они сидели у костра, она вдруг побежала в чащу...

– Зачем?

– Надоело сидеть, наверное. Как я понял, она была неугомонная, веселая молодая женщина, душа компании.

– А они?

– Муж побежал за ней. Он боялся за нее. В лесу темно... Тут начал кричать потревоженный филин.

– Странная фантазия, – пробормотала я, ежась.

– Странная. Молодые женщины, Ксения, иногда ведут себя странно и непредсказуемо, – ответил Александр. – Спустя какое-то время в лес отправился Иннокентий. Рита осталась у костра.

Представьте себе картинку: Лена бегала в лесу вокруг поляны и звала мужчин, ухал филин, светила луна, горел костер. С одной стороны, обычная выходка легкомысленной особы, с другой, принимая во внимание случившееся, поступок, полный странного смысла. Она убегала от них. Играла. Рита сидела у костра, прислушиваясь к голосам...

Он помолчал.

– А что было дальше?

– Ничего особенного. Они вернулись. Первой Лена, сразу за ней – Олег, потом Иннокентий. Лена хохотала, была возбуждена, тормозила Риту, спрашивая, почему она не пошла с ними. «Там страшно! – пугала она. – У-у-у!»

Вообще, мне показалось, что Лена придумала себе игру, жестокую, в силу своей молодости. Она приставала к Рите, болтала разные глупости, смеялась, шутила. А Рита весьма тяжеловесная особа, не умела и не хотела отвечать тем же, не обладая ни легкостью, ни маневренностью. Да и обида еще не прошла... за порушенную семью. И разница между этими двумя разительная. Рядом с Ритой Лена казалась еще моложе, а Рита, наоборот, угрюмой, брюзгливой и старой...

Но это все мои домыслы, Ксения. От богатого воображения. Хотя они довольно банальны. Но с другой стороны... мир держится на стереотипах и банальностях, как вам известно. И наблюдательный человек, обладающий даже скромным жизненным опытом, просекает ситуацию с ходу. Новый

брак с юной женщиной – стереотип. Избалованная, неугомонная новая жена – стереотип. Восприятие ее мужем как игрушки, в отличие от первого «серьезного» брака, – стереотип. Осуждение и зависть женщин – стереотип. Одобрение и зависть к нему мужчин – тоже стереотип. Так что проникнуть в отношения и чувства этих людей не так уж сложно. Вы согласны, Ксения?

– Согласна... в общем. До тех пор, пока не случается то... что случилось. Ведь вы с вашим жизненным опытом и наблюдательностью не знаете, что произошло, правда?

– Правда, Ксения. Самая чистая правда на свете. Но то, что случилось, – не стереотип. Наоборот...

Он повторял мое имя, и каждый раз я чувствовала острый укол в сердце. Он так произносил его... как никто никогда. «Как «молитву», – вдруг пришло мне в голову. У него приятный голос, теплый, ласковый, полный смысла... Я представила, как он прикасается ко мне, повторяя: «Ксения... Ксения...» И вспыхнула. Сначала вспыхнуло лицо, потом шея, потом стало жарко в груди и коленях... померкло в глазах и...

– Побродите вокруг, – вдруг сказал Александр, возвращая меня на землю. – Подышите лесом. Вам полезно бывать около воды, как всем трудоголикам. Смотрите! Видите вон там желтый цветок? Знаете, что это?

Я только сейчас заметила в конце поляны, у самого леса, высокий толстый стебель, увенчанный кисточкой крупных желтых цветков. Они были яркие и, казалось, светились. Знала ли я, что это?

– Этот цветок в Италии называют...

– ...зажженная свеча Господа! – перебила я.

– Откуда вам это известно? – удивился экстрасенс.

Я пожала плечами:

– Случайно. Видела на картинке...

– Интересное растение. Сходите посмотрите, только не уходите далеко, а то потеряетесь. А я похожу вокруг, подумаю...

Сказав это, он повернулся и ушел, оставив меня одну. Внезапность, как я начинала понимать, это свойство его природы. Когда ему нужно, он поворачивается и уходит. Или вешает трубку.

Мощный стебель «зажженной свечи» напоминал дерево. Желтая кисточка торчала высоко над моей головой. Как когда-то в детстве, я ухватила стебель двумя руками и, сделав усилие, нагнула. Соцветия ткнулись мне в лицо, и я, не удержавшись, глубоко вдохнула их теплый травяной дух...

Шершавый стебель подрагивал в моих руках. Цветок хотел на свободу. Я разжала руки и выпустила его. Он немедленно разогнулся, потрянув кисточкой. Посыпались на траву мелкие лепестки. Я стояла и смотрела на желтые кружки€ на траве и видела маленькую девочку, на цыпочках тянущуюся к «зажженной свече». Загорелую, с исцарапанными коленками, в пестром сарафанчике...

...Сияющий летний день, белые облачка на выгоревшем небе, голубой цикорий, белая кашка, желтая медуница... Другое место, тысячу лет назад... Жужжание пчел, мелькание бабочек... Сверчковый звук родника... Зеркало озера с плывущими неторопливо облаками...

Я не знаю, сколько прошло времени. Часа два или чуть больше. Мягко накатывали ранние предосенние сумерки. Поползли тени от деревьев. Дрожащая зыбкая полоса пролегла от берега до берега, разделяя озеро на две половины. Одна полыхала огнем, отражая острые пики елей, другая была черной и неподвижной.

Резко потянуло сыростью. От озера пахло илом, стоячей водой и аиром. Лес высился вокруг темной неподвижной стеной. У берегов за клубился, выползая из щелей, белесый прозрачный туман.

Я сидела посередине крошечного песчаного пляжика, глядя на черную воду. Песок был еще теплым. Изредка плескала хвостом рыба, и я вздрагивала. Александр все бродил вокруг, подолгу останавливаясь на берегу, рассматривая траву, кострище, место, где стояли палатки. «Шаманство», как я окрестила про себя его действия, продолжалось уже целую вечность. Я испытывала гнетущее чувство... смесь тоски и одиночества. Но, как ни странно, мне не хотелось уходить отсюда. Мне не хотелось двигаться, подниматься с песка, идти к машине. Какое-то время я следила за Александром, потом забыла о нем. Голова была тяжелой. Я подумала, что могла бы остаться здесь на ночь. Легла бы на теплый песок... И вдруг явственно представила, что лежу, прижимаясь щекой к мелким зернам песка, чувствуя токи земли глубоко внизу... В кустах шуршит ночной зверек. Слабо белеет полоска пляжа. Ночь стоит безлунная и очень тихая, полная ожидания...

...Резкий крик птицы заставил меня вздрогнуть. Спина мгновенно покрылась испариной. Стало темно. Закат почти догорел. Озеро лежало передо мной черным провалом, и только в дальней его части переливались красным последние закатные сполохи.

Александра не было видно. Я поднялась с земли. По песку тянулась к

воде цепочка маленьких следов. Я не заметила их раньше. У меня перехватило дыхание... Женщина вошла в воду и... не вышла?

Я стояла соляным столбом, не в состоянии пошевелиться. Сердце билось медленно и глухо. Удары его были такой силы, что, казалось, вздрагивает земля под ногами.

– Заждались? – спросил Александр, и я, вскрикнув, резко обернулась. Я не услышала, как он подошел. Голос его возник ниоткуда.

– Извините, Ксения! – воскликнул он с раскаянием. – Я не хотел вас напугать!

Я вдохнула так глубоко, что померкло в глазах. Но тяжесть уже отпускала, и я смогла распрямиться, как стебель «божьей свечки».

– Мрачноватое место, – продолжал Александр. – Замерзли?

Я помотала головой. Голос мне не повиновался.

– Срабатывает заданность восприятия. Если бы вы не знали, что здесь произошло... вы бы не боялись. – Он говорил бодро, стремясь рассеять гнетущее ощущение страха, разлитого в темнеющем на глазах воздухе. – Поехали! – Он протянул мне руку, и я, не раздумывая, за нее уцепилась. Кисть у него была горячей и сильной.

– Следы, – пробормотала я, указывая на едва различимые провалы на песке.

– Следы? – повторил Александр. – Какие следы?

Он нагнулся, рассматривая неясные отпечатки босых ног. Разогнулся и сказал, рассмеявшись:

– Ксения, не выдумывайте! Это случилось больше двух недель назад. С тех пор тут столько народу перебивало! Я не должен был оставлять вас одну. Моя вина! Больше не буду. У вас богатое воображение.

Когда мы подъезжали к городу, Александр вдруг сказал:

– Рита уверена, что Елена просто сбежала. Она уже исчезала однажды. Олег чуть с ума не сошел.

– Где же она была?

– Сидела на даче. Они поссорились, и она так ему отомстила. Молодость жестока.

– Сколько времени она там просидела?

– Три дня. Я понимаю, три дня – это не две недели... Хотя чего не бывает!

– А вы... вы думаете... Что с ней что-то случилось? Она жива?

– Не знаю. Она звонила мужу в среду, через три дня после исчезновения.

– Как звонила? И что сказала?

– Ничего, в том-то и дело. Она просто назвала его по имени... Их сразу разъединили. Или она повесила трубку.

– А это правда?

– Думаете, он лжет?

– Нет, ему могло померещиться.

– Он был не один, а со своим другом, тем самым, Иннокентием. Он тоже слышал. Собственно, он-то и снял трубку, а Олег выхватил ее. Она позвала его два раза... Он не отходит от телефона, сидит и ждет, что она снова позвонит.

– Александр... – Имя остается на языке сладковатым холодным леденцом. – Александр, вы сказали, что присутствовали на допросах...

– Да.

– Вы с вашей интуицией... ничего не почувствовали?

Он молчит некоторое время. Потом говорит:

– Почувствовал. Они все лгут. Но это ни о чем не говорит.

– То есть как это лгут? – поразила я.

– Как лгут? Элементарно. Да и вообще, что такое ложь? Психология лжи – предмет сравнительно новый для отечественной науки. Даже определение лжи вызывает споры. При этом часто ссылаются на богословские труды Блаженного Августина и на его определение, что *ложь – это сказанное с желанием сказать ложь*.

– Разве бывает другая ложь?

– Бывает. Человек может заблуждаться, например. Вообще, суть лжи сводится к тому, что человек думает одно, а сознательно говорит другое. Сознательно, заметьте! И постоянно. Американский психолог Пол Экман, например, утверждает, что ложь настолько естественна, что ее без обиняков можно отнести почти ко всем сферам человеческой деятельности. Кто-то может содрогнуться от такого утверждения, говорит Пол, поскольку считает ложь достойной всяческого осуждения.

– Я не согласна с вашим американским ученым! – заявила я. – Лгут далеко не все.

– А вы, Ксения, всегда говорите только правду и ничего, кроме правды? – насмешливо спросил он.

Я задумалась. Если покопаться в том, что я говорю каждый день, то, пожалуй... Нет, конечно! Но ведь это не ложь! Это дань условностям, золотой фонд человечества, помогающая человеку выжить. Терпеть не могу режущих правду-матку в глаза, упаси господи! Вспоминаю скандальную соседку из детства – правдорубку и людоведку, которую мы, дети, да и взрослые, боялись как огня. Кому нужна такая правда?

– Я понял, – сказал Александр, расценив по-своему мое молчание. – Вы слегка привираете по-мелкому, но на большую ложь не способны. Вы об этом молчите?

– В общем... да! – Я невольно рассмеялась.

– Как это ни парадоксально, Ксения, но человеку без лжи никак нельзя. Более того, полная искренность невозможна и должна рассматриваться как психическая патология.

– Обидно!

Теперь рассмеялся Александр.

– Согласен. Поэтому не спешите говорить правду. Подумайте сначала хорошенько.

– Ладно, – пообещала я. – Не буду.

– Вообще, само слово «ложь» несет в себе отрицательный заряд, то есть изначально «ложь» – это плохо. – Александр развивал свою мысль дальше. – Но если относиться ко лжи как к философской категории, нейтрально, различать ложь для выгоды и во спасение, воспринимать фантазию, например, как разновидность лжи или игру воображения, то можно прийти к выводу, что ложь имеет креативное начало, причем необязательно со знаком минус, и...

– ... и вокруг полно лжи! – подхватила я. – Начиная с фантастической литературы и кончая прессой. А уж в быту и подавно. И вообще, правда вредна, неудобоварима, требует каких-то действий, взывает к совести и мешает жить. А посему – да здравствует ложь!

– Именно!

– А что скрывают эти люди?

– Не знаю. Но знаю другое: ложь не всегда обусловлена проступком. Человек лжет из страха быть обвиненным. Он умалчивает о всяких незначительных, очень личных фактах, а умолчание – разновидность лжи. И когда его ловят на этом... Кто сказал: «Маленькая ложь рождает большое недоверие»?

– Бисмарк. Так в чем же они лгут, эти люди?

– Не только Бисмарк. Афоризмы просто носятся в воздухе. В чем они лгут? Не знаю, – снова повторил Александр. – Могу только догадываться. Рита не любила Лену. Завидовала ее молодости и красоте. Возможно, опасалась за свой брак – дурные примеры заразительны, и ее собственный муж мог последовать примеру Олега. Иннокентий не мог не сравнивать свою жену с супругой друга, причем не в ее пользу. Олег... Олег ревновал Лену. Молодая жена добавляет седых волос.

– Откуда вы знаете? – не удержалась я.

– Вам соврать или сказать правду?

– Можете умолчать, – разрешила я и подумала про себя: «В конце концов, это не мое дело».

Но Александр был не из тех, кто умалчивает. Он бросился головой в омут признаний.

– Вы, наверное, знаете, – начал он, – что мы со Стеллой... были довольно близки. Я уверен, она вам говорила. Можете не подтверждать. Это неважно. Если вы ничего не знали, то узнаете сейчас. Я любил ее. Но удивительное дело... нам было плохо вместе. Я превратился в тирана, требующего отчета о каждой проведенной врозь минуте. То же самое делала и Стелла. Мы все время скандалили и намеренно старались причинить друг другу боль. Это была не любовь, а... я даже не знаю, как это назвать. Наваждение, болезнь, психоз. Иногда ненависть. Инстинкт самосохранения у нее оказался сильнее, чем у меня, и она попросту удрала, за что я ей очень благодарен. Сейчас. А тогда я пребывал в отчаянии, совершал дурацкие поступки, звонил, умолял, валялся в ногах... Можете представить меня валяющимся на полу? – Он усмехнулся невесело. – Знаете, Ксения, оглядываясь назад, я не верю, что я все это проделывал. Воистину любовь лишает человека разума. – Он помолчал. Потом сказал совсем другим тоном: – Ну, раз я вывернулся наизнанку, теперь ваша очередь. Давайте, выкладывайте как на духу – вы когда-нибудь были влюблены до потери всякого контроля над собой?

– Нет, – ответила я. – Я не способна терять контроль над собой. Наверное, я очень трезвая особа. Суховой.

– Кто? – не понял Александр.

– Суховой. Деловая женщина!

– Вы суховой? – Он рассмеялся. – Полнейшая ерунда. Вы сами себя не знаете, Ксения. Вы ливень! Майский ливень с грозой.

– Во-во! Холодный и отрезвляющий.

– Неправда! Теплый ночной ливень во время цветения садов.

– Вы и стихи пишете? – спросила я ехидно, пытаясь скрыть смущение.

– Красота, ум, сила характера – небесное триединство, делающее любого мужчину звездочетом, – ответил он сентенциозно. Подумал немного и добавил: – Ладно, это не я. Это сказал один английский автор девятнадцатого века. Только вместо «силы характера» в оригинале «деньги». Не могу я соврать вам, Ксения...

Я рассмеялась. Мне было легко с Александром, хотя я подозревала, что он видит меня насквозь. Отношения с ним обещали быть легкими и приятными. И сохрани нас Бог от любви! Мне нравился его тон – чуть

поддразнивающий, ироничный, его манера говорить, голос, смех, его горячая рука...

«Почему бы и нет?» – думала я.

– Я рад, что Стелла встретила человека, – сказал вдруг Александр.

– Откуда вы знаете?

Он пожал плечами и промолчал.

У моего дома Александр выпустил меня из машины. Я приготовилась к объяснению, почему нельзя подняться ко мне, но он не стал спрашивать, и я, скрывая разочарование, попрощалась. Он коснулся губами моей щеки, я задержала дыхание, подавив желание прижаться к нему.

– Я позвоню, – сказал он. – Спасибо.

– За что? – удивилась я.

– За озеро. После нашего разговора многое стало на свои места.

– Вы знаете, что случилось на озере?

– Почти! – ответил он и уехал.

Глава 10

Сны

Я в свете
временных потоков,
Мой черный плащ
мятежно рвущих.
Зову людей, ищу
пророков,
О тайне неба
вопиющих.

«Маг», Андрей Белый

Я бесцельно бродила по квартире, не находя себе места. Вспоминала наш разговор с Александром... «Удивительный человек, – думала я. – Дура Стелка...» Я потерла рукой щеку, к которой он прикоснулся губами. Потянула носом – кожа слабо пахла его запахом. Почему он не напросился в гости? Так нечестно! Он лишил меня всякой возможности продемонстрировать твердость характера и сказать: нет! Я представила, как Александр сидит на моем диване по-домашнему, подпихнув под спину подушку с медведями. Я приношу кофе...

Мгновенная вспышка белого света ослепила меня. Перед глазами на сотую долю секунды возникла черно-белая картинка: Александр, наклонившийся над столиком, с чашкой кофе в одной руке и парадной серебряной ложечкой в другой... глуховатый его голос: «В следующий раз кофе варю я сам!» Возникла и пропала. Сквознячок побежал по спине. Я осторожно села на диван. Во рту стало сухо, голова кружилась. Я поднесла к лицу ладони – пальцы заметно дрожали. Что это? Я видела Александра, сидящего на моем диване с чашкой кофе... видела явственно! Я даже почувствовала запах кофе, я слышала, как звякнула о блюде серебряная ложечка... Что за чертовщина? Может, права Стелла и он действительно колдун? Такого со мной еще не было. Или... гормональный сдвиг по фазе?

Как ни странно, после явления Александра на диване я почувствовала волчий аппетит и немедленно отправилась на кухню. Открыла холодильник, достала банку с маринованными огурцами, копченое мясо, сыр, хлеб. Включила электрочайник.

Я сметала все подряд, удивляясь открывшейся внезапно прожорливости. Мельком подумала, что неплохо бы сварить пару картошек, но топнула ногой. На ночь глядя... совсем с ума сошла!

Сонливость навалилась так внезапно, что я даже не стала пить чай. С трудом, как переевший питон, добралась до постели и рухнула, едва сдвинув покрывало. В сон я провалилась мгновенно, без всякой переходной фазы. Как отрубилась.

* * *

...Я бежала по лесу, полная радости движения... Ветки цеплялись за мои волосы... Лес был черно-белый... Белесость, разлитую в воздухе, перечеркивали резкие черные стволы деревьев... Белесость пульсировала – вспышки света чередовались с провалами черноты.

Я бежала по пляжу, чувствуя под ногами влажный песок... Цепочка следов на песке... Плеск черной воды...

Я оглядываюсь... смеюсь, зову кого-то, кто сзади... маню рукой... Вскрикиваю от холодной воды... захожу глубже... вода щекочет колени... смешно, радостно...

Я смеюсь, запрокинув голову – белеет незащитное горло... сверкает вода... Оборачиваюсь и зову человека, слышу его дыхание за спиной... маню, смеюсь...

Плеск воды... безликий человек за моей спиной входит в воду... Ночной мир и время рубятся на полоски черно-белыми вспышками...

Белая – черная, черная – белая...

...Пронзительно кричит ночная птица... Я уже не смеюсь... смертная тоска охватывает меня... Я оглядываюсь на человека... его нет... но я чувствую его дыхание... он прячется...

Размахивая руками, я неловко бегу по воде... Внезапно дно озера словно выдергивают из-под моих ног, и я медленно соскальзываю вниз, где холодно и темно... Течение медленно подхватывает меня и кружит... Вместо воздуха – вода... Сверху, снизу... везде... Я начинаю задыхаться... Чувствую рвущую боль в груди... и просыпаюсь.

...Я сижу на постели, мокрая, как мышь, дыхание с хрипом вырывается из груди. Я не могу наддышаться... со стоном заглатываю сладкий воздух. Постепенно прихожу в себя и сползаю с кровати. Держась

за стены, бреду на кухню. Открываю кран и жадно пью, обливаясь ледяной водой... Долго сижу на табуретке. Пока меня не начинает колотить озноб...

Что это было?

Телефонный звонок и мой крик. Телефон разрывается. Я цепенею от ужаса. Телефон все звонит. Потом смолкает, слышится щелчок автоответчика, мой голос, предлагающий оставить сообщение, и крик Александра:

– Ксения! Возьмите трубку! Ксения!

– Да, – шепчу я в трубку. Мне плохо, я едва держусь на ногах. Опираюсь спиной о косяк двери. – Да...

– Ксения! – выдыхает Александр с облегчением. – Вы... Что случилось?

– Ничего...

– Я же чувствую! Вам плохо? Вы заболели? Что?

– Ничего... Просто сон.

Я начинаю приходить в себя. Колени перестают дрожать, мне уже не так холодно.

– Сон? Вам снился сон? – настаивает Александр. – Что там было?

– Озеро, – отвечаю я вполне трезвым голосом. Наваждение окончательно рассеялось.

– Озеро? Что еще?

– Ничего. Ночь и озеро. Я купалась...

– И что дальше? – Голос его напряжен. Похоже, он придает моему сну слишком большое значение.

– Ничего! Вода была холодная...

– Вы купались... одна?

– Нет. Там был еще кто-то...

– Кто?

– Я не знаю. Человек. Я звала его с собой...

– А потом? Что случилось потом?

– Потом я стала тонуть и вдыхала воду вместо воздуха.

– Это мужчина?

– Не знаю, – отвечаю я удивленно. Странно, но человек из моего сна не имел пола. Это был просто... человек.

Тень, шорох песка под ногами, дыхание за спиной...

– Хотите, я приеду? – внезапно предлагает Александр.

– Нет, – отвечаю я твердо. – Это же всего-навсего сон! Не грабители и не привидения. – «Если у вас не в порядке нервы, уважаемая Ксения, – добавляю про себя, – то обращайтесь к психоаналитику». И чтобы

положить конец разговору, который стал мне неприятен, добавляю: – На ночь есть вредно.

– Что?

– После нашей прогулки я проголодалась, как... слон! – «Почему слон? Или, цитируя доктора Лапина, как бродячая собака», – это мысленно. – И съела весь холодильник. Кроме того, ваша история произвела на меня такое сильное впечатление, что я все время думаю об этой женщине... И вот! Но я уже в порядке. Спасибо. Такое со мной впервые. Вообще-то я девушка крепкая.

– Конечно, конечно, – соглашается Александр, но как-то неуверенно. – Вы... действительно не хотите, чтобы я приехал?

– Я интересую вас с профессиональной точки зрения, как пациент, или... как-то иначе? – спрашиваю я нахально. Я окончательно пришла в себя, и мои страхи уже кажутся мне вполне дурацкими.

Он издает смешок:

– Похоже, вы и правда в порядке, Ксения. Спокойной ночи.

Он вешает трубку, не дождавшись ответного пожелания. Но я не в обиде – я, кажется, начинаю привыкать к его внезапным исчезновениям. В конце концов, у каждого свои маленькие слабости. Эта порывистость вкупе с репутацией колдуна и экстрасенса придают ему легкий душок демонизма, что, я уверена, нравится женщинам. Я рассмеялась.

* * *

Утром я едва помнила о своем ночном кошмаре. День обещал быть прекрасным. Сквознячок шевелил шторы и гулял по гостиной, сметая с журнального столика всякие бумажки. Фольга от шоколадки, разноцветные рекламки и квитанции разлетелись по комнате.

Мне не хотелось идти на работу. Впервые в жизни. Мне хотелось, чтобы позвонил Александр и сказал: «А давайте прогуляем сегодня! Давайте поедem куда-нибудь подальше, выключим телефон, сядем на траву и...» Дальше фантазия буксовала. Ну, например, он расскажет что-нибудь из своей богатой практики... «Какой практики? – спросил занудный внутренний голос. – Разве тебе известно, чем он занимается? Кроме того, что он экстрасенс и колдун». Причем последнее недостоверно и сказано в досаде необъективной Стеллой. После доктора Лапина я больше не доверяю ее суждениям. Из рассказа Стеллы рисовался образ усталого

красавца-доктора, отдающего всего себя служению больным. А я увидела циничную потертую и небритую личность в мятых брюках. Тьфу, дались мне эти брюки!

Звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Я рванулась в прихожую, роняя шлепанцы. Александр! Увы. Кто-то ошибся номером. Человек неразборчиво произнес что-то. «Алло? – повторяла я. – Алло, кто это?» Я услышала звук захлопнувшейся далекой двери и сразу же сигналы отбоя.

Кофе был хорош. Я жевала бутерброд – черный хлеб и сыр – и думала об Александре. Нужно позвонить Стелке и расспросить о нем, решила я вдруг. Дожевывая на ходу, понеслась к телефону. К моему разочарованию, мне никто не ответил. Стелла уже ушла. Ранняя пташка! Может, позвонить Александру? И, если он не один, нарваться на предложение позвонить в другой раз? Да еще сделанное конспиративным шепотом? Настроение мое слегка померкло. Почему я решила, что он свободен?

В задумчивости я допила кофе. Спрятала недоеденный бутерброд в холодильник и отправилась в спальню одеваться. Меня распирало желание услышать его голос. Да что со мной такое? А что, если... как в детстве – позвонить и помолчать в трубку? Он будет спрашивать, кто это... как я минут десять назад. А я буду слушать его голос и молчать. Как последняя идиотка. «Что за пацанизм!» – одернула я себя.

А еще меня распирало желание говорить о нем. Ничего, Стеллу мы выловим вечером, думала я, и без помех поговорим. Я хочу знать о нем все. Экстрасенс – это несерьезно. Он что – воду заряжает? И этим кормится? Я представляла экстрасенса манерным женоподобным мужиком, виденным когда-то в кино. Он многозначительно кривил губы, закатывал глаза – одним словом, страшно выделялся и вел себя намеренно неадекватно. Александр не такой. Он не говорит о себе. У него прекрасное чувство юмора. Он не напрашивается в гости, не пристает, не посягает. «Значит, несвободен, – трезво заметил внутренний голос. – Или нетрадиционно ориентирован». Глупости! А как же Стелла? Она сказала... Как же это она сказала? «Классный трахальщик». Именно! Меня бросило в жар.

«Хватит, – приказала я себе. – Остынь, успокойся и призови на помощь опытного господина Бьяготти».

– Девочка моя, – говорил господин Бьяготти, – запомните: существует две разновидности мужчин – охотники и дичь. Равно как и женщин. Распознать, кто есть кто, довольно несложно. Охотник активен, дичь – пассивна. Первый преследует женщину, второй сидит и ждет. И ничто – ни извержение вулкана, ни цунами, ни конец света – не изменит этого расклада. Если вам нравится хищник – ведите себя, как дичь, если потянуло

к дичи, превратитесь в охотника. Но упаси вас Бог преследовать охотника! Вы рискуете сломать себе шею.

И кто же Александр? Да уж не дичь, конечно! Значит, охотник. Я представила себе его с луком и колчаном стрел. В звериной шкуре и ожерелье из клыков тигра. Прекрасной формы голова, тяжеловатая нижняя челюсть, крупный нос, глубоко сидящие темно-серые глаза... Удивительно несовременное лицо. Удивительное ощущение внутренней силы, упрямства и... и... мощи!

Отодвинув на время мысли об Александре, я достала из шкафа белый костюм из тяжелого «мокрого шелка» – короткая юбка клеш и короткий жакет – мой любимый. Надену его последний раз в сезоне – и прощай до следующего лета. Я застегнула жакет на все пуговицы. Глубокий вырез больше открывал, чем скрывал. Обычно я ношу жакет расстегнутым, с блузкой, но сегодня мне требовалось самоутверждение. Мне хотелось ощущать себя привлекательной. Мне нужно, чтобы на меня оглядывались на улице.

Я не стала собирать волосы в узел, надела бледно-оливковые туфли на высоком каблуке и достала из шкафа сумку в тон. Виляя задом, красиво обтянутым белым шелком, прошла перед зеркалом.

Я была готова встретить Александра во всеоружии. Он охотник? Ладно. Тогда я – трепетная, перепуганная, убегающая лань. И никаких звонков. Он позвонит сам! А мы еще подумаем, брать ли трубку. Вот так. Привет тете Нюсе и господину Бьягготи.

По дороге на работу мне пришло в голову, что образ трепетной лани не очень вяжется с должностью генерального директора, под началом которого около пятидесяти человек. «Наконец-то! – обрадовался внутренний голос. – Наконец-то ты пришла в норму. Неужели ты собираешься корчить из себя слабую, беззащитную и так далее дичь, извините за выражение? А как же твое кредо? Равенство в отношениях, никаких приветов из силиконовой долины, и вообще, я – личность!»

– А что же делать? – слегка растерялась я.

«А ничего, – ответил внутренний голос. – Разве тебе нужен мужчина, которому нравятся подобные женщины? Почему ты думаешь о нем, а не о себе?»

– Не знаю... Уж очень хочется. И вообще, если я личность, я могу позвонить ему и пригласить куда-нибудь. Так же, как могу пригласить Сэма. Запросто. Правда, если Сэм откажется, я скажу: о'кей, давай в другой раз. А если откажется Александр, я, наверное, помру от стыда. Не умею я преследовать мужчин. Наверное, я все-таки дичь. Или... кто?

Внутренний голос задумался и не ответил.

Глава 11

Суета сует и всяческая суета

Раздумывая таким образом – довольно бессвязно – о своих отношениях с Александром Урбаном и вяло пререкаясь с внутренним голосом, я добралась наконец до работы, где меня ожидал большой сюрприз: Густав со своим адвокатом, сияющая Оля и Стелла, представляющая нашу фирму. Оля бросилась мне на шею. Я не успела уклониться. Кажется, это входит у нее в привычку. Густав – небольшой, улыбчивый, черноволосый в отличие от большинства крупных и белобрысых своих соотечественников, поднялся мне навстречу. Стелла смотрела загадочно и загадочно улыбалась своей «маленькой» улыбкой. В ее женском арсенале имеется с десятков разноцветных улыбок – от широкой и радостной до «маленькой» – лишь уголком рта, тем, где родинка. Сшибает с ног любого женоненавистника.

Часа через полтора, после завершения всяких формальностей – подписания купчих, выписывания чеков, а также распития новой бутылки шампанского, принесенной на сей раз Густавом, – мы наконец остались одни. Сидели друг напротив друга и молчали. Наше молчание было красноречивее слов. Стелла сияла.

– Не может быть! – воскликнула я.

Она дернула плечом. В ее глазах светилось торжество.

– Когда?

Стелла снова дернула плечом.

– Не может быть, – повторила я. И, не удержавшись, спросила с любопытством: – Ну... и как?

Стелла закрыла глаза и потянулась томно, как кошка. И выдала... Я не стану повторять того, что она сказала – это просто неприлично. Но отлично передает смысл – звучит емко, коротко и образно.

– Как же это... он что, сам тебе позвонил? – все еще сомневалась я, вспоминая неприветливого доктора Лапина.

Она снова пожала плечами. Что, видимо, означало «нет».

– Ты? – допрашивала я.

Она помотала головой – снова «нет»? Торжествующая ухмылка рвалась с ее губ.

– А что? – недоумевала я.

А вот что. Позавчера Стелла собственной персоной явилась к доктору

Лапину домой, выждав около часа после его возвращения с ночного дежурства. Она решила, что ему нужно дать время перекусить, принять душ и вообще оклематься после бессонной ночи, а потом прийти и взять.

– А... жена?

Стелла снова пожала плечами, что, видимо, значило – ах, какие пустяки! Я смотрела на нее и думала, что совсем не знаю свою приятельницу. Это не суховей, нет! Это торнадо. Прекрасная охотница, бьющая без промаха. А эскулап! Кто бы подумал! Непрístupный, как крепость, доктор Лапин выбросил белый флаг и пал. Ау, господин Бьяготти! От ваших рецептов несет нафталином. Можно, оказывается, охотиться и на охотника, было бы желание. Или... он не охотник?

Доктор Лапин открыл ей дверь и, не выразив ни малейшего удивления, посторонился, давая пройти. Босой, влажный после душа, в небрежно наброшенном халате, он сгреб ее прямо в прихожей и... «Под халатом ничего не было», – сказала Стелла, описывая сцену встречи. Голос ее сорвался...

Через час она позвонила на работу и наврала, что плохо себя чувствует, а потому не придет. Они провели в постели весь день, отрываясь друг от друга, чтобы принять душ и перекусить. У него было вино, пара бутылок, и почти никакой еды. Они пили из одного стакана и целовались как сумасшедшие. Глоток – поцелуй, глоток – поцелуй.

– У него очень белая кожа, – сказала Стелла, и глаза ее потемнели. Сидя в моем кабинете, она мысленно была с доктором Лапиным. И я представила себе их тела: смуглое – Стеллино и очень белое – доктора Лапина, среди смятых простыней, под струями воды, на ковре в гостиной... Я вдруг увидела его спину, бугры мышц, ритмичнодвигающийся узкий зад... Очень белая кожа! Черные волосы Стеллы на подушке, ее руки вокруг шеи Лапина, их переплетенные ноги...

Картинка-вспышка оказалась черно-белой и длилась сотую долю секунды... даже меньше. На плече доктора Лапина – крупная черная родинка...

– Довольна? – спросила я.

Стелла кивнула. Была она на диво сдержанна, распираема чувством, сидела против меня, пребывая мыслями в другом месте.

– А жена? – допытывалась я сама не знаю зачем. Какая разница?

– Жены нет... – Она беспечно махнула рукой.

Мы помолчали. Доктор Лапин меня не интересовал, но почему-то я испытывала сейчас тоскливое, будоражащее, безнадежное чувство, определить которое затрудняюсь. Зависть? Сожаление? Собственную

неполноценность? Не знаю. Ничего не знаю! Кроме одного – в глубине души я уверена, что Стелла с ним еще заплачется. Доктор Лапин гуляет сам по себе и делает что хочет, ему наплевать на всех... да и на самого себя тоже. Любой на его месте постарался бы выкарабкаться наверх, а не разъезжал на «Скорой». Но Бог с ним, с доктором. Сейчас мне хотелось поговорить совсем о другом человеке.

– Послушай... – начала я неуверенно, – я виделась с Александром...

– С Сашкой Урбаном? – Она выказала слабые признаки интереса. – Ну и что?

– Ничего. Я хотела спросить...

– Я же сказала, в постели он фантастика, а как человек – последняя дрянь.

– Но... почему?

– Не знаю почему. Он выворачивает тебя наизнанку, влазит в душу, говорит гадости и смотрит, как ты реагируешь. Глаз не сводит, аж мороз по коже!

– Какие гадости? – Мне с трудом верилось, что он может говорить гадости. Сдержанный, воспитанный Александр?

– Он говорил, что я, как дешевая шлюха, не пропускаю ни одного мужика. Что от меня за версту несет изменой. Я, рыдая, просила прощения, целовала ему руки, валялась в ногах. Даже вспоминать тошно. За одно его прикосновение я готова была подохнуть. Я ненавижу его, понимаешь? – Стелла наклонилась ко мне. Она наконец проснулась и, похоже, напрочь забыла о докторе Лапине. – Он бил меня...

– Александр? Не может быть!

– Да, бил! В постели. И самое ужасное... – Она замолкает, глядя на меня глазами, полными слез. – Мне это нравилось!

Я молчала, не зная, что сказать. В глубине души зарождались сомнения. Не то чтобы я не верила ей, но представить, что Александр бьет Стеллу... или какую-либо другую женщину, я не могла. Но, с другой стороны, откуда у нее такая ненависть? Прошло почти три года...

– Не веришь? – спросила Стелла.

Я пробормотала, не глядя на нее:

– Он кажется мне совсем другим...

– Это он умеет, – сказала она зло. – Колдун проклятый!

– А... чем он занимается? Он действительно... – Язык не повернулся вымолвить «колдун», и я добавила после паузы: —...экстрасенс?

– Черт его знает! – вскричала Стелла. – Недоучка! Учился в меде, бросил, политех тоже бросил, все искал себя. Бродил где-то на Алтае, жил в

монастыре... Спроси, может, и расскажет. Я, как дура, развесила уши – ах, он не такой, он необыкновенный, у него *Знание*... с большой буквы! Обыкновенный мужик с фантазией, особенно в постели, ревнивый, самолюбивый, мстительный. А! – Она махнула рукой. – Все они одинаковы.

– Кроме доктора Лапина? – ехидно спросила я.

– Кроме Володи, – серьезно глядя на меня, ответила Стелла. – Володя... без комплексов и без двойного дна. Что думает, то и говорит. Он не будет издеваться, понимаешь? Не станет мучить меня, как Сашка. Послушай, – она вдруг замолчала и уставилась на меня в упор. – Ты что, переспала с Сашкой?

– Еще нет, – ответила я. – После твоей характеристики... даже не знаю. – Это была шутка, прозвучавшая как упрек.

– Ну и правильно! Подумай семь раз. И мой тебе совет – держись от него подальше. – В голосе ее звучали страсть и злоба. Она враждебно смотрела на меня, и я подумала, что не так все просто с ее чувством к Урбану, а три года не такой уж большой срок. На память пришел незабвенный господин Бьяготти, который сказал однажды: «Моя девочка, если бы женщины не выбалтывали свои альковные секреты ближайшим подружкам, на свете было бы гораздо меньше трагедий и... извините ради Бога, грязи».

– Хорошо, я подумаю, – пообещала я. – Я видела его всего один раз, он рассказал мне странную историю...

– Убийство?

– Пока неизвестно. Исчезла молодая женщина... Откуда ты знаешь?

– Сашка сотрудничал с милицией, присутствовал на допросах. Помог им раз или два.

– А еще что?

– В каком смысле?

– Чем он еще занимается?

– У него своя передача на телевидении ночью, можешь посмотреть. Всякая хренотень для истеричек. Я же говорила... Еще он составляет гороскопы, ведет частные сеансы релаксации. – Стелла раздула ноздри. – С богатыми неработающими бабами. Вхож в самые высшие круги, пользуется репутацией чуть ли не графа Калиостро... С ним носятся как с писаной торбой, сучки ложатся под него штабелями! – Она замолчала и после паузы сказала уже другим тоном: – Мы не могли бы переменить тему? От Сашки у меня портится кровь. Не хочу даже вспоминать. А ты... Смотри, Ксень, я тебя предупредила!

– Спасибо, – ответила я, скорее озадаченная, чем задетая.
– Ладно, – сказала она, поднимаясь. – Я пошла.
– Хочешь, пообедаем вместе? – предложила я.
– Нет! – Она победно улыбнулась. – Меня ждет Володя! Звони, не пропадай. Привет! – И исчезла.

Мне было о чем подумать. Я не знала, верить ли Стелле. Все во мне протестовало против характеристики, выданной Александру. Что-то болезненное есть в чувствах Стеллы... неприкрытая ненависть и... «Ревность!» – вдруг осенило меня. Стелла до сих ревнует Урбана к «сучкам» и, видимо, ко мне. Что-то произошло между ними, что уязвило ее до глубины души, чего она ему не простила. А с другой стороны, почему мы, женщины, всюду ищем подводный смысл и тайны мадридского двора, если все ясно как божий день? Он изводил ее своей ревностью, оскорблял... бил. Бил? Не верится. Любовные игры иногда причиняют боль... И еще... она говорит, что бросила его... А может, все было не так? Или не совсем так?

Я облизнула внезапно пересохшие губы. «Хватит!» – приказала себе. Достала из холодильника в тумбе стола бутылку минеральной воды, поспешно открыла, оцарапав палец, и стала жадно пить из горлышка...

* * *

– Слушай, а у Ксении есть мужик? – спросил Кира у Стаса. Молодые люди уютно устроились в кабинете программиста.

– Крутится тут один америкос...

– Клевый?

– Не-а, старый и лысый.

– Она что, получше найти не может? – удивился Кира. – Или мылится в Штаты?

– На хрен? Ей и здесь хорошо. Ксения – баба самостоятельная, огребает знаешь сколько? Наш босс Роман – полный отстой, все на ней. Да и не похоже, что она трахается с америкосом.

– Жаль, – глубокомысленно сказал Кира. – А сколько ей натикало?

– Не знаю, лет тридцать, – ответил Стас.

– Больше. Тридцать пять. А что, если пригласить ее...

– Куда?

– Оттопыриться на хату!
– Охренел? Она не пойдет!
– А ты пробовал?
– Не пробовал. Она не в моем вкусе.
– А я бы попробовал! – Кира задумчиво смотрел на друга. – Мне твоя Ксения нравится. Мне вообще нравятся телки постарше.
– Ксения не телка, – заступился за начальницу Стас.
– А кто?
– Конь в пальто, – ответил Стас. – Оставь ее в покое.
– Козел! – отреагировал Кира. – Такая баба пропадает! Да я бы уже давно!
– Ты бы! Да ты только по малолеткам шастаешь, – заметил Стас и тут же получил от друга тычок под ребра. Не замедлив дать сдачи, он получил новый удар, после чего свалился на пол, потянул за собой Киру, и дальше тычки продолжались уже в партере. Они катались по полу, не заметив, что я стою на пороге.
– Козел! – рычал тощий длинный Кира, распластанный под приятелем.
– Дубина! – отвечал толстый Стас, подминая под себя товарища.
– О чем дискуссия, мальчишки? – спросила я.
Мальчишки замерли на миг, повернули головы и уставились на меня как на привидение.
– Кого не поделили?
Побагровевший Стас поднялся с пола, отряхиваясь. Протянул руку Кире.
– Мы... это... случайно, – пробормотал.
– Вашему Стасу надо нервы лечить, – сказал Кира, потирая правый локоть. – Выдайте ему путевку от профсоюза. И на диету посадить не помешает. Борец сумо!
– Я подумаю, – ответила я. – А чем ты торгуешь сегодня?
– Ничем. У меня отгул. Ладно, я пошел. – Проходя мимо Стаса, Кира смазал ему по шее.
– Стас, мне нужна статистика за второй квартал, отдельно за июль и по двадцатое августа. Сделаешь распечатку и занесешь. И продублируешь по почте для архива. Срочно.
– Сейчас сделаю, Ксения Валентиновна!
– Так чего же вы все-таки подрались? – не удержалась я, уже закрывая за собой дверь.
Стас только рукой махнул и уткнулся в компьютер.

* * *

Я не торопясь шла домой. Был час пик, на улицах толпился народ. Вечерело. Невесомые сумерки мягко опускались на город. Днем было жарко, а сейчас в природе явно чувствовалась близкая осень. Я шла, не видя никого вокруг. Раз или два меня толкнули, но я даже не обернулась. Я убеждала себя, что не случится ничего страшного, если я сама позвоню Александру. Я не могла не думать о нем. Желание видеть его усиливалось перспективой одинокого вечера. Мысль о пустой квартире и молчащем телефоне казалась мне невыносимой. Если бы Стелла не задурила с доктором Лапиным, можно было бы позвонить ей и вытащить куда-нибудь... Тут мне пришло в голову, что у ее любовника, возможно, ночное дежурство, а раз так... «Нет, – сказала я себе, подумав, – слушать весь вечер о замечательном докторе Лапине... бр-р-р! Может, в кино? В такой вечер? Нет, нет и нет». Я приостановилась, раздумывая. Кто-то дотронулся до моего локтя. Я отшатнулась. Знакомый голос произнес:

– Ксения, как хорошо, что я вас встретил!

Я вспыхнула. Урбан! Мы стояли посреди тротуара, сцепившись взглядами, и толпа обтекала нас. Глаза у Александра были не темно-серые, а почти черные. Я чувствовала, что меня затягивает, как в омут.

– Добрый вечер, – хрипло выговорила я. – Вы? Пешком?

– Вот, решил пройтись... – Он, улыбаясь, смотрел на меня. – А вы... домой?

Я бессмысленно смотрела ему в лицо, пальцы мои намертво вцепились в ремешок сумочки; мне казалось, еще миг – и я медленно осяду на тротуар. «Господи! – взмолилась я. – Да что же это такое? Это же просто неприлично... наваждение какое-то!»

Мне удалось перевести взгляд на его губы... Стало еще хуже. У него удивительно красивая линия рта, подбородок с ямкой и... Я увязала все глубже.

– Ладно! – Александр вдруг рассмеялся и поднял руки, сдаваясь. – Я обещал не врать. Я торчал под вашей конторой битых два часа, а вы все не выходили.

Я слабо улыбнулась, приходя в себя.

– Много работы... – пробормотала.

– Пошли ужинать! Извините, что я наскоком, если у вас другие планы – так мне и надо. Я хотел позвонить, но потом подумал, что по телефону вы мне запросто откажете, а в глаза – труднее.

«Он что, смеется? – подумала я. – Он что, ничего не видит?»

– Ну и каков будет ваш положительный ответ? – спросил Александр, и я рассмеялась. Помнила эту фразу из какого-то старого итальянского фильма, с Челентано, кажется.

– Пошли, – ответила я, даже не спросив куда. Мне было все равно.

Он взял меня за руку, и мы пошли сквозь толпу...

Глава 12

Что?

Мы сидели в укромном углу «Белой совы». Это самый популярный в городе ночной клуб с «живой» музыкой и стриптизом. «Совиная» программа начинается после одиннадцати, а сейчас, в восемь, здесь было полутемно, тихо и пусто. Кто-то перебирал клавиши фортепиано. На нашем столике стоял шар зеленого стекла со свечой внутри. Огонек бился за стеклом, откликаясь на малейшие колебания воздуха. По лицу Александра бегали зеленоватые блики, глаза сверкали, щеки казались запавшими. Мы часто встречались глазами, и я всякий раз с трудом отводила взгляд. Александр, похоже, ничего не замечал. Он держался по-дружески, и только. Но мне показалось, самоуверенности в нем поубавилось. Я ловила на себе его быстрый вопросительный взгляд, он словно спрашивал: кто ты?

Разговор был ни о чем. Он упомянул, что недавно прочел роман «Кожа для барабана, или Севильское причастие» испанца Артуро Переса-Реверте. Один из немногих за последнее время, сказал он, который стоит читать. О долге, любви, морали... «Как несправедливо, – говорил он, – что человек не свободен в выборе. Ему мешают предрассудки, долг, мораль... Никто не свободен, к сожалению. Всех нас что-то держит на цепи, короткой или длинной. И часто случается так, что дурные поступки мы совершаем во благо... как мы его понимаем. Но никто не вправе судить нас за то, что мы понимаем не так...»

Я не совсем поняла, что он имеет в виду, но переспрашивать не стала, дав себе слово прочитать роман. Я вообще мало что разбирала из его слов – я слушала его голос...

Официант приветствовал Александра, и приветствие его было не дежурным, в надежде на чаевые, а от души. Он, не дожидаясь заказа, принес еду и вино.

Я не помню, что мы ели. Помню, что вино было красное, терпкое, с приятным запахом. Еда – тушеные сладкие овощи, наперченное мясо, после него хотелось пить. После бокала вина мне стало удивительно легко. Я смеялась в ответ на его поддразнивания – он называл меня деловой женщиной, мужененавистницей, амазонкой и еще как-то. Мне казалось, я знаю его не один десяток лет. Я жадно рассматривала его лицо, мне хотелось протянуть руку и... потрогать его подвижные губы, погладить по щеке. Краем сознания я помнила о Стелле, ее злые несправедливые слова

об Александре возбуждали меня – я считала, что моя приятельница все еще ревнует...

– Ксения-амазонка! – произнес Александр. – Так и вижу вас верхом на рыжей кобыле с луком и колчаном!

– Почему на рыжей?

– Мне нравятся рыжие лошади. Особенно на зеленом.

– А вы кто?

– Я? Никто! Ничтожный сатир, сижу себе в кустах...

– Никого не трогаю! – перебила я. – Подглядываю, да?

– Маленькие радости бывают и у сатиров! А вы – мужененавистница!

– Неправда! – сопротивлялась я. – Господин Бьяготти находил меня очень женственной!

– Кто такой господин Бьяготти? – естественно, спросил Александр, и разговор завертелся вокруг Мальты, моей учебы и незабвенного Бьяготти.

Когда мы покинули «Сову», был уже поздний вечер. Горели уличные фонари. Пока мы сидели там, прошел легкий дождь и в воздухе посвежело. Пахло мокрым асфальтом и грибами. Запах осени – первых желтых листьев и тления. Александр осторожно поддерживал меня за локоть. Он предложил мне свой пиджак, но я отказалась – мне было жарко – и тут же пожалела об этом.

Меня пошатывало от выпитого вина. Его близость, болтовня ни о чем, на полутонах, со скрытым смыслом, который чудился мне в каждой фразе, вечер, пахнувший дождем и грибами, – все казалось прекрасным, удивительным и полным предчувствия чего-то... наверное, радости и долгой и бесконечной дороги вдвоем...

Мы забрели в парк. Снова стал накрапывать дождь. Нерешительный, он шуршал в листьях и траве.

– Расскажите свой сон, – вдруг вспомнил Александр.

Мы укрылись под деревом, пережидая дождь.

– Я уже забыла, – попыталась я отвертеться. Мне не хотелось говорить, хотелось лишь почувствовать его руку и молчать.

– Неправда. Уговор дороже денег.

– Какой уговор?

– Уговор не врать!

– А! – Я рассмеялась. – Ну, ладно, слушайте. Но имейте в виду, это моя добрая воля, а вовсе не какой-то там уговор. Вы сами сказали, что человек, который никогда не врет, – это клиника.

Он стиснул мою руку. Потом поднес к губам и поцеловал.

– Мне снилось... – Я не узнала свой голос, так хрипло он звучал. –

Мне снилось, что я бежала... сначала по лесу. – Я помолчала. – Потом... Потом, босая, по мокрому песку. Потом... вошла в воду. Сон был короткий, черно-белый, динамичный. Кажется, все.

Александр смотрел на меня не моргая, странно напряженным взглядом. Лицо его, едва освещенное тусклым светом далекого фонаря, стало чужим и жестким. Он все еще держал меня за руку.

– Вы говорили, там был еще кто-то.

– Разве? – Я задумалась. – Да, был еще кто-то... Я помню его дыхание сзади. Я смеялась и звала его...

– *Его?*

– Я не знаю, кто это был – мужчина или женщина. Не видела лица. Еще вспышки. Черная, белая... и снова – черная и белая, как молния.

– Что произошло потом?

– Потом я стала тонуть... и как будто видела себя со стороны – меня несло течением, медленно разворачивая... Я походила на длинную светлую рыбу...

– Рыбы не тонут, – заметил он.

– Я была как... мертвая рыба.

Я попыталась рассмеяться, но Александр не поддержал меня. Он по-прежнему пристально смотрел мне в глаза. Я прислонилась к стволу дерева. Казалось, жизнь утекала из меня, и больше всего мне хотелось усесться прямо на землю и закрыть глаза. А еще лучше лечь.

– Ксения, вы слышали дыхание позади себя... – настаивал Александр. – *Какдышал* этот человек? *Чтоеще* вы слышали? Шаги? Тяжелые? Легкие? – Он говорил короткими рублеными фразами, словно подталкивая меня в нужное русло.

Я вспоминала, глядя на него в упор. От напряжения закружилась голова. Я видела только темные провалы его глаз, блестевших, как... глаза зверя. «Почему зверя?» – мельком подумала я, удивляясь странному сравнению. Но липкий страх уже мешал дышать, и пробирал озноб.

– *Какон* дышал? – Резкий голос, хищный взгляд.

– Как человек после бега... – запинаясь, выдавила я.

– *Ондогонял* вас? Вам было страшно? – Вопросы падали, как камни.

– Нет! Я не боялась его. Я... смеялась!

– Вы бежали по мокрому песку... Вы не убегали... вы смеялись... Смеялись... над *ним*? Вы вошли в воду... *Онвошел* за вами?

Я задумалась. Плеск воды... холодно... Вода касается колен... щекотно... Плеск воды!

– Да, *онвошел* за мной.

– Что дальше?

– Стало страшно... Тоска и страх...

– Боль? – спрашивает Александр.

– Да! Я не могла дышать... Боль в груди... Пожалуйста! – взмолилась я. – Пожалуйста!

– *Что* вы видели в тот миг? – Он не обратил ни малейшего внимания на мой крик. – Вы видели *что-то*... Движение... прикосновение... *Что* это было?

– Ничего! Не знаю! Было темно...

– Вы дотронулись до... *Что* это было?

– Ничего! Холодно... Боль в груди...

Он рывком притянул меня к себе. Я почувствовала его губы на своих. Я оттолкнула его и закричала в отчаянии:

– Да! *Знаю!*

Он напряженно смотрел на меня. Пальцы его больно вцепились в мои плечи. Лицо его казалось пепельно-серым. Далекий фонарь вдруг замигал и погас. Стало темно.

– Я видела перстень на пальце! Массивный, почти на всю фалангу... На левой руке... Нет, на правой... Не знаю! – Я вдруг явственно увидела выпуклый перстень, сплетенный из гибких косичек черного серебра, широкий обод по краю и большой овальный черный камень, далеко выступающий за края. Я никогда не видела его раньше. Он появился перед глазами на долю секунды... мигнул в черно-белой вспышке и исчез.

– Можете нарисовать?

– Могу... наверное. Что это?

– Не знаю, – произнес он совсем другим тоном. – Из разряда вещей снов, должно быть.

Это прозвучало как шутка и не вязалось с его напряженным тоном еще мгновение назад.

– Вы верите в вещи сны? – Я чувствовала себя выжатой как лимон и трезвой. От радужного настроения не осталось и следа.

– Верь, не верь, а никуда не денешься. Это существует помимо нас. Мы выступаем всего-навсего как проводники. – Он улыбался, словно подчеркивал несерьезность своих слов.

– Кто нас выбирает? – спросила я, чувствуя, как нарастает во мне протест.

– Хотел бы я знать! – воскликнул он. – И еще не отказался бы узнать, *почему*.

Я – убежденная материалистка, кликушество мне противопоказано, у

меня аллергия на всякие предсказания судьбы, вещие сны, торопливые радиогороскопы по утрам, но Александр говорил так... Я пошарила в своем словарном запасе в поисках определения... Так *обыденно!* Именно *обыденно*. Он не убеждал меня, что *это* существует, не рассказывал страшилки. Существование *этого* разумелось само собой. Не зависело от нас. Ибо кто мы? Никто. И мой протест увял...

– Вы видели этот перстень раньше? Вы знаете, чей он? – спросила я.

Мне неинтересно, я хочу домой, под горячий душ. Я спрашиваю, чтобы поставить точку, а еще из-за приличия. Я подыгрываю ему. Мне холодно. Он снимает с себя пиджак и, не спрашивая разрешения, набрасывает его мне на плечи. От пиджака пахнетпряно и приятно.

– Не знаю, – отвечает он не сразу. – Но узнаю! Ксения... – Он снова берет меня за руку. – Все это ерунда, забудьте. Я действительно не знаю, *что это* и *как работает*. Я даже не знаю, имеет ли это смысл. Вполне вероятно, что картинка – плод вашего воображения и... ничего больше. Никакой чертовщины. Я многое видел, поверьте, в том числе такое, чего нельзя объяснить. Ведь все, что мы знаем о мире вокруг, не выходит за пределы наших пяти чувств и весьма скудно. Но о таких вещах лучше не знать... Человеческий мозг – совершенная машина, но пользоваться ею нужно согласно инструкции: не добавлять оборотов и не допускать перегрева. Понятно?

Он притянул меня к себе за лацканы собственного пиджака, прижался лбом к моему лбу и замер. Жест его напоминал ритуал. «*Мы одной крови, – словно говорил он. – Я вывернул тебя наизнанку. Я достал из тебя то, что спрятано внутри. А теперь забудь и живи дальше!*»

Я ожидала, что он снова поцелует меня, но ошиблась.

* * *

Надо ли говорить, что он опять исчез?

Когда мы наконец добрались до моего дома, дождь перестал в очередной раз. По дороге Александр предложил остановить такси, но я отказалась. Мне казалось, что я превратилась в автомат, бездумно бредущий куда-то. Александр шел рядом, мы молчали, и мне хотелось, чтобы это продолжалось вечно. Я как будто знала, что у моего дома он попрощается и уйдет.

Так и случилось. Он остановился у подъезда и сказал, что подождет

внизу, пока в моих окнах не зажжется свет. И только тогда уйдет.

– Извините меня, – сказал он. – Извините. Спокойной ночи, Ксения.

– За что?

– За неудачный вечер. Вы мне очень нравитесь.

Вот такие пироги. Он даже не попытался меня поцеловать, хотя бы дружеским поцелуем, что было уже совсем неприлично.

Я включила свет, подошла к окну. Александр, смотревший на окна, задрал голову, помахал мне рукой и пошел со двора. Я смотрела, как он уходит, и мне казалось, что я никогда больше его не увижу. Я испытывала странное беспокойство и тревогу. И, как ни странно, голод. Повторилась давешняя история – я открыла дверцу холодильника и достала всякой снеди. И это после ужина в ресторане! И недопитую бутылку вина – недели три тому назад мы со Стеллой отмечали ее гонорар. Я уминала все подряд и запивала вином. Никогда копченая колбаса, черный хлеб и огурец не казались мне такими вкусными.

Потом я постояла минут десять под душем, чувствуя, что засыпаю. Добрела до постели, рухнула и отключилась до утра. Никакие сны не тревожили меня той ночью...

Жизнь вошла в свою колею. Александр Урбан исчез. Стелла исчезла. Я была занята выше головы. Мой босс Роман с Ларисой укатили в Испанию. Оля попросила три дня отпуска – Густав пригласил ее в гости к деловым партнерам, на природу.

– Конечно, – сказала я. – Вы заслужили. Только не купайтесь в озере.

– Почему? – удивилась она.

– Вода холодная, осень на дворе.

– Ладно, не буду. Еще не осень, а лето! Ксения Валентиновна... – Она замаялась, глядя на меня счастливыми глазами.

– Все будет хорошо, – сказала я.

– Я знаю, – ответила она. – Густав такой хороший...

– Может, и замуж пойдешь?

Как-то незаметно я перешла с ней на «ты», тем самым нарушив еще одну заповедь из списка незабвенного господина Бьяготти: никакого панибратства с подчиненными.

– Замуж? Но... он ведь женат!

– Это он тебе сказал?

– Он говорил, что у него есть сын, ему четыре года. Значит, и жена...

– Оля, Густав – вдовец!

– Откуда вы знаете? – обрадовалась она.
– Мы как-то пообедали вместе. Он приезжал в прошлом году. Он тебе нравится?
– Очень! – Она вспыхнула.
– Ну, так имей в виду... И уезжать не придется, если он откроет здесь бизнес.
– Спасибо вам! – воскликнула Оля. – Я даже не думала... И ребенок! У меня, наверное, детей не будет. А тут готовый... Ксения Валентиновна, я хочу попросить... – Она снова замялась. Я выжидательно смотрела на девушку. – Можно я возьму Динку к себе? Она боится, что ее выгонят.
– Правильно боится! – подумала я. Видимо, мысль эта четко отразилась на моем лице. Дрянная девчонка.
– Пожалуйста! – Оля смотрела на меня сияющими глазами. Она была в том состоянии, когда хочется облагодетельствовать весь мир.
– Хорошо. С испытательным сроком две недели.
Мне не хотелось возвращать ее на землю, хотя я уверена, что завистливая Динка даст ей прикурить. Хотя Оля тоже не промах, пришло мне в голову. Справится.

* * *

Александра Урбана все не было. Он не появился ни в субботу, ни в воскресенье, на что я втайне надеялась. И просидела, как дура, дома. А куда деваться? Стелла загуляла с доктором Лапиным, ее домашний телефон по-прежнему не отвечал. Беда деловых женщин – одиночество, как плата за успех. И воскресная депрессия.

Урбан объявился через неделю – в пятницу. Около полуночи. Позвонил и как ни в чем не бывало сказал:

– Привет! Это ничего, что я так поздно? Если бы у вас не светились окна, я не посмел бы! Честное слово!

Он не только исчезал неожиданно, он и появлялся внезапно – падал, как снег на голову. Похоже, ему не приходит в голову, что у меня есть личная жизнь. Или... он все знает обо мне. «Колдун проклятый», – повторила я слова Стеллы. С изрядной долей восхищения. Ах ты, колдун!

Он поднялся на мой восьмой этаж через четыре минуты, не воспользовавшись лифтом. Джинсы, кроссовки, кожаная куртка – совсем мальчишка. Бросил куртку на тумбочку в прихожей и остался в тонком

синем свитере. Прошел в комнату, уселся на диван, с любопытством осмотрелся.

– Хотите кофе? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Хочу!

Я принесла поднос с кофе. Он положил себе четыре ложечки сахара, размешал. Мне стало смешно – это выглядело по-детски. Такие, как Александр, должны вести здоровый образ жизни, сидеть на диете, не курить, не пить... и так далее. Умеренность – то, с чего начинается работа над собой всякого уважающего себя экстрасенса. Экстрасенса? Тут мне пришло в голову, что я до сих пор не знаю, чем он занимается.

– В следующий раз кофе варю я сам! – вдруг сказал Александр.

Я вздрогнула и уставилась на него. Он произнес те же слова, что и неделю назад, являясь плодом моего воображения. Машинально я посмотрела на большие часы-барометр на стене. Они показывали шестнадцать минут первого. Александр перехватил мой взгляд и сказал замогильным голосом, выдвинув нижнюю челюсть, чтобы было страшнее:

– Время привидений... Вы верите в привидения, Ксения?

– Не верю! – фыркнула я. – В астральные тела тоже не верю.

– Понятно. – Он покивал. Отпил кофе. Прислушался к ощущениям, добавил еще сахару. Он не собирался ни в чем меня убеждать. Возможно, и сам не верил.

– А вы?

Он пожал плечами и рассмеялся:

– Никогда их не видел!

– Но ведь вы... – Я постеснялась сказать «экстрасенс». – Ведь вы ведете передачу... я видела. И гороскопы. Стелла говорила, вы жили на Алтае, в монастыре...

– В Непале. Знаете, Ксения, я многое видел, люди там проделывают удивительные вещи. Настолько удивительные, что они не укладываются в сознании и воспринимаются как экзотические фокусы. Не хочет наша психика принимать их знание и умение. Приемы попроще – трансы, гипнозы... вполне объяснимы. Телепатия, интуиция, телекинез... Однажды я видел, как человек двигал взглядом спичечную коробку. Только однажды! Девяносто девять самородков из ста шарлатаны, умышленно или истинно верующие в свою избранность. Туфта. Вы – случай посложнее. Ясновидение на уровне отгадки, в каком конверте синяя фишка, а в каком красная – да, встречается, хотя никто не может быть уверен, что это не случайность. Ведь берется средний результат. А средний результат не доказательство. Не существовало ни одного внятного примера

ясновидения! Хотя описаны всякие случаи, как в художественной литературе, так и околонаучной. Художественная литература, разумеется, убедительнее и интереснее. Читали «Мертвую зону» Стивена Кинга? Или Уильяма Айриша, что-то... про глаза ночи. Стивен Кинг декоративнее, Айриш – человечнее и убедительнее. Он написал о трагедии человека, наделенного даром ясновидения. В отличие от многочисленной попсы с приключениями всякого пошиба ясновидящих. – Александр замолчал.

Я тоже молчала. Я видела его здесь в воображении неделю назад, сидящего на диване, в тонком синем свитере, с чашкой кофе в руках. Он тогда сказал: «В следующий раз кофе варю я сам», а сейчас повторил те же слова наяву. Что это? Случайность?

«Господи, – подумала я невнятно, – да ведь я так хотела его видеть, так хотела... что... неудивительно!»

Мне уже не верилось, что он произнес именно эти слова.

«Забудь! – приказала я себе. – Вчера ты весь вечер искала ключи от машины... Где была твоя интуиция... или как там это называется?»

Ключи так и не нашлись, о чем я сейчас вспомнила с облегчением, так как это свидетельствовало о моей нормальности.

«Вот так, и никакого телекинеза! – сказала я себе. – Будь проще. И... молчи! Молчи, ради бога!»

Тут я поймала на себе взгляд Александра. Он наблюдал за мной со странным выражением любопытства и ожидания. Так смотрят на фокусника в цирке – что еще вытащит из рукава? Или на говорящую лошадь.

– Что? – спросила я.

– Нашли пропавшую женщину из «озерной» истории, Елену, – сказал он нарочито небрежно.

Я почувствовал укол... предчувствия?

– Где нашли? Она... жива?

– К сожалению, нет. – Он развел руками. – В озере, в одной из пещер... ее отнесло туда течением.

– Она утонула? – спросила я, хотя знала ответ.

– Нет. Ее задушили. У нее сломаны шейные позвонки. В легких вода. Ее не спрятали в воду... Ее убили в воде. Но, знаете... Ксения, мне бы не хотелось говорить об этом... в деталях.

– Кто?

– Человек с кольцом. Массивным, серебряным, с черным ониксом. Все как вы сказали. – Он рассматривал содержимое своей чашки, не глядя на меня.

– Этого не может быть... – с трудом выговорила я. – Это ведь лишь моя фантазия... Просто фантазия. Случайность. – В голосе моем появились скулящие нотки, я словно просила пощады.

Он молчал, по-прежнему не глядя на меня, и возил ложкой по салфетке, как будто рисовал.

– Почему я? – вырвалось у меня. В моем представлении ясновидящие были темными припадочными личностями с белыми бельмами заведенных под лоб глаз.

– Ксения, не бойтесь. Ничего страшного не произошло. Да и не знаю я, что сказать. Я мог бы навесить вам с умным видом, как сложен наш мозг, какие странные штуки он выкидывает, о генетической памяти, дежавю... и так далее. Но это все... треп. Я не знаю, как объяснить ваши видения... – Теперь он смотрел прямо мне в глаза. – Были ведь и другие, правда?

Я кивнула. Он не стал спрашивать. Я не стала рассказывать. В молчании он допил свой остывший кофе, поставил чашку на столик, звякнул ложечкой. Я вздрогнула.

– Это кольцо... – начала я неуверенно. – Я не могла его видеть... я просто представила себе, что у него на пальце кольцо. Может, видела где-нибудь раньше... – Мне хотелось, чтобы это проклятое кольцо оказалось случайностью.

Александр сунул руку в карман джинсов, достал маленький белый конверт и протянул мне. Внутри оказался листок из блокнота с корявым, но точным рисунком простым карандашом. Массивный перстень – знакомые переплетенные косички, ограниченные широким ободом, и овальный черный камень, выходящий за его пределы. Увы, тот самый.

– А вы? – спросила я. – Вы... кто? Гуру?

Он дернул плечом.

– Я ремесленник, Ксения. Этим я зарабатываю себе на хлеб. В известной степени я спекулирую на интересе к теме, суевериях и невежестве. Даже моде. Но я никогда не обещаю спасения или избавления. Никогда не обещаю того, чего не могу дать. Я много знаю, кое-что повидал и могу предсказывать события – в режиме «да – нет» или «чет – нечет», с попаданием в десятку в восьми случаях из десяти. У меня довольно сильно развита интуиция... которая не что иное, как анализ ситуации на подсознательном уровне, с выброшенным готовым результатом. Еще в школе я всегда знал, когда меня вызовут к доске, какая футбольная команда выигрывает, а позже – чего ждать от того или иного человека и с какой женщиной мы сойдемся. Но это ведь довольно несложно... – Он помолчал. – С лотереей сложнее. Я выигрывал раз десять, что есть

отличный результат. Потом бросил. Даже не могу объяснить, почему. Выигрыш в лотерею не объяснишь наличием жизненного опыта или везением, правда? Мне кажется, это сродни ясновидению в какой-то из его вариаций.

Он встал с дивана, подошел к окну, выглянул на улицу. Длинный, тонкий, поразительно красивый... даже не красивый, а значительный. Внезапно я подумала с ревностью о том, что у него было много женщин... было и есть... И о том, что он любил Стеллу...

– Вы провели на озере около двух часов, Ксения, – произнес он от окна, где стоял, опираясь спиной о стену. – Вы сидели на песке, нюхали желтый цветок, рассматривали следы на берегу – и выдали результат. Вы увидели картинку! То, что никогда не удавалось мне. Умению видеть не учат ни в тибетских или индийских школах, ни в древних трактатах. Это или дано, или нет.

– Но ведь есть всякие техники... Эти люди, шаманы или экстрасенсы, впадают в... состояния... – слабо возразила я, лишь бы не молчать, стремясь погасить горечь, которая звучала в его словах.

– Техники... – повторил он. – Техники лишь помогают, это резонаторы, усиливающие звук, но они – не сам звук. Галлюциногены, наркотики, ритмическая музыка, барабанный стук, мантры, даже запахи, даже крепкий кофе, струи воды... – все это помогает вытащить *то, что есть*, что заложено... Есть и другие техники, но они слишком большая экзотика для европейца, а потому недоступны нам. У нас не хватает ни терпения, ни умения отречься от удобств ради идеи и высшего смысла. Да и какой высший смысл в нашей сиюминутности...

– Вы хотите сказать, что это награда за что-то? За какие-то заслуги? За понимание высшего смысла и отречение?

– Я и сам не знаю, что хочу сказать...

– Но ведь я... За что это мне?

– Не знаю! Вы – человек, который нашел золотую монету. Почему вы, а не кто-нибудь, кому она нужнее? Например, бедная вдова, обремененная детьми? И не спрашивайте, что это – случай или предназначение? Не дано узнать.

– И что же теперь?

– Теперь? – Он усмехнулся. – Теперь я пойду на кухню и сварю кофе. Вы предвидели такой поворот сюжета?

Я не ответила. Мне не хотелось говорить ему, что предвидела, причем еще неделю назад. Зачем его расстраивать?

Глава 13

Что?

(окончание)

Он действительно умел варить кофе. Его кофе можно смело отнести к разряду техник, вызывающих... что-нибудь... Да что угодно! Меня влекло к нему даже без кофе. Со страшной силой, и трудно сказать, использовал ли он для этого специальную технику. Разве что исчезал внезапно. Смотрел так, что мороз по коже. Привораживал. Приворожил. Я старалась не думать о Стелле и ее словах...

И опять он положил себе четыре ложечки сахара, и мне стало смешно.

– Чей это перстень? – спросила я неожиданно для себя.

– Одного из троих. Их было четверо – две пары, помните?

– Одного из троих? – переспросила я, испытывая странное чувство нереальности. – Но... почему? Кто?

– Кто? – Он испытующе смотрел на меня, в его глазах светился азарт, даже ноздри раздулись. – Вычислите убийцу, Ксения! Пройдите эту дорогу до конца.

– Как?

– Я расскажу вам об их характерах и сложных взаимоотношениях, а вы сделайте вывод. Поиграем в «найди убийцу». Согласны?

Я кивнула.

– Итак, слушайте, – начал он значительно и замолчал, гипнотизируя меня взглядом. Решив, что я наконец прониклась важностью задачи, он продолжил: – Номер один – муж. Простоватый парень из предместья. Неброская внешность. Не дурак выпить и приударить за женщиной, в меру драчлив. Хорошая голова, отличные организаторские способности, предприимчив. Сильный характер и никаких химер совести. Плюс фарт. Жертва – его вторая жена, молодая, яркая, веселая женщина. Он ее очень любил и очень ревновал. Ради нее оставил жену с двумя детьми.

Александр говорил неторопливо, ровным монотонным голосом, абсолютно без интонаций. Как мантру читал.

– Персонаж номер два. Деловой партнер и друг. Их связывает школьная дружба. Интеллектуал. Тоже из предместья, но из образованной семьи. Чувствует свое превосходство, чего стыдится и тщательно скрывает; завидует – сам он вряд ли решится расстаться с женой, так как трусоват и

ленив. Завидует другу, но в меру, без надрыва.

Номер три: его жена. Красивая большая женщина. Из тех, что коня остановят и в избу войдут. Верная жена, прекрасная мать. Если бы с мужем случилось несчастье, она безропотно несла бы все невзгоды. Замечательный характер для экстремальных ситуаций: верная, преданная, нестибаемая. Надежный тыл. Для неэкстремальных – тяжеловесна, вроде камня, привязанного к ноге. Упряма, обидчива, не умеет прощать. Категорична.

Номер четыре: жертва. Легкомысленна, ветрена. Работала моделькой в «Регине». Хозяйка заведения как-то взяла ее с собой в банк, куда направлялась за ссудой. В качестве тяжелой артиллерии. Там она и познакомилась с будущим мужем. Все говорят, что жили они хорошо. Она сразу же бросила работу и стала швырять деньги на ветер. Дом вела экономка. Характер далеко не простой, судя по рассказам. Жена друга, та самая тяжеловесная красавица, ее не особенно жаловала, но Елена – так звали жертву – тем не менее всячески старалась с ней подружиться, словно игру затеяла, словно дразнила. Была у нее такая сомнительная манера – поддразнивать, издеваться. Девушки из Дома моделей ее не любили. Но женская любовь в данном случае... сами понимаете, не показатель. Ей завидовали. Девушки уверены, что она не любила мужа и вышла замуж по расчету. – Александр замолчал, с улыбкой глядя на меня. – Такой вот расклад, Ксения, имел место быть на момент убийства. У вас все козыри в руках, а кроме того, паранормальные способности. Включитесь и возьмите преступника тепленьким. Можете задавать дополнительные вопросы.

Мне требовались дополнительные данные. Я уже знала, кто убийца!

– Неужели? – Александр с жадным любопытством вглядывался в мое лицо: так рассматривают диковинного жука, залетевшего в окно на свет лампы. – Кто?

«Так я тебе и сказала! А ритуал? А шаманство? А клубы тумана?» Я молчала, глядя на него в упор, без улыбки, серьезно, даже мрачно. Удивительно, но судьба жертвы меня не тронула. Я рассматривала историю убийства абстрактно, как загадку, которую нужно отгадать, не более. Как игру, в которой участники не живые люди, а разноцветные пластиковые человечки. У господина Бьяготти имелась такая. Он отдавался ей самозабвенно. Там были сложные описания действующих лиц, их связей и местонахождения во время убийства – алиби. Он прекрасно запоминал, кто где находился, куда передвигался и когда. Пытался приобщить и вашу покорную слугу, но меня игра не заинтересовала. Я считала себя слишком рациональной, чтобы заниматься такой ерундой. Типичная мужская

игрушка, вроде рыбалки или коллекционирования антиквариата с прочесыванием грязных лавок старьевщиков. Господин Бьяготти как-то раз взял меня в поход по таким лавкам...

Удивительное дело, пришло мне в голову, в последнее время я вспоминаю господина Бьяготти слишком часто. Он как-то сказал мне: «*Вы, Ксения, не знаете себя... Вы – моя спящая красавица! Как бы я хотел посмотреть на вас, когда вы проснетесь*». Ему удалось меня смутить – я тогда думала, что он имел в виду: «проснетесь в моей постели», что вполне соответствовало его репутации. А что, если он подразумевал совсем другое?

Александр не сводил с меня взгляда, и мне вдруг показалось, что он читает мои мысли. Стелла говорила, что он колдун. Стелла... Он шевельнулся – протянул руку и взял чашку, в которой уже не осталось кофе. Подержал немного и поставил назад. Я чувствовала его нетерпение, но не торопилась, испытывая мстительное чувство удовольствия. Это была месть, не совсем осознанная, за его исчезновения, которые задевали меня больше, чем хотелось. За то, что он даже не пытался... как всякий другой на его месте...

Александр вдруг усмехнулся. Неужели действительно читает мысли? Поднялся с дивана и вышел. Взял ситуацию в свои руки. Я слышала, как он наливал воду в кофейник, звякал посудой. Мне казалось, меня щелкнули по носу. Колдун проклятый!

Он вернулся минут через десять с новой чашкой кофе. Поставил передо мной. Принес вторую для себя. Повторил манипуляции с сахаром. Четыре ложки! На меня он больше не смотрел. Были в этом некая нарочитость и ирония – он принял мою игру. И словно говорил: ну что ж, давай поиграем! Установим раз и навсегда, кто есть кто.

Я сдалась первой.

– Александр! – позвала я, и он посмотрел на меня. Его взгляд перевернул мне душу. – Это... *женщина*.

– Откуда вы знаете? – потребовал он.

– Из ваших слов о том, что молодая женщина любила поддразнивать. В моем сне *она*... то есть *я*... звала кого-то за собой и смеялась... И когда вы сказали об этом, я поняла, что испытала тогда. Торжество, злую радость, чувство превосходства. Такое не испытывают к мужчине. Такое испытывают к женщине, у которой уведут мужа. Есть разряд женщин, чувствующих при этом подлую радость. Я думаю, молодая женщина и друг мужа были любовниками. Или собирались ими стать. Она соблазняла его на глазах жены.

Я замолчала. Молчал и Александр.

– И еще... маленькая техническая деталь! – вспомнила я. – Телефонный звонок. Помните, вы говорили, что Елена якобы позвонила мужу и назвала его по имени... спустя пару дней после исчезновения. Звонила женщина, которой могла быть только жена друга. То, что он принял ее за Елену, естественно в его состоянии. Кроме того, это говорит о его невинности. Он надеялся, что она жива. Хотя у него имелась причина убить жену. Я думаю, он догадывался... или знал. Что-то произошло в лесу в тот последний вечер...

Александр кивнул:

– Он видел, как его жена и друг целовались... А зачем та, вторая, позвонила, как, по-вашему?

– Это был поступок на уровне подсознания. Охотник-язычник съедает сердце врага, чтобы принять в себя его силу и хитрость. Она позвонила, зная, что ее примут за убитую женщину. Она знала об отношениях собственного мужа и жертвы. Она убила не соперницу, она казнила преступницу и нисколько в этом не раскаивалась. Что соответствует ее характеру. Вы ее описали очень красочно...

– Все верно, – отозвался он задумчиво. – Помните, я сказал, что они все лгут. Или умалчивают, что, собственно, одно и то же. Мы с самого начала ставили на мужа... Такие «домашние» преступления совершаются, как правило, членами семьи. Потом на друга – после его признания, что они были любовниками. Более того, Елена дразнила и его тоже – говорила, что все расскажет жене. Он ее боялся. Чем не мотив?

Жена друга-интеллектуала была вне подозрений. По его словам, она ни о чем не догадывалась. Это тоже в ее характере: носить все в себе, не закатывать мужу сцен ревности, а потом ударить. Она прекрасно держалась на допросах, не скрывала, что не любила жертву. Она почти не лгала... Ну, разве только чуть-чуть настораживало ее хладнокровие. Хотя бы ради приличий ей следовало выразить сочувствие. Она допустила лишь одну фальшивую ноту, когда сказала, что, возможно, Елена заигралась, как и в прошлый раз, когда пряталась на даче. Я почувствовал что-то... совсем маленький диссонанс – она не верила в то, что говорит. Но, в общем, ей удалось обмануть меня... со всей моей интуицией. Она бы и полиграф прошла, не споткнувшись. И тут вы...

– Кто вы, Ксения? – спросил он после продолжительного молчания, и я вздрогнула. – Кто ваши родители? Как вы учились в школе? Где росли?

Я пожала плечами. Обида на него все глубже пускала корни. Он

приходил ко мне не ради меня самой. Он приходил задать вопрос и получить ответ. Он понял, что я обиделась, и взял мою руку, прижал к своему лицу. Я чувствовала, как дрогнули его губы – он целовал мне ладонь. Сердце колотилось в горле, колени дрожали. Неужели он ничего не чувствует? Он потерся щекой о мою руку. Легко поднялся с дивана:

– Мне пора. Вам нужно хоть немного поспать.

Часы показывали три утра.

В прихожей, испытывая отчаяние, я спросила:

– Почему?

Он сказал, глядя на меня в упор:

– Вы мне очень нравитесь, Ксения. Но я не готов принять на себя вашу карму.

Мне показалось, я ослышалась. Карму? Он сказал «карму»? При чем тут моя карма?

Александр положил руку на мое плечо и сразу убрал. Дверь за ним захлопнулась. Некоторое время я слышала его быстрые шаги – он убежал вниз по лестнице, не подумав вызвать лифт.

Он снова исчез.

– Ну и черт с тобой! – яростно бормотала я, запирая замки. – Пошел вон! Карма! Надо же! Как все просто – не готов, и все! Что не так с моей кармой? При чем тут вообще карма? Что тебе до нее?

Я лежала без сна в раскаленной постели. Какой сон на рассвете после трех чашек кофе и будоражащего присутствия Александра? Мне казалось, я схожу с ума. Мне чудилось, Александр рядом, стоит протянуть руку, и я почувствую ладонью его губы и теплое дыхание. Я переворачивала подушку, сбрасывала одеяло, открывала окно, ходила босиком по полу, пила холодную воду прямо из-под крана. И с трудом подавляла желание позвонить ему и... закричать:

– Я тебя ненавижу, Александр Урбан! Убирайся вон из моей жизни!

Я начинала понимать Стеллу...

Унижение, желание, обида и три чашки кофе! Гремучая смесь.

Часы пробили пять. В комнате уже серели утренние сумерки.

Последний раз я находилась в таком же состоянии полнейшей раздолбанности, унижения и обиды, будучи семи лет от роду, когда соседка тетя Катя сказала бабушке, что я взяла серебряную монетку-чешуйку Ивана Грозного из коллекции ее мужа. Она не произнесла «украла», но это прозвучало так же. Она добавила деликатно:

– Когда Ксенечка наиграется, пусть занесет. Петруша волнуется.

Петруша был ее муж, отставной военный доктор, сбрендивший на

старинных монетах и медалях. Я до сих пор помню свое отчаяние...

Бабушка сказала тогда:

– Ксения не брала, посмотрите около стола.

Там они ее и нашли. Крошечная, как рыбья чешуйка, серебряная монетка лежала на светлом ковре, абсолютно невидимая.

Бабушка! Меня словно толкнули...

Глава 14

Всякие мысли о жизни, не имеющие особого практического значения, а также воспоминания

В жизни больше чертовщины, чем принято думать. Если, конечно, называть чертовщиной все необъяснимое, что случается сплошь и рядом, хотя термин этот слишком специфичен и вызывает предположения, что это необъяснимое связано с врагом человеческим, что далеко не так. Всюду присутствуют знаки, омены, индикации ... *чего-то*, но читать их правильно умеют немногие. Зачесался правый глаз, или нос, или зазвенело в ухе – когда-то люди знали, *что* все это значит, причем не из книжек, которых нынче развелось, как грибов-поганок в сыром подвале, а от родной бабушки. Человек отрывается все больше от знания, накопленного поколениями, он перестал бояться черных кошек и не знает, что значит, когда божья коровка пикирует на ладонь и начинает разгуливать по ней. А ведь что-нибудь это да значит! Некий тайный знак. Почему из невероятного количества людей божья коровка выбрала именно этого человека, ничем не примечательного? Что она хочет этим сказать? О чем предупредить? Красный тревожный фонарик словно кричит: «Берегись! Не вздумай...» Что «*не вздумай*»?

Или, наоборот, предвещает радостное известие. Какое? Увы, уже неизвестно. Знание утеряно и растворилось в небытии. А в итоге – стрессы, необоснованные тревоги, неврозы, экологические катастрофы и приступы немотивированной агрессии.

Например, села бы эта божья коровка на руку мужчины в очереди за дешевой водкой. Посмотрел бы он на красного кругло-выпуклого жучка, и перед его мысленным взором проплыло бы видение маленького пухлощекоего мальчика в белой панамке – его самого в далеком прошлом. И шевельнулось бы что-то в его отвердевшей душе, и немедленно захотелось бы ему перемен в постылой жизни, и показалось бы, что еще не поздно, еще заметен след и стоит только... Но, увы! Нет жучка. Не сядет он на его проспиртованную корявую руку, вызывая видение пухлощекоего мальчика, у которого впереди жизнь прекрасная и удивительная. Да и повывелись, поди, божьи коровки, мальтийские стрекозы, майские жуки, гигантские

лягушки-быки и маленькие летающие паучки, приносящие добрые вести, и многие другие дети плодovитой матери-природы. Боролись-боролись за выживание, а потом сложили крылышки, лапки и ножки и тихо отошли в небытие.

Только и осталось от старого знания – кошка умывается к гостям, а незваный гость хуже татарина. Или красный закат солнца – к ветреному дню. Много снега зимой – к жаркому лету. Жалкие остатки народной мудрости. Нет, есть, разумеется, всякие книжки с приметами и все такое. Все или почти все собрано, связано воедино, разъяснено... как там? Мене, текел, фарес! Но назовите хоть одного человека, кто всосал это с материнским молоком!

А уж экстрасенсов развелось! Раньше различали и ведьму прирожденную, и ведьму ученую, и чародейку, и знахарку, и колдунью, и мольфарку, и босорку, и ведьмака, и кублу, и шептуху, и ясновидящих, а сейчас вместо жесткой и четкой эзотерической табели о рангах – обезличенная синтетическая кличка «экстрасенс». Даже курсы экстрасенсов существуют: двухмесячные для начинающих и продвинутые, подороже, для отличников. Как будто этому можно научиться – достаточно не пропускать лекции и семинары и старательно конспектировать, а диплом потом повесить на стену. Кроме того, не забыть дать объявление в газету, что-нибудь вроде: «Черная Магда, ясновидящая, помогает в любви, болезнях, снимает порчу, а также по бизнесу». Или купить себе экранное время...

Нет, я не хочу ничего сказать, наверное, они существуют... эти люди. Но они как алмаз, как жемчужина в куче мусора.

«Ведьма» – это модно, это супер. В светских гостиных ведьма первый гость. Хозяйка говорит гостям, понижая голос: «Марта – экстрасенс. Настоящая, потомственная белая ведьма. Мощный дар, вы не поверите, помогла Поплавским... с сыном... Ну, вы помните, конечно, ту историю...»

Всякие сатанинские кружки организуются, шабаши проводятся. Реклама в средствах массовой информации кричит о шабаше в Вальпургиеву ночь и на Ивана Купалу, о шествиях, сборищах, конференциях, форумах и фестивалях ведьм. Шум лишает их ореола тайны, превращая дар (у кого он есть, разумеется) в хобби или бизнес, равно как и любовь нынче превратилась в голый секс. Ну да ладно...

Бабушка разбиралась в травах, грибах и ягодах. А еще она иногда угадывала будущее. Она, например, знала, что соседского парня Васю убьют на войне – той, афганской. И не пошла на его свадьбу, сославшись на

приступ радикулита. Я была совсем маленькая, но поняла, что бабушка обманула всех. И вдруг меня что-то словно толкнуло. «Бабушка, – спрашиваю, – а Ваську на войне убьют?» – «Типун тебе на язык! – замахала она руками. – Что ты мелешь, глупая?»

Свадьбу играли в июле, а в сентябре его убили. Тетя Аня кричала, не переставая, три дня. Молодая жена сидела потухшая, сложив руки на коленях. Бабушка сказала: «Убили сокола...»

Бабушка прошла войну. Она медсестрой ездила за фронтом в санитарном поезде, подбирала раненых. На крышах вагонов были нарисованы громадные красные кресты, специально для авиации. Немцы бомбили санитарные вагоны с красными крестами, презирая женевские конвенции девятнадцатого года. Человеческое сообщество придумало конвенции о правилах ведения войн, обращении с военнопленными и гражданским населением в зонах конфликта, но не создало ни одного серьезного документа, запрещающего войну. Видимо, понимая его бесполезность или полагая, что войны нужны. Когда налетали, завывая, немецкие самолеты, поезд останавливался. Из него, матерясь, ковыляя и прыгая на одной ноге, цепляясь за поручни и ступеньки, помогая себе костылями, выбирались ходячие раненые. Санитары и врачи тащили лежачих. Бабушка забивалась под первый попавшийся куст, прикрывая голову руками, вращая в землю. Каждая бомба, со свистом рассекая воздух, летела прямо на нее. Об этом вспоминает всякий, кто попадал в бомбежку, – каждая бомба летит на тебя, и нет спасения. На войне как на войне, там убивают. Но бомбить санитарные поезда – последнее дело. Этого бабушка не простила немцам и не забыла. На войне погиб ее муж, первый, с которым она и не жила почти, и два брата. Один под Харьковом, другой – при бомбежке военного аэродрома под Москвой. Он был летчиком-инструктором, войны и не нюхал. «Судьба», – говорила бабушка. Бабушка не верила в бога. Ни в бога, ни в черта. А только в судьбу.

Я не знаю, где моя мать. Я не помню ее, а бабушка никогда о ней не говорила. На вопросы соседок кратко отвечала: «На Севере с мужем». Как я понимаю, если моя мать действительно существовала, то ее «северный муж» вовсе мне не отец. Я не помню, чтобы предпринимались какие-то попытки забрать меня у бабушки, какой-то шум по этому поводу. Не было попыток. Я всегда жила с бабушкой, никогда не задумываясь о той, что меня родила, и, видимо, была ей совсем не нужна.

Детство мое можно считать безоблачным. Вместе со звонкой дворовой детворой я бегала босиком под теплыми струями короткого летнего дождя, дралась, влюблялась, лазила по деревьям, шила платья куклам. И еще

собирала травы с бабушкой. Мы сушили их, подвешивая пучками на веревках, протянутых на кухне и в комнате – на дверях, люстре, по стенам. У нас была одна большая комната. Вороха трав лежали на подоконнике и на простыне, расстеленной на полу. Густой травяной дух, такой сильный, что трудно было дышать, стоял тогда в квартире, несмотря на открытые настежь окна. Мята, мелисса, чабрец, тысячелистник, шалфей, крапива, дикая мальва, пижма...

Сначала мы жили втроем. Дедушку я помню, конечно, но не очень – так, всплывают какие-то картинки, не связанные с остальным в одно целое. Он умер, когда мне было девять. Дедушка сидел у стола, читал газету или смотрел телевизор, всегда только новости. Или медленно гулял по двору в форменной фуражке, заложив руки за спину. Рядом, на другом стуле, сидел его друг Петя – большой яркий петух, дедов любимец. Когда дед вставал на минутку со своего места, воды попить или еще куда-нибудь, Петя тут же плюхался на плоскую синюю подушечку, хранящую дедово тепло, распускал крылья и закатывал глаза от удовольствия. Дед возвращался и, умиленный, говорил Пете: «Ах, ты ж мастачок!» Что такое «мастачок», я не знала. И никогда больше не слышала этого слова ни от кого другого. Потом дед звал бабушку. «Маня! – кричал он. – Иди сюда! Ну, ты посмотри, что делает! Забери, мне еще газету читать!» И стоял и ждал, пока не придет бабушка и не спихнет Петю со стула. Поэтому Петя ее боялся и не любил, а деда обожал. Хотя бабушка его кормила.

Дед был железнодорожником, проездил всю жизнь в поездах дальнего следования главным кондуктором, кажется, даже бывал за границей. Человек буквы, коммунист, из тех, старых, настоящих, а не карьеристов, абсолютно беспомощный в домашних делах. Разогреть суп или картошку для него было непосильной задачей, и он скорее помер бы с голоду, чем стал возиться с кастрюлями.

Да, травы... Мы уходили в лес, за водокачку. Давно, еще до переезда в город. Там было три озера – одно большое и два поменьше. И нетронутое луговое разнотравье, разомлевшее от солнца, и жужжание пчел, и стремительные виражи стрекоз. И бочажки с пульсирующими родниками – от их ледяной воды ломило зубы. Мы набирали воду в погнутую солдатскую фляжку, она быстро нагревалась и пахла железом.

Бабушка рассказывала о травах и цветах.

– Вот смотри, – говорила она, нагибаясь и срывая какой-нибудь листок. – Это будра плющевидная. Видишь, листочек круглый, растет низенько, при земле, и цветочки сиреневые, маленькие. – Она растирала листок в пальцах, подносила к моему носу. – Пахнет! Слышишь, как

пахнет?

– А от чего она? – спрашивала я.

– От судорог, – отвечала бабушка. – От астмы, при удушьях, от сглаза и дурных снов. А это полынь... узкие листики, светлые внутри, видишь, как цветет? Сильно пахнет, попробуй... и горькая. От сглаза. Еще от моли. Нужно брать с собой в дорогу – на удачу. Можно настаивать водку, хорошо помогает при простуде. А вот еще... дикая мальва, видишь, совсем выгорела на солнце, стала почти белая... Ее еще называют мыльнянка, потому что корешки у нее скользкие, как будто мыльные. Лечит язву желудка и внутренние хворобы, только терпение нужно. И снимает сглаз. Травы любят терпеливых и спокойных. А это, видишь, прямо дерево – дудник!

Полый внутри, звонкий, наполненный воздухом дудник был выше меня ростом и радостно цвел белыми благоуханными крупными соцветиями – кашкой, – свободно раскинувшись в пространстве.

– Царь-травя! Любую порчу снимет, – говорила бабушка.

– Что такое порча? – спрашивала я.

– Злоба, навет, зависть, – отвечала она.

У самой башни водокачки торчало желтым маяком мое любимое растение – коровяк. Высокий, мощный, с толстым стеблем, с благородно-серебристыми, несмотря на неблагозвучное название, мягкими, словно бархат или мелкий мех, узкими листьями. Его венчала крупная кисточка ярко-желтых цветов, а на самом верху качалась пирамидка еще не распутившихся бутонов. Я вставала на цыпочки, пригибала упругий стебель коровяка, утыкала нос в желтые цветы и с шумом втягивала в себя воздух.

Если смешать высушенный и истолченный стебель его с нутряным салом и сделать свечку, говорила бабушка, то ни одна ведьма не подойдет ближе чем на сто метров. Ни бабушка, ни я тем более не знали, что в Италии коровяк называется «зажженной свечой Господа». Об этом я позже, совершенно случайно, прочитала в какой-то книжке...

Поближе к воде, где стояла полутень от зарослей лозы, высились ровные высокие стебли богородицной травы с розовыми хрупкими кисточками цветов...

* * *

Бабушка умерла, когда мне исполнилось двадцать три. Ровно десять лет назад. Умерла легко, во сне. Сейчас я думаю, что она предчувствовала смерть – за несколько дней все перебирала бумажки в ящиках стола, всякие расчетные книжки, письма, открытки. Рано ложилась. Я в своем молодом эгоизме не придала этому значения.

– Сядь! – позвала как-то вечером бабушка. Взяла мою руку, долго молча смотрела на меня темно-серыми, почти черными, глазами.

– Бабулечка, что? – Я почувствовала неладное. – Что с тобой?

– Сядь, – повторила она, хотя я уже сидела у кровати, придвинув стул. – Ничего не бойся.

Я подумала, что она заговаривается, и ощутила укол неосознанного страха.

– Не бойся, – повторила бабушка. – Бог не без милости. Никогда никому не говори... Забудь!

– О чем, бабушка?

– Ты поймешь... потом. А может, никогда. Оно и к лучшему. Никому не показывай и не рассказывай... всегда будь как все. Как все. Ни слабости, ни страха. Главное, молчи и не вмешивайся. И помни – ты такая же, как все...

– А разве я не такая? – спросила я наивно.

– Нет, – ответила бабушка кратко. – И Таня была не такая...

Таня – так звали маму. Я пожала плечами – никаких особенных достоинств я за собой не замечала. Бабушка усмехнулась, словно прочитав мои мысли.

– Дай Бог, чтобы и не узнала... Всем будет спокойнее. Главное, подумай хорошенько, прежде чем... – она замолчала.

– Чем... что? – спросила я, озадаченная. Правда, самую малость. Меня ожидали девочки, мы собирались в кино.

– Ничего, – ответила бабушка. – Узнаешь, когда придет время. Обещаешь подумать?

– Обещаю, – ответила я. – Бабуля, хочешь, я останусь?

– Иди! – Бабушка оттолкнула мою руку и засмеялась. – Глупая... Не гуляй поздно!

Когда я вернулась, она спала. Я слышала ее ровное дыхание. Этот звук наполнил меня чувством теплой радости – дом, бабушка, все хорошо... думала я невнятно, уже засыпая. Не столько думала, сколько чувствовала...

Я сидела на кровати, запустив пальцы в волосы. Воспоминания нахлынули на меня лавиной. Я вспоминала всякие мелочи, детали, слова,

жесты, интонации, то, о чем никогда раньше не вспоминала, что лежало в нафталине на дне старого сундука памяти.

«Молчи! – сказала бабушка. – Молчи и не вмешивайся! Обещаешь подумать?» – просила она.

Бабушка была красивая, вдруг подумала я с удивлением. Я поняла это только сейчас. Небольшая, быстрая, сероглазая, с прекрасными каштановыми волосами. Первая седина в бабушкиных волосах появилась, когда ей было около шестидесяти. Тогда же она остриглась под скобку – ей стало трудно управляться с косой. А мама? Удивительное дело, я никогда не думала о ней. Моей семьей была бабушка, и я принимала это как данность. Среди ее бумаг не осталось ни письма от мамы, ни фотографии. Ничего. Как будто меня принес аист или нашли в капусте. Бабушка словно оберегала меня от чего-то. Неужели знала?

«Подумай, молчи, не вмешивайся!» *Заклинание*, взломанное проклятым колдуном.

«Лучше бы я его не встречала!» – таков был неутешительный вывод моего ночного бдения. То же самое, кажется, говорила и Стелла...

У бабушки был дар, поняла я внезапно, по-новому осмысливая события детства. И она скрывала свой дар. Она боялась прослыть другой, отбиться от стаи, так как не обладала для этого достаточно сильным характером. Редкому человеку удастся подавить в себе стадный инстинкт, повернуться спиной к людям и остаться одному. Да и люди при нужде умоляют помочь, а потом за спиной скрещивают пальцы от сглаза и шепчут: «Ведьма проклятая, тьфу, тьфу, тьфу!» И, упаси Бог, приключится что поблизости – упадет ли пьяный сосед с лестницы и разобьется, ограбят ли квартиру на лестничной площадке рядом, заболеет ли на ровном месте злостная подъездная сплетница, обругавшая накануне ее «ведьмой проклятой», – все сыплется на нее, хоть из дома беги...

Кофе в то утро я не пила вовсе. Я даже думать не могла о нем без отвращения. Молоко и черный хлеб с медом – любимая еда, которой я себя не часто балую. Как правило, довольствуюсь кофе и овсянкой.

В семь я была уже на работе. Радостного чувства нетерпения от предстоящего бесконечного трудового дня я не испытывала. Жизнь моя перевернулась, и уверенность в завтрашнем дне сменилась чувством тревоги и ожиданием дурных вестей. Я не узнавала себя! От моей жизненной позиции сильного и жесткого человека почти ничего не осталось. Разве что память. Бесцельно бродившая по пустым комнатам женщина была не победительницей, а побежденной... Я мысленно спрашивала бабушку – ты знала? Ты об этом предупредила? Что же

теперь мне делать?

Я вспоминала господина Бьяготти и его слова о спящей красавице. Я вспоминала десятки случаев своей правоты, когда судила о людях или принимала решения. Я поняла, о чем говорил Александр: я тоже знала результат заранее, только не отдавала себе в этом отчета. Я думала, что срабатывает интеллект, жизненный опыт... просто везение. А тут было другое. И бесполезно пытаться понять что. А теперь появились еще и картинки... Как будто бы недостаточно того, что уже было...

И робкая надежда теплилась – а может, это пройдет? Как насморк? Если я не хочу этого подарка, то его должны забрать назад... И слава богу!

Глава 15

Снова Александр Урбан

Во второй половине дня позвонил незнакомый человек, представился оперативным работником Николаем Алексеевичем Астаховым и попросил о встрече. Я спросила, почему не вызвали повесткой. Он долго и душевно смеялся, потом сказал, что это будет не допрос, а неофициальная встреча в домашней обстановке, так сказать. Я спросила, в чьей. Он не понял. Я переспросила, в чьей домашней обстановке. Он снова долго смеялся. Он хотел казаться нестрашным, как Бармалей, все время повторявший: «Я хороший».

Мы договорились встретиться в четыре в небольшом кафе неподалеку от моего офиса. Я узнала его сразу по цепкому взгляду и фальшивой улыбке. Губы оперативного работника улыбались, а глаза лезли в душу.

– Ксения Валентиновна, спасибо, что пришли, – произнес он сердечно, улыбаясь до ушей и протягивая мне руку – на, мол, смотри, открытая ладонь, без тайного кинжала. – Много слышал о вас от Александра Урбана. Мы с ним дружим много лет. Он нам здорово помогает.

Интересно, он слышит себя со стороны? Хоть иногда? Наверное, нет. Иначе его стошнило бы от собственной фальши. Добрый следователь, ха! Для полноты антуража не хватало антипода. Самое ужасное, что я тоже улыбалась. И моя улыбка была такой же фальшивой. Он, разумеется, не дурак и видит меня насквозь. Два неглупых человека, встретившись впервые в жизни, дурачат друг друга без всякой на то надобности, следуя дурацким, придуманным неизвестно кем стереотипам.

Он предложил кофе, я с отвращением отказалась.

Мы пили холодную минеральную воду. Он бросал на меня испытующие взгляды. Потом перешел к делу. Его интересовало, в каких отношениях я с этими людьми – с четырьмя участниками драмы на озере. Я ухмыльнулась внутренне: он не спросил, знакома ли я с ними, как будто это разумелось само собой. Такой оперативный прием. Я не знаю, как помогал им Александр Урбан, но ни в какие сверхъестественные примочки они не верили. Служба такая. А потому он хотел знать правду. Что там произошло с этим перстнем, где я видела его раньше... То есть убийца уже у них в руках, есть признание. Все чин чинарем. Но перстень не давал ему покоя. Потому что именно перстень подтолкнул их к раскрытию преступления. Нет, они бы и сами раскрыли его, без дураков, ну, может, не так быстро...

Мой сон был как прыжок через формальности, новые допросы, обыски, изучение местности, опрос родственников и знакомых. Я сэкономила им массу времени. И он хотел знать, как это у меня получилось. Точка.

Я ответила, как в анкете: нет, не была, не числилась, понятия не имею. Не видела раньше. Не привлекалась.

Он, конечно, не поверил. На лице его читался здоровый скепсис. А сон? – спросил он. Да, признала я, был сон. Во сне я увидела перстень и нарисовала его по просьбе Александра Урбана. Никогда ничего подобного раньше со мной не случалось. Никогда не выигрываю в лотерею. Так как никогда не покупаю лотерейные билеты, прибавила я мысленно. Головными болями не страдаю. На память не жалуясь. Много работаю и вообще веду здоровый образ жизни. Не колюсь, не пью, не курю.

Тогда он спросил, как я сама расцениваю то, что произошло. Я честно ответила, что никак. То есть сначала я удивилась, а теперь уже вроде как привыкла и даже не вспоминаю. Мало ли на свете необъяснимых вещей. На его лице было написано, что он для того и несет службу, чтобы их стало как можно меньше. Случайность, сказала я. Просто совпадение, и больше ничего.

Говорить было не о чем, и мы замолчали, не глядя друг на друга. Он испытывал неловкость homo sapiens, которому впаривают про всякие чудеса, а он по долгу службы задает вопросы, зная наперед, что его дурачат.

Мы расстались не вполне довольные друг другом. Ему не удалось расколоть меня. А я раскаивалась в том, что согласилась на встречу. Я чувствовала себя в шкуре человека, который говорит правду, а ему не верят. И ничего не попишешь. У оперативника своя правда, у меня своя. Причем странноватая, необходимо заметить. И никогда им не сойтись...

Я вернулась на работу. Он проводил меня до двери. Невольно я поймала себя на мысли, что толкую в «полицейском» смысле любое его слово или жест. И проводил он меня не потому, что ему это приятно, а потому, что думал, может, я расслаблюсь и ляпну что-нибудь по дороге... Во всяком случае, я так решила.

На прощание он посверлил меня подозрительным взглядом, задержал в ладони мою руку и со значением произнес: «До свидания». И мне стало ясно – свидание не за горами. Это была прикидка, как у спортсменов, а соревнование впереди.

В тот день я засиделась на работе допоздна, смутно надеясь, что меня будут искать. Что Александр Урбан будет меня искать. Ведь не может же он не знать, что его друг виделся со мной. Но телефон молчал. И домашняя телефонная почта оказалась пуста – домой мне тоже никто не звонил.

Я набрала номер Стеллы, озверевая от пустоты вокруг, но у нее никто не ответил. Ее опять не было дома, а мобильник, видимо, давно разрядился. Стелла и доктор Лапин все еще не могли оторваться друг от друга.

Прошел день, другой. Ожидание, надежда и апатия переплетались в причудливых синусоидах, то падая, то взмывая кверху. Я находила десятки объяснений тому, почему он не звонит. Внезапная командировка, новое преступление, любимая женщина, курсы повышения квалификации для магов и волшебников. Я смотрела его передачи. Они были довольно серые, но, в конце концов, этот способ зарабатывать на хлеб ничуть не хуже любого другого. И вопросы ему задали дурацкие: про барабашек, полтергейст, сглаз и так далее. Какой-то сон разума! Он, не скрывая скуки, отвечал. Я жадно рассматривала его мимику, улыбку, глаза. Иногда он взглядывал на меня с экрана, и я вздрагивала.

Желание видеть Александра ни в коей мере не удовлетворялось изображением на экране. Но я, как эзотерический фанат, ровно в пятнадцать минут первого переключала телевизор на его передачу. Он привычно смотрел на меня, обаятельно улыбался.

На сей раз он раскрыл на закладке в виде кинжала старинную книгу в черной коже, проникновенно посмотрел на зрителей и с выражением прочитал следующий отрывок:

– «*Ясновидение*. Мы подозреваем под этим словом видение посредством духовного зрения духовных предметов так же, как и видение происходящего на расстоянии. Эти личности имеют дар прозрения в духовный мир и в некотором роде и в некоторой степени способность переноситься в духе в отдельные местности и видеть, что там происходит. Этим личностей называют ясновидящими и прозорливыми». ^[2]

Он оторвал глаза от книги и взглянул на меня. Выражение его лица говорило – ну и что ты на это скажешь?

– Согласно восточным верованиям, ясновидение является следствием открытия так называемого «третьего глаза», то есть полного раскрытия Аджна-чакры, – сказал он, все еще глядя на меня, и отложил книгу в сторону. – Согласно более современным представлениям, это свойство считается функцией развитого правого полушария... – Он помолчал, давая возможность оценить сказанное. Потом усмехнулся и добавил: – Я уверен, что среди моих зрителей нет ни одного человека, не имеющего собственного мнения о феномене ясновидения. Как известно, официальная наука феномен этот не признает. Он необъясним с точки зрения науки, а все существующие объяснения... скорее из области фантастики. Но многим из

вас, я уверен, есть что сказать по этому поводу... Как правило, рассказы о сверхъестественном начинаются одними и теми же словами... – Он сделал паузу, подогревая интерес аудитории. Рассудив, что интерес уже достиг нужного накала, продолжил: – «Я не верил, но...», «Я не верил в привидения, но, заночевав в одном старинном доме...» и так далее. То, что я сейчас собираюсь сделать, несколько выходит за рамки моего поведенческого стереотипа. – Он снова помолчал. – Как вы знаете, при обсуждениях различных проблем я никогда не говорю «я сам видел». Как правило, я ссылаюсь на различные источники...

Я слушала Александра с нарастающим чувством оторопи и тревоги. Мне казалось, я знаю, что последует за этим вступлением. И я не ошиблась.

– Я воочию убедился в том, что ясновидение не выдумка! Совсем недавно благодаря феномену ясновидения было раскрыто тяжкое преступление. Я не могу посвятить вас во все детали, так как следствие еще не закончено, но... это *было!* Человек... увидел сцену преступления. Мои слова могут подтвердить работники следственных органов. Со временем вы узнаете подробнее о том, что произошло. Я уверен, что об этом будут писать неоднократно. То, что случилось, воистину поразительно!

Я сидела на диване с горящим лицом, в ушах моих противно и тонко звенело, пальцы до боли вцепились в жесткую гобеленовую подушку. Мне казалось, что я урод, которого выставили на всеобщее обозрение на ярмарке. Как он посмел! Ради рейтинга своей паршивой передачи он... предал меня! Он не имеет никакого права! Он словно орал своим недоразвитым зрителям – ату урода! Они не знают моего имени? Завтра узнают. Александр Урбан знает, следователь знает, завтра будет знать любая городская свинья. Подонок!

Я бродила по квартире, не находя себе места, чувствуя унижение, как человек, публично получивший пощечину.

Заливистое треньканье дверного звонка заставило меня вздрогнуть. Не спрашивая кто, я распахнула дверь. Александр вошел как ни в чем не бывало и произнес вместо приветствия:

– Господи, как я соскучился!

– А как же моя карма? – ядовито поинтересовалась я, чувствуя, как холодок побежал по спине от звука его голоса.

Но он не услышал. Он прижал меня к себе с такой силой, что затрещали мои бедные ребра.

– Как я соскучился! Я чуть с ума не сошел! – повторял он, целуя мое лицо, волосы, шею. Он терся, как щенок, о мои щеки... У него были

сильные руки... твердые губы... И целовался он просто потрясающе...

...Кажется, мы не закрыли входную дверь. Не помню, как мы добрались до спальни... не разнимая рук, не разнимая губ... Мы сбрасывали с себя одежду, помогая друг другу. Он запутался в пуговичках блузки неловкими пальцами, и я, бросившись на помощь, рванула изо всех сил и услышала треск – это рвалась тонкая шелковая ткань...

...Я видела над собой его лицо, искаженное гримасой словно от боли, с закрытыми глазами, почти страшное в свете красного ночника... обнимала его плечи, притягивая к себе и отталкивая прочь... Мы любили друг друга яростно и молча... И только в самом финале он застонал, больно впиваясь в мой рот своими горячими губами, содрогаясь в последних, мощных, уже не подвластных сознанию взлетах и падениях...

На рассвете я спросила:

– Зачем ты это сделал?

Он крепче прижал меня к себе и сказал:

– Ничего не бойся. Моя аудитория и не такое слышала. Это заправка, приглашение к дискуссии... Завтра никто и не вспомнит о тебе, но зато в студию хлынут десятки писем очевидцев с разными историями... – Он рассмеялся.

Объяснение было несколько циничным, но, в общем, я его поняла – живи и давай жить другим. Лежа в кольце его рук, я бы еще и не то приняла и поняла. Мне уже казались странными возмущение и злость, которые я испытала всего лишь несколько часов назад...

– *Танцы в темноте*, – пробормотала я.

– Танцы в темноте? – повторил он удивленно. – Что это значит?

– Так говорил господин Бьяготти. Отношения между людьми – это танцы в темноте... в том смысле, что никогда не узнаешь человека до конца...

– Никогда не узнаешь, с кем танцуешь... – протянул он задумчиво. – Отлично сказано, хотя и неверно.

– Почему?

– Потому. Я тебя знаю! И ты меня...

– Я тебя? Да я тебя вообще вижу в первый раз... – ответила я. Как-то незаметно мы перешли на «ты».

Он рассмеялся и шлепнул меня ладонью по губам.

Кажется, я уснула. Разбудили меня звуки, долетавшие из кухни: звяканье посуды, хлопанье дверцы холодильника, а над всем этим

победительно плыл божественный запах кофе, – Александр возился на кухне с завтраком. Я не спешила вставать. Лежала в постели с закрытыми глазами, улыбаясь до ушей, прислушиваясь к звукам и запахам, испытывая удивительное ощущение гармонии с миром и космической невесомости...

Услышав его шаги рядом, я произнесла, не открывая глаз:

– Черный, крепкий, без сахара, пожалуйста.

– Хорошо, – ответил он, сбрасывая на пол мой синий халат. – Потом!

Глава 16

Взрыв

Оба мы в страну
обманную
Забрели и горько
каемся,
Но зачем улыбкой
странною
И застывшей
улыбаемся?

Мне хотелось муки
жалящей
Вместо счастья
безмятежного...

Анна Ахматова

Поделиться было не с кем. Меня распирало желание кричать на весь мир об Александре, о нашей первой ночи. О том, как... Обо всем! От одной мысли об Александре у меня темнело в глазах и мгновенно пересыхали губы. Я роняла на пол предметы, вызвала к себе бабу Броню, а когда та пришла, удивленно воззрилась на нее – забыла, зачем позвала.

Стас долго грузил меня о преимуществах нового софта, я только и спросила: «Сколько?» Он запнулся, не решаясь произнести цифру. Глаза у него стали собачьи. «Ну?» – подтолкнула я. Он выдохнул цену, и на лице его было написано отчаяние. Он знал, что ему не обломится. Еще вчера не обломилось бы. Но со вчерашнего дня столько всего случилось...

– Иди к главбуху, скажи, я разрешила, – велела я, улыбаясь.

Стас смотрел на меня с восторгом верующего, увидевшего чудо.

– Спасибо, Ксения Валентиновна! – крикнул он уже на ходу, вылетая из кабинета.

Я представила, как он в состоянии абсолютного восторга скачет на одной ноге в бухгалтерию, и рассмеялась. Мужчины и их игры!

– Ксения двинулась, – сообщил Стас Кире, сидевшему в Интернете.

- Она и была двинутая, – ответил тот хладнокровно.
  - Дала денег на софт!
  - Перепихнулась! – поставил диагноз Кира.
  - Ну, козел! – в сердцах произнес Стас.
  - Сам козел! Я видел ее с мужиком.
  - Когда? – заинтересовался Стас. – Она ж тут все время.
  - Неделю назад... Не помню. В «Белой сове»!
  - Деловой ужин!
  - Ага, деловой! Они чуть не трахались прямо за столом!
  - Это ты двинутый, – сказал Стас.
  - А ты козел! Ну, идешь?
  - Куда?
  - За софтом! Мне по дороге.
- И молодые люди покинули пределы учреждения.

Я сидела, развернув кресло к окну. Спина к двери. В окно мне были видны верхушки деревьев и пышные облака на синем небе. Они летели белыми парусами, настраивая на мысли о быстротечности времени и жизни. Все проходит, говорили они, пролетая. Все проходит! Голубой простор, белые облака – и больше ничего. Ни машин, ни людей, ни грязи. Одна бездонная сине-белая радость и музыка сфер. Все проходит!

– Carpe diem! ^[3] – говорил господин Бьяготти, глядя на меня с обаятельной улыбкой. – Ни минуты впустую! Это так хорошо понимаешь в моем возрасте.

– Я не упускаю, – отвечала я. – У меня планы, как у Наполеона.

– Смысл жизни в движении! – говорил господин Бьяготти, поднимая скрюченный палец, сверкая лаком на ногте.

Маленький, быстрый, с живыми карими глазами, он с удовольствием рассматривал меня, а его колено под столом нащупывало мое. И я совсем не сердилась... Я хохотала, а он смотрел и смотрел, любуясь.

Господин Бьяготти! Жив ли? Последний раз я звонила ему полтора года назад...

С трудом я досидела до конца рабочего дня. Мои мысли были заняты Александром, мое тело требовало Александра. Я видела нас обоих в красноватом свете ночника... Его обнаженное тело, атласная кожа... Стоп! Дальше о мускулистых руках и родинках в разных местах, по закону жанра. И темных сосках, и... что там еще в наличии у героев-любовников из дамских романов? Широкий разворот плеч – разумеется! Гибкий, длинноногий – как же иначе! Руки! Не забыть руки! Поразительно

красивые, они скользили... везде! Непременно узкие ступни! И так далее. А еще он должен нетерпеливо раздвигать мои колени... и, глядя в мои глаза своими бездонными, горящими страстью очами... резким движением... или, наоборот, медленно...

О господи!

Я, захлебываясь, пила из бутылки ледяную воду с пузырьками. Жажда мучила меня. Я безумно хотела кофе. Или вина. Холодного и много. Чтобы обалдеть окончательно. Я закрывала глаза, крутилась в своем кресле на колесах, сжимала кулаки, облизывала сухие губы и доставала новую бутылку минералки из холодильника.

Он догнал меня на улице. Молча пошел рядом. Не сговариваясь, мы свернули в первую попавшуюся подворотню и сразу же набросились друг на друга.

– Я чуть не подох, – бормотал Александр, пытаясь стащить с меня платье, причем сверху вниз. – Думал, не доживу!

Я обнимала его, впиваясь в его рот, уворачиваясь от его рук, краем сознания понимая, что платье рвать не следует...

Ночью я забылась в коротком глубоком, как обморок, сне. И увидела кошмар...

Черно-белый. Бодрствующие где-то на задворках сознания рецепторы понимали всю условность происходящего, но общее впечатление – мрак и ужас.

Женщина беззвучно кричала, запрокинув лицо. Я видела тонкую незащитную шею, разбросанные в стороны руки, разлетевшиеся волосы – ее словно отнесло взрывом, эпицентр которого находился рядом со зрителем – со мной, и с силой ударило в стену. Я видела, как на долгий миг замерло ее тело, прилепившись к стене, потом последовал черный провал. В следующем кадре ее тело медленно сползло на пол... Сползая, тело сложилось пополам, как у тряпичной куклы, коснувшись пола сначала руками, потом согнутыми коленями, потом неловко упало лицом вниз...

Кроваво-красное пятно в черно-белом негативе сцены светилось на стене... Пятно медленно расплывалось вокруг головы... Во все стороны потянулись кровавые метастазы... как терновый венец...

И тут включился звук. Шаги. И пауза. Человек склонился над женщиной на полу, рассматривая ее с высоты своего роста. Присел на корточки, скрипнула половица, протянул руку... Картинка затуманилась... Я видела ее тонкое запястье в его руке... Его тень... Томительное

безмолвие... Наконец он распрямился, обошел женщину... На миг картинка потемнела, словно мужчина заслонил спиной объектив... и спустя секунду до меня долетел слабый звук захлопнувшейся двери...

Женщина на полу повернула голову – и я с ужасом поняла, что это Стелла. Она, улыбаясь, смотрела на меня...

...Я кричала, захлебывалась собственным криком. Александр тряс меня за плечи. Лицо у него было испуганное.

– Что? Ксенечка, что? – бормотал он. – Успокойся, это только сон. Просыпайся!

Я сидела в постели, обхватив колени руками, задыхаясь, всхлипывая, захватывая воздух открытым по-рыбьи ртом. Растерянный Александр гладил меня по голове и плечам.

– Успокойся, – повторял он. – Пожалуйста.

– Это Стелла, – произнесла я с трудом. Горло мое сдавила судорога.

– Где? – спросил он, впиваясь в меня взглядом.

– Там, – ответила я, – на полу...

– Где на полу? Ксенечка, что ты видела?

– Я видела Стеллу... И кровь... везде...

– Что там произошло?

– Он ударил ее... кулаком в лицо...

– Кто?

– Не знаю... Он убил ее!

– Ксенечка, успокойся! – Он слетел с кровати, принялся натаскивать на себя джинсы. Запрыгал на одной ноге. – Пойдем!

Меня колотил озноб. Зубы противно стучали. Я бессмысленно смотрела на мечущегося вокруг меня Александра и вдруг почувствовала, как стены комнаты медленно поползли в сторону. Кажется, я потеряла сознание...

Пришла я в себя от холода. Мокрое полотенце лежало на лбу, окно было открыто, впуская холодный, уже осенний ночной воздух. Одурающе пахло кофе. Александр сидел рядом со мной на постели, одной рукой приподнимая меня с подушки, другой поднося чашку к моему рту.

Кофе был горячий и очень сладкий. Я фыркнула от смеха, представив, как он кладет в чашку четыре ложки сахару, и закашлялась...

– Позвони ей, – сказал Александр, убирая пустую чашку.

– Она не отвечает уже две недели.

Он пристально уставился на меня, но ни о чем не спросил.

– Поехали! – Он встал и протянул мне руку.

– Отвернись! – сказала я, неловко сползая с кровати.

Уже в прихожей я вдруг вспомнила, что у меня есть ключ от квартиры Стеллы. Она принесла мне запасной, после того, как однажды захлопнула дверь и пришлось вызывать пожарников. Я застыла, вспоминая, где ключ. Пустая голова не могла удержать ни одной мысли. В глазах все еще было темно. Я стояла, прислоняясь плечом к стене, боясь смотреть вниз, чтобы не упасть. В серванте, в «золотом» кофейнике! Я пошла назад в комнату, цепляясь за стены, – ноги не держали меня. Часы показывали четыре.

Александр, не спрашивая, набрал код на пульте двери в подъезд. И я мельком отметила, что он еще помнит цифры...

Нам долго никто не открывал. Он нажимал на кнопку звонка снова и снова. В глубине квартиры мелодично тренькало, и наступала тишина. Он взял у меня из рук ключ, нетерпеливо вставил в замочную скважину, повернул. Щелкнул замок, и дверь распахнулась. Слабый свет падал в прихожую с лестничной площадки. Сквозняк смахнул с вешалки красный шарфик. Он плавно опустился на женщину, лежавшую вниз лицом на полу, как раз на замысловатый, белый, нарочито небрежный иероглиф на черном шелковом халате... Скрюченные пальцы, согнутые колени... Пряди волос черным нимбом вокруг головы...

...Мы стояли у порога неподвижно, молча. Александр – подавшись вперед. Я вдруг почувствовала, как подступает к горлу дурнота, и, упершись ладонями в стену у двери, стала хватать ртом тяжелый воздух квартиры. Вышло только хуже – в следующую секунду меня словно переломило пополам и стало мучительно выворачивать наизнанку, разрывая и сжигая гортань, грудь, желудок...

Глава 17

Капитан Астахов

Я сидела на диване в гостиной Стеллы совершенно отупевшая от увиденного. Александр куда-то звонил, бесшумно передвигаясь по квартире. Он усадил меня на диван, уведя из прихожей, и больше не смотрел в мою сторону, как будто я была здесь совершенно посторонним предметом. Я слышала его приглушенный голос, шаги, звуки льющейся из крана воды на кухне.

«Не может быть... не может быть... не может быть», – думала я. «Может, мо-жет, мо-жет!» – бархатно гудел маятник больших старинных часов в углу, мотаясь туда-сюда. В моей бедной голове не укладывалось, что это Стелла лежит на полу в прихожей... в своем японском халате с «иероглифом счастья и долголетия», как объяснила продавщица при покупке. Она лежит, а мы ничего не предпринимаем... Я забилась в угол дивана, Александр ходил бесшумно, как зверь в клетке. Мне казалось, я жалею Стеллу не потому, что она умерла – это еще не отпечаталось в моем сознании, а потому, что она лежит на холодном полу, такая одинокая и несчастная. И самое ужасное то, что ей уже все равно. Ей больше не нужны разбросанные в прихожей черные атласные домашние туфельки, белый шелковый плащ на вешалке – предмет гордости, сумочка от Черутти, купленная в Италии за баснословную сумму. Ничего ей больше не нужно. И нет для нее больше ни страха, ни боли...

Страх! Господи, как же ей было страшно умирать, думала я. Она видела своего убийцу, отшатнулась от удара... упала, подогнув колени, на пол. А он присел на корточки рядом и взял ее руку... Он не поднял Стеллу, не перенес на диван, не позвал на помощь... Почему? Понял, что она умерла? Или сделал то, что собирался, – убил? И проверял, жива ли. После чего поднялся и ушел, а она осталась...

Я слышала, как открылась дверь, впустив людей. Квартира наполнилась шумом голосов и шагов. Защелкали фотокамеры. Ко мне по-прежнему никто не подходил. Голоса бубнили в прихожей. Александр объяснял им что-то...

Я не знаю, сколько прошло времени. Кажется, я уснула. Проснулась, когда кто-то дотронулся до моего плеча. Я отшатнулась, рука моя инстинктивно прикрыла лицо.

– Ксения, – позвал Александр, – проснись. Это капитан Астахов, ты с

ним уже знакома. Он хочет поговорить с тобой.

Капитан Астахов в расстегнутом плаще, который он так и не снял, в синей футболке и джинсах, растрепанный и невыспавшийся, стоял рядом с ним, внимательно и безрадостно меня рассматривая.

– Доброе утро... – начал он и поперхнулся. – Сколько лет, сколько зим, – сделал следующую попытку. – Я знал, что мы встретимся. – На физиономии его было написано: «Опять вы путаетесь под ногами? Опять вляпались неизвестно куда?» – Поверьте, мне очень жаль... – продолжал он. – Я знаю, что... – он не произнес слово «покойная», готовое слететь с языка. – Я знаю, что Стелла ваша подруга... Вы можете говорить? – Он повернулся к Александру: – А ты, Сашок, сделай нам кофе! Иди-иди, – добавил он, видя, что Урбан колеблется. – Я не съем твою приятельницу.

– Могу, – ответила я, спуская ноги с дивана и приглаживая волосы.

– Саша сказал, что вы видели... сон.

Последнее слово он произнес почти с отвращением. Его натура воинствующего материалиста бунтовала против дурацкого фарса, в котором он вынужден был участвовать.

– Можно поподробнее? Как это случилось и что вы видели?

– Я видела, как... Стелла отшатнулась...

– Что значит, отшатнулась?

– Ее ударили в лицо, очень сильно...

– Вы видели, как ее ударили? – перебил он.

– Нет. Я видела, как она отшатнулась... видимо, от удара... запрокинула голову... ударилась затылком о стену... – Передо мной снова возник раскрытый в крике рот Стеллы, ужас в глазах... взметнувшиеся волосы... – И упала на пол... – закончила я.

– Вы видели того, кто ее ударил?

– Нет.

– Но он был там? Вы слышали что-нибудь?

– Треск паркета... – пробормотала я, вспоминая.

– Он ходил?

– Нет, он присел на корточки.

– Зачем?

– Он взял ее за руку.

– Зачем? – повторил капитан.

– Проверял пульс... наверное... Не знаю!

– Как выглядела его рука?

– Обыкновенно...

– Это была рука... чья?

Я смотрела на него, не понимая, чего он от меня хочет.

– Мужская? – уточнил он. – Или...

– Да.

– Откуда вы знаете? Вы же не видели человека.

– Большая, с сильными пальцами... мужская. Я видела не очень ясно.

– Что-нибудь особенное запомнили? Примету какую-нибудь. Шрам, пятно, сломанный ноготь? Перстень?

Я помотала головой – нет.

– Манжет, запонку? – продолжал он. – Какого цвета рубаха?

– Я не видела, – ответила я. – Только руку... Часы!

– Какие?

– На черном ремешке.

Капитан хмыкнул. Молча смотрел на меня, словно прикидывая, о чем еще спросить.

– Что было потом?

– Я проснулась... Саша разбудил меня, потому что я кричала. И мы сразу поехали к... сюда.

– То есть все, что вы видели, – это как она отшатнулась, ударилась о стену и упала. И руку мужчины...

– Да. Она лежала неподвижно... На стене была кровь... и брызги везде.

– Брызги... – повторил капитан и замолчал, словно не знал, о чем еще спросить. – Скажите, Ксения... – Он впервые назвал меня по имени, и я напряглась, ожидая подвоха. – Ваш сон... какой он был?

– Что значит, какой?

– Ну, цветной... или черно-белый?

– Черно-белый... Но кровь красная... Пятно на стене и вокруг головы... на полу.

– Это была застывшая картинка... или действие как в кино?

Я задумалась, пытаюсь вызвать в памяти сон.

– Движение. Стеллу ударили, и она отлетела к стене. Потом он подошел... и взял ее за руку. Как при замедленной съемке.

– Вы слышали треск паркета под его ногами?

– Да.

– Какие еще звуки вы слышали?

– Никаких.

– Только треск паркета? Ни криков? Ни шума падения?

– Нет, только треск паркета.

– Странно, – заметил капитан после паузы. – Она кричала, но вы этого

не слышали. А негромкий треск паркета расслышали. – Он смотрел на меня подозрительно.

– Послушайте, я действительно видела сон. Я все вам рассказала. Я больше ничего не знаю. Если вы не верите, то...

– Я верю, – ответил он, невольно вздохнув. – Я допускаю, что паранормальные свойства... существуют. Я верю, что вы действительно это видели. Я протестую не против вас, а против... самого себя! Я всегда верил только фактам. И вещдокам. Отпечаткам пальцев, подошв, окуркам сигарет... и так далее. В меньшей степени свидетельским показаниям. А сейчас... я не знаю, что и думать. Мне хочется дернуть себя за нос или за ухо и проснуться. – Он помолчал. – Ваши свидетельские показания... мягко выражаясь, неубедительны. Вернее, необъяснимы. Но ранее вы увидели перстень на руке убийцы, чем помогли нам. А сейчас увидели свою подругу... Я теряюсь, Ксения. Извините, если я вас обидел... чем-нибудь. Я представил, как укажу в протоколе, что свидетельница видела сон... Чертовщина какая-то, честное слово! Но... – он замялся. – Если вы вспомните еще что-нибудь, звоните, всегда... рад. И еще одно: когда вы видели вашу подругу в последний раз?

Я пожала плечами и пробормотала:

– Последние две недели мы не встречались...

– Почему? – капитан сделал стойку, сверля меня взглядом. – Поссорились?

– Нет. Она стала встречаться с... одним человеком. Он врач «Скорой помощи». Приезжал к ее соседке, и они познакомились.

– Как его зовут?

– Лапин Владимир... Отчества не помню.

– Вы с ним знакомы? – От элегического тона, которым он говорил о моей паранормальности, не осталось и следа.

Мне страшно не хотелось рассказывать о своем знакомстве с доктором Лапиным. Я думала, что это предательство по отношению к Стелле. Но я тут же представила, как доктор Лапин на допросе расколется и расскажет... А в том, что его допросят, сомневаться не приходилось. Расскажет, как я поджидала его утром после дежурства и приставала с дурацкими вопросами. Я вдруг поймала себя на мысли, что ни разу не вспомнила о докторе Лапине после сна. А ведь он вполне мог ударить Стеллу. Я вспомнила его неприветливую физиономию с трехдневной щетиной, бесцветные глаза и красные веки... То, как он назвал нас суховеем... Меня и Стеллу. И сказал... Как это он сказал? «Протягиваете руку и берете». Кажется, так. И еще добавил, что Стелла слишком хороша для него. А когда

она пришла к нему домой... он не отказался! И жена неизвестно где... Я так задумалась о докторе Лапине, что совсем забыла о капитане. Машинально подняла на него глаза и вздрогнула: он так напряженно всматривался в меня, словно пытался прочитать мысли.

Я рассказала ему все. А куда мне было деваться? Капитан делал пометки в своем блокноте – черкал ручкой всякие значки, напоминая птичьи следы. Выглядел он при этом гораздо увереннее, чем прежде, почувствовав твердую почву под ногами.

Когда я замолчала, он вопросительно посмотрел на меня. Я пожалала плечами – все! Он кивнул и спрятал блокнот в карман плаща. Поднялся со стула и, поколебавшись, протянул мне руку. Я протянула в ответ свою. Мне показалось, что он не знает, как себя со мной вести. Я, видимо, не подходила ни под одну из известных категорий свидетелей, и ему было трудно.

– Отчего умерла... (слово далось с трудом) Стелла? – спросила я, когда он уже повернулся спиной. Мне пришло в голову, что от удара о стенку не бывает крови. Или бывает?

– Убийца ударил вашу подругу ножом в спину, видимо, когда она пыталась убежать от него, – сказал он бесцветно. – И в прихожей на стене нет крови... если вы обратили внимание. Крови вообще нигде нет, только на одежде...

Он не смотрел на меня, делая вид, что не слышит моего растерянного бормотания:

– Как же так? Я же видела... На стене...

Александр привез меня домой. В машине мы не разговаривали. О чем тут говорить? В подавленном молчании мы поднялись ко мне. Часы в гостиной показывали четверть восьмого.

– Кофе? – спросил он, и это было первым его словом, адресованным мне за несколько последних часов.

– Я не могу больше смотреть на кофе, – произнесла я с отвращением. – Я теперь не буду спать целый месяц.

– Я сделаю без кофеина.

– Какой смысл?

– Можно смешивать. Вкус тот же, а концентрация... – Он не закончил фразу. Уселся рядом со мной на диван, взглянул мне в глаза и задал вопрос, которого я ожидала: – Кто такой доктор Лапин?

Я отвела взгляд. Александр не должен спрашивать о докторе Лапине. Он отсутствовал во время моей беседы с капитаном. Зримо его не было, но,

видимо, он все-таки находился в пределах слышимости. А может, действительно читал мысли – я вспомнила, как Стелла убеждала меня, что он колдун, и усмехнулась. Он, чуткий, взял мою руку, прижал к губам.

– Не хочешь, не говори. Я понимаю.

– Доктор Лапин... наш знакомый, – ответила я.

– Что он собой представляет? – последовал новый вопрос.

Я видела, как ему больно. К чувству потери примешивалась ревность. Он ревновал Стеллу, даже мертвую, к доктору Лапину. Лицо его стало неприятным, в глазах горел злобный огонь. Он, казалось, забыл о моем присутствии. Такое лицо не показывают публике. Он вдруг сжал мою кисть с такой силой, что я вскрикнула. Он опомнился, выпустил руку и пробормотал:

– Извини... мне совсем хреново. Извини. Стелла... я любил ее...

«...все время, – закончила я мысленно. – Даже после разрыва. И тогда в ресторане...» Я вспомнила, как он смотрел на Стеллу. А как же я?

Он понял. Притянул меня к себе, обнял, нашел губами мои губы. Я не знаю, как это получилось. Горькая сладость его поцелуев ударила мне в голову. Я отвечала ему с горячностью, причинявшей боль. Мы целовались, сцепившись взглядами, не закрывая глаз. Стелла умерла, а мы целовались, полные ревности и горя, и поцелуи наши были бесстыдны, как пир во время чумы... Мы словно торопились жить.

Александр прошептал мне на ухо:

– Может, останешься дома? Я позвоню на работу...

Шепот его прокатился волной, резонируя во мне, как в колоколе. Я ответила, только мотнула головой – нет! Он покрывал мое лицо мелкими поцелуями, надолго приникая только к губам. И внутри меня снова зарождался ослепительно-белый горячий шар. Я впивалась в Александра зубами, ногтями, обхватывала его бедра коленями... Мы едва помещались на узкой кушетке, и Александр смел на пол подушки резким движением руки. Моя хлипкая изящная кушетка в стиле ампира жалобно стонала, и вдруг не выдержала одна из ее тонких ножек – передняя, у изголовья, и сломалась, издав печальный звук рвущейся ткани. Нас потрянуло, кушетку перекосило. Но мы неслись дальше, не в силах остановиться. И вдруг с сухим треском сломалась другая передняя ножка, и мы скатились на пол. Падение совпало с оглушительным финалом – я закричала, Александр издал звериный вопль...

Мы лежали на полу, на маленьких разноцветных подушках, задыхаясь от хохота. Сломанная кушетка являла собой странное зрелище, полное укоризны. Мысль, что она попросту стряхнула нас с себя, казалась нам

безумно смешной. Мы хохотали, не в силах остановиться, как механические куклы, чей механизм внутри заклинило, и они теперь до самого конца будут повторять одни и те же судорожные движения головой и руками и издавать хриплые скрежещущие звуки...

Мы знали, что Стелла умерла. Мысль эта вызывала боль и тоску, и при этом мы продолжали смеяться, до слез, до полнейшего оупения...

Инстинкт самосохранения?

Глава 18

Будни

На работе уже все знали. Новости в нашем городе распространяются мгновенно. Сотрудники изо всех сил старались не смотреть на меня лишней раз и вести себя естественно. Но им это не удавалось. Любопытство распирало их. Болезненная притягательность тайны, убийство человека, которого они знали, стало своеобразным допингом, придавшим остроту жизни. Они были в курсе всех городских слухов и сплетен. От бабы Брони я узнала, что убийца скрылся, возможно, за границу, и объявлен в международный розыск. Убийцей был не кто иной, как доктор Лапин.

Я сидела у компьютера, заставляя себя заниматься делом. Роман еще не вернулся из Испании. Пришлось срочно звонить другому юристу, договариваться о новых сделках и переносить уже назначенные. Ограничить общение с окружающей средой не получалось. Разговор рано или поздно добирался до смерти Стеллы. Сначала следовал вопрос обо мне – как я держусь, потом наступало предложение крепиться, а потом на мою голову выливался мутный поток городских сплетен «из самых достоверных источников».

Однажды пришел Кира. Постучался и вошел, не дожидаясь ответа. Молча кивнул и положил на стол продолговатую белую коробку без опознавательных знаков. На мой вопросительный взгляд коротко ответил: «Подарок». Я раскрыла коробку, развернула тонкую кремовую бумагу и отшатнулась. В коробке лежала большая крыса с оскаленной мордой и рваной кровавой раной в боку. Красный вываленный язык, белые клыки, розовый голый хвост, натуральные внутренности, просвечивающие сквозь дыру, синтетическая блестящая шерсть – это изделие Тайваня или Китая, выполненное со тщанием, рождало тошнотворное чувство оторопи.

Я перевела взгляд на Киру, ожидая объяснений.

– Новый товар, – радостно сказал он. – Вот смотрите!

Он протянул руку и нажал на животе крысы невидимую кнопку. И мерзкое животное вдруг забилося в конвульсиях. Задергались голова и лапы, как бич, защелкал хвост. Крыса резво подскакивала в шуршащей бумаге, и коробка стала съезжать по столу прямо на меня. Я, оцепенев от ужаса, наблюдала за крысой, будучи не в состоянии ни закричать, ни оторвать от нее взгляд. А она прыгала, скалясь, шлепая хвостом и

придвигаясь все ближе. Насладившись эффектом, Кира выключил крысу. Он смотрел на меня с широкой улыбкой, ожидая благодарности. Ругать этого идиота было бесполезно.

– Спасибо, Кира, – сказала я, откашлявшись. – Ты теперь продаешь игрушки?

– Не-а, – ответил он, продолжая ухмыляться. – Случайно получилось. Просто наши бабы-дуры отказались ее реализовывать, плюются, визжат, а я взялся. Прикольно, правда? Я уже продал семь штук. Народ просто тащится. Берите, Ксения!

Паршивец назвал меня по имени, чего никогда не позволял себе раньше. Я сделала строгое лицо, закрыла коробку и убрала в тумбу стола. Он все стоял, глядя выжидающе.

– Свободен, – хотела сказать я. – Пошел вон! – Тут мне пришло в голову, что он хотел как лучше, твердолобо сочувствуя мне и жалея. – Спасибо, Кира, – еще раз повторила я. – Прекрасный подарок.

– Я так и знал, что вам понравится, – отвечал балбес радостно, переступая с ноги на ногу. – А хотите вечером с нами в «Сову»? – выпалил он, решившись. – Сегодня конкурс красоты, классные телки, можно оттопыриться!

По моему лицу он понял, что в «Сову» я с ними не пойду.

– Жаль, – вздохнул он. – Стас, козел, спорил, что не пойдете. А я сказал, что пойдете. Теперь я ему должен десятку. А про крысу он сказал... что я дурак!

На похороны Стеллы собралось полгорода. Из разных бывших республик почти в полном составе прибыл семейный клан – родители, сестры, братья, тетки, кузины, многочисленные племянники и племянницы. Пришли печальный поэт Артур Кременецкий, картежник и жулик Глеб Чулков, тонкая душа – музыкант с престарелой любовницей об руку. Это из тех, кого я знала.

Поэт сказал речь и прочитал свои стихи, на редкость бездарные. Глеб Чулков, не таясь, плакал, сморкаясь в несвежий клетчатый носовой платок. «Такая молодая, – повторяла престарелая подруга музыканта, вздыхая и покачивая головой. – Жить да жить...» Музыкант казался не совсем вменяемым, на зеленовато-бледном лице его застыло мученическое выражение – казалось, он пытается вспомнить нечто важное. Глаза его смотрели невидяще, губы плотно сжались в комок.

День выдался солнечный, безветренный. Желтели деревья и кустарники, добавляя яркие ноты в краски осеннего дня. Горели георгины и

цветки золотого шара, пятнами засохшей крови били в глаза темно-красные волчьи ягоды. Черными столбами высились разбросанные беспорядочно среди памятников молодые кипарисы.

Меж собравшихся на кладбище то тут, то там выныривал, как черт из табакерки, капитан Астахов, весь в черном. Смотрел орлом, держал открытыми глаза и уши. Он нагнал нас на боковой аллее, когда все уже расходились. До парковки мы шли вместе, в гробовом молчании. И только у самой машины я спросила:

– Вы его арестовали?

Капитан не стал притворяться, что не понял, и ответил:

– Нет. – И, не удержавшись, в свою очередь спросил: – Что-нибудь еще видели?

– Нет. А почему его не арестовали?

– За два дня до убийства он написал заявление на отпуск, – буднично ответил капитан. – На месяц. Дома его нет.

– А с кем жена?

– Простите? – не понял Астахов. – Что «жена»?

– С кем его жена? – повторила я. – Его жена прикована к постели.

– С чего вы взяли? – удивился капитан.

– Стелла говорила. А ей – сестричка из его бригады. Ему пришлось уйти в «Скорую помощь» из-за истории с наркотиками.

– С чем? – заинтересовался капитан. – С какими наркотиками? Тоже из репертуара сестрички? – «О, женщины!» – говорил его взгляд, обращенный на меня.

– Ну... да. Поэтому он ушел... из больницы.

– Ваш доктор Лапин ушел из больницы совсем по другой причине. Четыре года назад во время его ночного дежурства умерла больная – молодая женщина. А он в это время выскочил на минутку к своей знакомой и застрял у нее на пару часов. Пока вызвали другого хирурга, пока тот прибыл, то да се, больная скончалась. Главврачу больницы пришлось приложить немало усилий, чтобы вытащить Лапина из этой истории. Было следствие. Защита основывалась на его репутации первоклассного хирурга, безукоризненном послужном списке, свидетельствах благодарных больных, и он довольно дешево отделался – его обвинили в преступной халатности и дали три года условно. Жена сразу же бросила его, забрав ребенка, из клиники ему пришлось уйти. Насчет той знакомой не знаю. Думаю, она его тоже бросила. На новом месте работы доктор Лапин характеризуется положительно, не пьет, разве только по праздникам, не отказывается подменить коллегу. Вот так, Ксения Валентиновна. Про наркотики я не

слышал. Коллеги – дамы в основном – отмечают также злой язык доктора Лапина, его цинизм и неуважение к женщине.

– К какой женщине? – спросила я ошеломленно.

– Не знаю, к какой. Ко всем, наверное. Он рассказывает в их присутствии неприличные анекдоты.

– При чем тут анекдоты? – пробормотала я. – Что за чушь?

– Для следствия важна любая деталь, Ксения Валентиновна.

– Сегодня он рассказывает неприличные анекдоты, а завтра родину продаст, – сказала я ироничным тоном.

– Вот именно, – подтвердил капитан.

– И что вы теперь собираетесь делать? Сидеть и ждать, пока он вернется?

– А есть другие предложения?

Я, не глядя на него, молча уселась в машину. Капитан преувеличенно заботливо закрыл дверцу. Я видела, как он и Александр медленно пошли от машины и остановились в нескольких метрах. Капитан о чем-то спрашивал, Александр отрицательно качал головой. Астахов настаивал, Урбан не поднимал взгляда от земли. Я смотрела на них, испытывая странное и тоскливое раздражение. Мне хотелось выскочить из машины и заорать противным базарным голосом: «Убирайтесь к черту с вашими дурацкими секретами! Вы мне надоели!» После чего разразиться бурными рыданиями, колотя кулаками по капоту. Порыв прошел так же мгновенно, как и начался. Я вдруг осознала в первый раз, что Стеллы больше нет. Нет нигде. И никогда. Больше. Я. Ее. Не. Увижу.

Страшные слова «никогда больше»!

Я закрыла лицо ладонями и заплакала.

* * *

Александр встречал меня каждый день после работы, и мы неспешно шли домой окольными путями. Сворачивали в незнакомые узкие улочки, отдаваясь размеренному движению. Темнело уже по-осеннему рано, зажигались уличные фонари. Тусклый их свет струился в негустых сумерках, делаясь все ярче по мере того, как темнело. Говорить было не о чем. Александр задавал несколько ненужных вопросов, вроде того, что я ела, где обедала, что нового на работе. Мне казалось, что ответы его не интересуют, и отвечала односложно. Он не настаивал. Что-то ушло из

наших отношений, ушла безоглядная близость. Искра перестала проскакивать. Стелла живая нам не мешала, а Стелла мертвая стояла между нами. Мне казалось, что он подспудно ждет чего-то. Временами Урбан взглядывал на меня испытующе и тут же отводил глаза. И я догадывалась, чего именно ожидали они оба – Александр Урбан и капитан Астахов. Они ожидали новой картинки. И Александр хотел оказаться в нужное время в нужном месте. Я чувствовала себя подопытным кроликом, но не могла оттолкнуть его, смутно надеясь, что пройдет время и он вернется ко мне. А куда ему еще деваться, думала я. Стелла связывала нас, и узы эти были посильнее любовных. Пройдет время, и он поймет, что я самый близкий ему человек. После Стеллы. Я хотела его даже на таких условиях. Мне было все равно. У меня не осталось ни воли, ни сил. Мое «я» растворилось без остатка в мощной ауре Александра.

Он готовил ужины и завтраки, накрывал на стол, заботливо подкладывал мне на тарелку новые куски. Он был нежен и внимателен. Целовал меня в лоб, желая спокойной ночи, и отправлялся смотреть телевизор. Спал он на кушетке, едва там помещаясь, давая мне понять тем самым, что уважает мое горе.

Сломанные ножки кушетки починил знакомый Александра, мастер-краснодеревщик, которого он привел на следующий день после крушения. Болезненно морщась, старик забрал сломанные ножки и через три дня принес новые, точно такие же. От денег он отказался, взглянув на меня с отвращением. Я поняла, что в его голове не укладывается, как я могла совершить подобное кощунство. Кушетки восемнадцатого века предназначались не для сидения и тем более не для лежания. Они – для любования.

А картинка все не появлялась. Каждый вечер я с опаской укладывалась спать, а ее все не было. По утрам мне не хотелось покидать постель. Но я понимала, что стоит мне остаться дома хоть раз, как захлестнет тоска, а потому заставляла себя подняться, принять душ и с бледной улыбкой выходила к завтраку. Александр заботливо спрашивал, как я спала, а мне хотелось швырнуть в него чашкой. Выплеснуть горячий кофе ему в лицо и завывать от отчаяния.

Он привозил меня на работу и отправлялся по своим делам. А вечером как штык дежурил у входа, и все повторялось снова и снова, будто по наезженной колее.

Бессменный часовой у дверей моей камеры...

* * *

В вестибюле телестудии Александра окликнула дежурная. Вам письмо, сказала она. Он обернулся – женщина протягивала ему голубой длинный конверт. Он взял. На конверте стояло лишь его имя, не было ни штампа, ни обратного адреса.

– Откуда письмо? – спросил он.

– Тут лежало, – ответила она. – Я и не заметила, кто принес.

Александр поднялся к себе, уселся в кресло у письменного стола и положил конверт перед собой. Потом он достал желтоватый костяной нож с замысловатым драконом на ручке и аккуратно вскрыл конверт. Внутри был сложенный пополам листок белой бумаги с двумя напечатанными чуть ниже сгиба строчками: *«Мне очень нужно встретиться с ясновидящим человеком, о котором вы говорили в передаче. Буду ждать завтра у входа в телестудию».*

Он держал листок перед собой, глубоко задумавшись. Была в глаза некая странность послания. Автор не указал времени, когда он будет ждать. И не подписался. В письме также не указывалась дата. «Завтра» без даты не имело смысла. Отложив листок, Александр потянулся к телефону, но раздумал и убрал руку.

В четыре я выключила компьютер и поднялась из-за письменного стола. Зашла к секретарше и сказала, что у меня встреча с клиентом и на работу я больше не вернусь. Она кивнула: «До завтра, Ксения Валентиновна». Я испытывала злобное чувство удовлетворения, думая, что Александр будет ожидать меня в семь у входа. «Пусть ждет, пусть... так ему и надо... пусть побегает...» – невнятно билась мысль, пока я шагала куда глаза глядят, впервые за две долгие недели оставшись без провожатого. Я испытывала чувство странной освобожденности и судорожной, истеричной легкости. Я не шла, а летела, не замечая ни людей, ни машин, и очнулась лишь тогда, когда большая черная иномарка, вопя, затормозила в метре от меня, а мужчина за рулем обругал меня идиоткой. Увидев мое перевернутое лицо, он заткнулся и уехал.

Ноги не держали, и я с трудом добралась до изувеченной скамейки на остановке троллейбуса. Чувства легкости уже не было и в помине. Я с удивлением поняла, что наступил вечер. Шаги прохожих шуршали по асфальту, рождая видение бесконечной ленты конвейера. Постепенно менялся звук, становясь мельче и плотнее – прохожих становилось все

меньше. Район города был мне незнаком и выглядел не слишком приветливо. Я поднялась со скамейки и пошла в обратную сторону, пытаюсь понять, где нахожусь. Подошла к краю тротуара, подняла руку. Тотчас же рядом тормознул частник. Я заглянула в открытое окно. Шофер дернул подбородком – куда, мол. Был это человек без возраста, с незапоминающимся лицом и неожиданно цепкими глазами, липко обежавшими меня с ног до головы.

– Извините, – пробормотала я, захлопывая дверцу.

– Поехали, – сказал он настойчиво, перегибаясь со своего сиденья и заглядывая мне в лицо снизу вверх. – Куда вам?

Но я уже почти бежала прочь от машины, испытывая иррациональный страх и нащупывая дрожащими пальцами в сумочке мобильный телефон.

Александр отозвался сразу и, еще не услышав моего голоса, закричал: «Где ты? Никуда не уходи, я сейчас приеду. Где ты?» В его голосе звучало такое неподдельное волнение, что я всхлипнула от облегчения.

Он появился через двадцать минут. Я узнала его белую «Тойоту» издали и рванулась к ней, как будто за мной гнались. Плюхнулась на сиденье рядом с Александром. Он притянул меня к себе и поцеловал. Впервые за все это время поцеловал так, как раньше. Я обхватила его руками, и мы застыли так на долгий миг.

– Господи, как ты меня напугала, – прошептал он. – Обещай, что не будешь больше, пожалуйста! Я уже думал, что...

Недосказанная фраза повисла в воздухе.

– Что? – спросила я, заглядывая ему в лицо.

– Я очень за тебя беспокоюсь, – ответил он, и я поняла шестым или седьмым чувством, что он ушел от ответа.

– Послушай, – начала я, когда мы были уже дома, – я не понимаю...

Мы сидели на кухне, ужинали. Он оторвал взгляд от тарелки, поднял голову.

– Что, Ксенечка? О чем ты?

– Я видела кровь. – Я наконец сказала то, что мучило меня так долго.

– Где кровь? – Он, казалось, решил, что я спятила.

– В прихожей. Я видела, как Стелла ударилась о стену и кровь...

Красную!

– А сон был черно-белый?

– Да. Странно. Но я действительно видела кровь...

– Я думаю, это не кровь, – сказал, помедлив, Александр.

– А что?

– Не знаю, – он отвел взгляд. – Энергетический выброс... Не знаю.

Это не главное. Главное – что ты увидела, как она умерла.

– Я не видела, как она умерла, – возразила я. – Я не видела, как ее ударили ножом.

– Это ведь ничего не меняет, – полувопросительно сказал он. – Правда? Ты ее увидела...

– Не меняет, – согласилась я.

Глава 19

Возня

Знакомый длинный голубой конверт лежал на столе. Александр увидел его еще с порога. Сунул руку в карман – вчерашнее письмо было на месте. Он вскрыл новое послание, развернул сложенный вдвое листок. Чуть ниже сгиба, совсем как в старом письме, помещались две знакомые строчки: *«Мне очень нужно встретиться с ясновидящим человеком, о котором вы говорили в передаче. Буду ждать завтра у входа в телестудию».*

Александр вытащил из кармана первое письмо, разложил на столе рядом со вторым, уселся в кресло и задумался.

Он, как и вчера, протянул руку к телефону. Снял трубку и задумался. Потом медленно набрал знакомый номер. Капитан Астахов отозвался неприветливо:

- Ну?
- Привет, это я, нужно поговорить, – сказал Александр.
- Очень нужно? – спросил капитан.
- Очень. – Александр непроизвольно понизил голос.
- Через час у тебя! – сказал капитан и отключился.

– Может, кто-то из твоих подопечных, – высказал предположение капитан Астахов, рассмотрев письма самым внимательным образом, держа за уголок и осторожно поворачивая их и так и эдак.

– Моим подопечным незачем писать письма. Им достаточно прийти ко мне и спросить. А этот... непонятно, чего он хочет. Идиотское письмо. Если в первом был какой-то смысл, то в них обоих смысл отсутствовал вообще. Идентичный текст. Снова ни времени, ни даты. И снова никто не видел человека, который его принес. Я почему-то уверен в этом. Единственная разница заключается в том, что второе письмо доставили «на дом», то есть не в вестибюль телестудии, как первое, а прямо на мой письменный стол. Внизу сидит дежурная, стервозная баба, мимо которой и муха не пролетит незамеченной, но вот поди ж ты... Кабинет мой закрывался на ключ, который, уходя, я вешал на стенд. И никогда еще никто не входил в кабинет в мое отсутствие.

– И ты ничего не... чувствуешь? – В голосе капитана прозвучали саркастические нотки. – Ты же у нас экстрасенс.

– Мы с тобой это уже обсуждали, – резко ответил Александр. – Это

все, что ты можешь сказать?

– Нет, не все. Письма я заберу. А ты не спускай глаз со своей подруги. Эти письма мне не нравятся. Как не нравятся всякие бессмысленные трюки, которые некий «икс» берет на себя труд проделать. Спрашивается, зачем?

– Будешь? – спросил Александр, доставая из тумбы стола литровую бутылку «Абсолюта» и два граненых стакана.

– Не откажусь, – вздохнул Астахов. – Хотя и следовало бы. Я давно хотел у тебя спросить, – начал он после недолгой паузы, – откуда такие пролетарские настроения? – И пояснил, отвечая на вопросительный взгляд Урбана: – Граненые стаканы. Неужели их еще штампуют?

– Они тут уже сто лет, – ответил Александр, пожав плечами. – Закусить нечем, переживешь?

– Как это нечем? – Капитан уже доставал из портфеля хлеб в пластиковом пакете и колбасу в яркой упаковке. – Нож есть? Еще бы огурчик, – произнес он мечтательно, принимая из рук приятеля самодельный нож с разноцветной наборной ручкой. – Откуда?

– Подарок, – ответил кратко Александр, не вдаваясь в подробности. Он был занят, разливал водку.

– За все хорошее! – объявил капитан, чокаясь. Выдохнул, потянулся за хлебом. Спросил с набитым ртом: – Давно хотел спросить, а водяра... она как, не влияет на твои способности? Не притупляет?

– А на твои? – ответил, начиная злиться, Александр.

– Притупляет, – признался капитан. – Еще как! Но у меня работа грубая, грязная, не то что у тебя. У нас без этого нельзя. А тебе, может, лучше на ликер перейти? Или на шампанское?

– Заткнись! – ответил Урбан, разливая новую порцию водки в стаканы. – Бери!

– А за что пьем?

– За все хорошее!

– Достойный тост, – похвалил капитан. – Мой любимый. Поехали!

– Ксенечка, можно взять твою машину? – спросил Александр вечером. – Моя на станции техобслуживания. Что-то стучит в моторе.

– Конечно, – ответила я. – Завтра утром заберешь с парковки. Это рядом с работой.

Моя брошенная серебристая «Хонда» почти две недели простояла на парковке, где «Глобал виллидж» абонировал несколько мест. С тех пор как Александр переселился ко мне, машина мне была не нужна. Мне пришлось в

голову, что за все это время я ни разу не ездила на встречу с клиентами, бросив все на бабу Броню, и занималась в основном статистикой и бумагами или бездумно смотрела в окно. Пожалуй, хватит. Хватит! Я вдруг поняла, что соскучилась по «Хонде», по работе. Моя безрадостная физиономия, наверное, уже сказывается на показателях. Незабвенный господин Бьяготти любил повторять: «Свое кислое настроение надо оставлять дома. Никому не нужны твои проблемы, моя девочка. Мне, правда, можешь сказать все. Я твой друг». И Александру пора домой. Я испытала мгновенное чувство радости, представив себе его физиономию... Расстаться? Укол в сердце – нет! Я не хочу расставаться с Александром. Мне просто хочется... сделать ему больно. Не об этом ли говорила Стелла?

Машина оказалась взломанной. В центре города, на оплачиваемой стоянке с дюжим охранником. Он топтался рядом с нами, повторяя, что, блин, не понимает, как же так... в натуре, все время он тут, не отлучался, все было тихо, противоугонка не сработала, может, напарник чего знает... Напарник не знал ничего. Ведь не угнали же, повторял он, спугнули их или побоялись. От обоих несло перегаром. «А чего взяли-то?» – повторял напарник.

Братъ было особенно нечего. Но то небольшое, что лежало в бардачке, неизвестный вывалил на пол. Старые квитанции, блокнот, ручки, перчатки, носовой платок, губная помада, кожаный футляр с визитными карточками, колготки со спущенной петлей – весь этот скарб кучей лежал на сиденье. Всякие пестрые бумажки, хранящиеся за козырьком, теперь опущенным, разлетелись по салону. И, завершая разгром, раной зияла длинная белая поролоновая брешь на спинке водительского сиденья. Как будто человек, не найдя того, на что рассчитывал, не в силах сдержаться, злобно полоснул его ножом...

Я стояла, растерянно рассматривая вздувшийся поролон. Бесмысленность акта вызывала не гнев, а оторопь.

– Ксенечка! – Александр погладил меня по голове. – Успокойся, родная. Это ерунда. Мало ли хулиганов.

– Зачем? Что ему нужно? Деньги? Но он не взял плеер...

– Не успел, – ответил Александр.

– Сирена не сработала, – ответила я. – Ему некуда было спешить...

– Может, Коля проходил мимо, – встрял один из охранников, – или я.

Он... этот... и рванул...

– Ксенечка, иди на работу, я сам разберусь, – сказал Александр, и я ушла.

При моем появлении в предбаннике сотрудники замолчали, и я поняла, что обсуждали меня. Я стала посреди комнаты и сказала:

– Доброе утро, девочки. Я последнее время была не в форме. Но уже все в порядке, жизнь продолжается. Надя, мне нужны цифры за последнюю неделю по филиалам. Оля, Дина, Бронислава Семеновна, пожалуйста, с отчетом. Леночка, сбегай в кафе за кофе и пирожными. Помянем нашу Стеллу. А где Стас?

Они тут же загомонили и забегали. Стас был на месте. Гонял в Интернете за запертой дверью. Кира, как ни странно, еще не появился.

Мы пили кофе и ели пирожные. Я чувствовала благодарность к ним. Даже к Динке, которая меня ненавидела. Сначала все молчали печально.

– За Стеллочку, – сказала баба Броня, поднимая пластмассовый стаканчик с кофе. – Славный человек была наша Стеллочка. И красавица.

Постепенно как-то посветлело вокруг. Кто-то рассмеялся. Надя уронила пирожное на пол. Все так и покатились. Странно, но происшествие с машиной словно встряхнуло меня и вернуло к жизни. В разгар поминок влетел взмыленный Кира.

– Без меня? – заорал он с порога. – Ну, Стас! Ну, козел! – Он схватил стаканчик, налил себе кофе, застыл на миг, выбирая пирожное. Цапнул самое большое. – Хотите анекдот? – спросил невнятно, с набитым ртом. Не дожидаясь приглашения, заорал: – Как сохранить зубы, совет зубного врача! – Он сделал паузу, подогревая наш интерес, и выпалил: – Быть вежливым с окружающими!

Молодняк радостно заржал, а невозмутимая баба Броня спросила:

– Он это посоветовал тебе лично?

– Кто? – не понял Кира.

– Зубной врач!

– Да это прикол такой! При чем тут я?

– Хороший совет, – не унималась баба Броня. – Жизненный. Как раз для тебя.

– Да вы чего, шуток не понимаете? – завопил Кира. – Ну, народ! – Он взмахнул стаканчиком и облился кофе.

– Клоуна не надо, – процедила Динка, не жаловавшая Киру.

– Козел! – фыркнул Стас.

Баба Броня принялась промакивать черную майку Киры салфеткой.

– Фигня! – уворачивался он, наливая себе новую порцию кофе и высматривая новое пирожное. – Все равно не видно.

– Расскажи еще что-нибудь, – попросила Оля, и все расхохотались.

А в это время Александр Урбан и капитан Астахов беседовали в машине Ксении. Уехал криминалист, взявший «пальчики».

– Понимаешь, на письмах одни и те же отпечатки, твои, я думаю, – говорил капитан Александру. – И на конвертах тоже. На первом – отпечатки еще одного человека, видимо, дежурной, которая передала тебе конверт. И все. И моя интуиция подсказывает, что с машиной та же история. Наш невидимка не только совершает бессмысленные поступки, он при этом еще и не оставляет следов. Что ему надо? Если ему нужна встреча, о чем он заявляет в своем письме, то почему он беспокоится об отпечатках пальцев? Почему действует в перчатках? Ведь в его просьбе нет состава преступления.

Александр пожал плечами:

– Заявляет о своем присутствии.

– Именно. Кричит: «Я здесь!» Причем заявляет довольно глупым на первый взгляд образом. Бессмысленно заявляет. Не пугает, не угрожает, ничего не требует.

– Требуется встречи.

– Это несерьезно. В письме ни даты, ни времени. Это не требование, а объявление...

– ...войны?

– Может, и войны. Во всяком случае, принимая во внимание «стерильность», прицел у него дальний. А может, он просто психически неполноценный. Дай мне карты твоих пациентов. Или что там у тебя...

– У меня ничего. Я никогда ничего не записываю, я же не врач.

– Ну да, зачем тебе неприятности с законом. Но хоть имена-то можешь назвать? Подумай и скажи, кто из твоих подопечных способен на такое? Это не чужой. Он знал, где твой кабинет...

– Любой покажет тебе, где мой кабинет.

– Человек, не оставляющий отпечатков пальцев, не будет светиться с вопросами. Он осторожен... Он слишком осторожен для психа. Что-то здесь не то... Я, конечно, не специалист в психиатрии...

– Всякие есть психи. Если у него мания преследования... Но, как бы то ни было, что, по-твоему, ему нужно?

– Не знаю. Пока не знаю. Ладно, посмотрим, – подвел он черту. – Ты береги Ксению. Ты ей говорил о письмах?

– Нет, я не хотел ее пугать. Она после смерти подруги не в себе. И потом, ее сны...

– А что все-таки с этими снами?

– Ты же и сам все знаешь. Она теперь боится ложиться спать. Боится увидеть что-нибудь еще.

– Я-то знаю. То есть не знаю. А ты что думаешь?

– Хочешь, дам книгу о ясновидении?

– Нет у меня времени читать! – с досадой ответил капитан. – И не верю я в эту хрень. У меня и без нее... хватает в жизни впечатлений. Того и гляди крышу снесет. Не мое это, Сашок. Да и скажи я ребятам такое... Слава богу, хоть передачу твою никто не видел про ясновидящего, раскрывающего преступления. Угораздило же тебя! А то мало на нас льют помоев...

* * *

Вечер мы провели в «Белой сове». Удивительно, но за целый день я ни разу не вспомнила об изувеченной машине. Александр посматривал на меня с удивлением. Я хохотала по любому поводу. Мне казались безумно смешными плоские шутки конференсье. Мы заказали шампанское, я пила бокал за бокалом – в зале, несмотря на работающие кондиционеры, было душновато. В итоге я наклюкалась, и когда Александр потянул меня танцевать, оказалось, что ноги меня не держат, это опять вызвало смех. Я хотела рассказать Урбану, что говорил о пьяных женщинах незабвенный господин Бьяготти, как вдруг вспышка белого света ослепила меня. В тысячную долю секунды я увидела две черные фигуры, большую и маленькую, в узком длинном помещении. Большая подминала под себя маленькую. Я видела финал – женщина падала на пол, запрокинув голову, открывая белое горло, и в него впивались жесткие длинные пальцы...

Я стояла, вцепившись в руку Александра, чтобы не упасть. Он легонько тряс меня за плечи, повторяя:

– Что, Ксенечка? Что ты видела?

– Он убил ее, – выговорила я с трудом. – Саша, он убил ее!

– Кто? Ты его рассмотрела? – Он почти кричал.

– Нет... – прошептала я.

– А женщину вы узнали? – допрашивал меня капитан Астахов полчаса спустя.

Он явился прямо в «Сову» и теперь с любопытством озирался. Потом уселся, наклонившись ко мне, так как дым стоял коромыслом и слышать

друг друга было практически невозможно. Не знаю, почему мы не ушли куда-нибудь в более спокойное место. Крики подвыпивших гостей, смех, разухабистая музыка – ничего тут не располагало к серьезному разговору. Видимо, капитан и не относился к происходящему серьезно.

– Нет, – отвечала я в десятый раз. – Никого из них я не узнала.

– То есть получается, что вы видели двух людей, мужчину и женщину, – подводил итог капитан. – И мужчина душил женщину. И вы говорите, что они вам незнакомы, так?

– Так. Мужчина собирался душить женщину. Он протянул к ней руки. Я не могу сказать, что они мне незнакомы. Я не видела их лиц. Они стояли ко мне спиной. Она оглянулась... но волосы закрывали лицо...

– Они никого вам не напомнили? Из знакомых? Возможно, людей, виденных раньше? Силуэт, жест, какая-нибудь деталь одежды?

– Нет... кажется.

– И вся эта... все это происходило в узком помещении. Что значит «узком»? На что похоже это помещение?

Я задумалась. Место выглядело знакомым. Пустое, узкое, с окном вверху... Мужчина казался неестественно высоким, а женщина неестественно маленькой.

– Подвал? – допытывался капитан. – Там было темно? Что значит – неестественно высоким? Высокого роста?

– Очень высоким, – отвечала я беспомощно. – Слишком высоким.

– На ходулях?

– Нет!

– Как он был одет? – сделал новый заход капитан.

– Не знаю. Свет бил мне в глаза. Эти люди находились между мной и окном. Никаких деталей я не видела, только черные фигуры.

– Черные? В черной одежде? – Кажется, капитан пытался меня поймать.

– Не знаю. Все было черно-белым... и свет бил в глаза.

– Чем закончилась... – он замаялся, не зная, как это назвать. – ... закончилось это видение? – нашелся капитан.

– Он задушил ее... наверное... – в десятый раз повторила я.

– Вы видели, как женщина упала?

– Нет.

– Понятно. – Он помолчал значительно, шаря глазами по сцене, где задирала ноги выше головы сдобная полураздетая девица. – Значит, некто очень большого роста, предположительно мужчина, душил женщину очень маленького роста... Может, ребенка, девочку?

– Нет, это была женщина.

– И снова никаких деталей, ассоциаций, сходства. Ничего. Единственный прогресс – очередное видение явилось не во сне, а наяву, – окончательно подвел черту капитан, с трудом удерживая саркастические нотки в голосе. А может, и не пытаюсь удерживать. – Наяву и после шампанского.

Это было слишком даже для Александра. Он, неподвижный до сих пор, шевельнулся. Я поднялась, резко отодвинув стул, и отчеканила в бешенстве, которое взорвалось во мне, как бомба:

– Вы мне надоели. Оба. Я ничего вам больше не скажу и не буду отвечать на ваши дурацкие вопросы. И не хочу вас видеть. Никогда! Слышите, никогда!

Я неловко шагнула прочь. Ударившись коленом о стул, зашипела от боли. Александр дернулся было за мной, но как-то неуверенно. Капитан смотрел с кривой ухмылкой, видимо, подозревая злой умысел или игру. «Все! Все! Все!» – стучало внутри моей бедной головы, и мне казалось, она вот-вот разлетится вдребезги от напряжения.

Я прошла через длинный зал «Совы», ожидая, что Александр бросится следом, попытается остановить, и тогда я смогу со злобной радостью сказать ему: «Нет!» Или еще что-нибудь... унижить и растоптать его... при всех! Но он остался на месте. Они оба остались: проклятый колдун и капитан с кривой ухмылкой! Никто из них не поспешил меня остановить. Ну и не надо! П-шли вон! Оба!

Я вылетела в осеннюю ночь и помчалась по улице, не соображая куда. Прохожих было немного. Я, как рыба на суше, заглатывала холодный воздух, оглушительно пахнувший палыми листьями и сыростью – ностальгическими запахами осени. Мне пришло в голову, что хорошо бы сейчас оказаться на Мальте, безмятежной, любимой Мальте, где вечная весна, каждый полдень переходящая в лето, два пестрых каменных города в резких переходах светотени, пропитанные неистребимым духом рыцарства. И незабвенный господин Бьяготти, мой рыцарь...

Я рассказала бы ему обо всем, и он бы меня утешил... Мы сидели бы за столиком в ресторанчике «У Ричарда Львиное Сердце», под громадным пятнистым платаном, тянули бы холодное белое «бордо». Господин Бьяготти положил бы свою руку в коричневых пятнах и с бесцветным лаком на железных птичьих когтях на мою... Нам было бы уютно вдвоем... Я даже заплакала от умиления, представив себе эту картину. Мне пришло в голову, что я могу взять отпуск и рвануть на Мальту. Вот только пусть вернется Роман! Рвануть от осени, скорых дождей, от Александра Урбана и

капитана. Слезы текли по моему лицу, я слизывала их языком в уголках рта, чувствуя соль и горечь. То ли от мыслей о господине Бьяготти, то ли от слез мне стало легче...

Я махнула призывно, и желтое такси, вырвавшись из автомобильного конвейера, тут же вильнуло в мою сторону.

Глава 20

Ускорение

Такси уехало, и я осталась одна в пустом темном дворе. Оглянувшись по сторонам, я потыкала в кнопки пульта, но механизм не сработал – дверь подъезда не открылась. Я, начиная нервничать, повторила попытку. На сей раз внутри щелкнуло, и дверь медленно поддалась. Я юркнула внутрь и с облегчением перевела дух. В подъезде пахло затхлостью закрытого помещения. Я нажала на кнопку лифта, но не почувствовала ответной дрожи машины, оживающей где-то наверху и спешащей на зов. Лифт не работал. Я чертыхнулась и пнула носком туфли ступеньку. Постояла немного и стала подниматься, стараясь ступать бесшумно, чутко прислушиваясь к мертвой тишине подъезда.

Шорох из темного закутка на площадке третьего этажа заставил меня остановиться. Я стояла на лестнице между вторым и третьим этажом, затаив дыхание, прижимая сумочку к груди, до боли в глазах всматриваясь в черную дыру. Во рту мгновенно пересохло, колени подогнулись. Еще миг, и я опускаюсь на ступеньки... Шорох повторился – там кто-то был! И вдруг я поняла... Я поняла! Узкое пустое помещение из моего видения было лестничной площадкой! Мужчина казался неестественно высоким, потому что находился на ступеньках выше, чем женщина. Она спускалась по лестнице, а он нагонял ее сзади...

Мне казалось, я превратилась в липкий, жаркий, бессмысленный комок плоти, пронизанный ужасом. Острые колючки впились в затылок, сердце ухнуло куда-то вниз... Черная дыра притягивала меня, как магнит. Она звала. Я испытывала нарастающее желание ступить туда, в темноту...

Секунду спустя я, спотыкаясь, летела на свой этаж, спиной ощущая прицельный взгляд черной дыры. Дрожащими руками нашарив в сумочке ключ, отперла дверь, захлопнула ее за собой и опустилась на пол, привалившись к ней спиной. Господи, как же мне было плохо! Руки тряслись, желудок сжался, грозя извергнуться наружу, мокрую спину пробирало ледяным холодом от металлической двери...

Прошла минута, другая. Кто бы ни хоронился в черной дыре – он, видимо, не последовал за мной. С площадки не доносилось ни звука. Мой обостренный слух не смог уловить ни малейшего движения за дверью. Тишина звенела, как натянутая струна, – монотонно, на одной ноте, и ничто не нарушало ее...

В картинке, как в мозаике, все встало на свои места. Узкое помещение было не чем иным, как подъездом. Какой-то мужчина убивал там неизвестную женщину. Шевельнулась вялая мысль позвонить капитану, но я задушила ее в зародыше. Я ведь все равно не знаю этих людей. Продолжая сидеть на полу, я сбросила туфли и стащила с себя жакет. По мере того как я приходила в себя, крепла мысль о Мальте. Вырваться хоть на неделю... Остров казался мне раем земным, где разлиты покой и радость, и незабвенный господин Бьяготти приветливо машет рукой, сидя в зеленой тени платана за столиком ресторанчика «У Ричарда Львиное Сердце»...

Почти всю ночь я выгребала из шкафов и ящичков яркие летние вещи, купальники и сандалии. Мысль отправиться на Мальту нравилась мне все больше и больше. Я видела себя беззаботно бредущей по каменным улочкам Ла-Валетты, перекинув полотняную торбу через плечо. Я останавливалась у лотков веселых уличных торговцев, рассматривала их пестрый товар – майки, сумочки, шарфы и дешевую яркую бижутерию. А господин Бьяготти с неизменной сигарой уже ждал меня в тени старого платана...

Уснула я только под утро и, разумеется, проспала. Квартира без Александра выглядела пустой. Он даже не позвонил. Наскоро сварив кофе и выпив его без всякого удовольствия, что уже становилось привычным, я вылетела из дома. Схватила такси и попросила отвезти меня на кладбище. Уже в машине я хотела позвонить на работу и сказать, что опоздаю, но мобильного телефона в сумочке не нашла. Он остался на тумбочке у кровати: я положила его туда, чтобы был под рукой – надеялась, что позвонит Александр.

Купив желтых роз у кладбищенских торговцев, я пошла к Стелле. Могилу уже почистили, убрав горы увядших живых цветов. Сейчас здесь оставались только бумажные венки, через которые просвечивала влажная ржавая земля, и свежие лилии на длинных стеблях в банке. Я воткнула свои розы в банку к лилиям, расправила, отошла. На временном памятнике – черной деревянной пирамидке – серебряной краской написано ее имя, годы рождения и смерти. Время, не остановившись, тикало дальше, отбрасывая назад секунды, минуты и столетия.

«Две недели», – тикало время. «Две недели два часа и тридцать минут... Тридцать одна минута, тридцать две, тридцать три...»

– Привет, Стеллочка, – сказала я. – Привет, моя хорошая. Если бы ты знала, как мне тебя не хватает!

Дохнул ветерок, и повеяло сладко от лилий и роз. За две прошедшие недели добавилось желтых листьев на окрестных кустах. Тишина стояла вокруг, только чуть шуршала сухая, побуревшая трава. Сюда почти не долетали звуки города.

– Я уезжаю на Мальту, – сказала я негромко. – Хочу начать жизнь сначала. Ты когда-то уплыла в Средиземное море, а я удираю на Мальту, которая тоже там. Ты была права, Стеллочка. Ничего хорошего у меня с ним не получилось. Ничего. Не скучай. Я приду, когда вернусь. Привезу тебе что-нибудь оттуда. Голубую ракушку...

У здания, где помещалась наша компания, стояли две милицейские машины, в вестибюле суетились чужие люди.

– Нельзя! – преградил мне путь пожилой опер.

– Я здесь работаю, – ответила я. – Что случилось?

Он не ответил, посторонившись и пропустив меня, и я поднялась на свой этаж. Первым человеком, который приветствовал меня в нашем предбаннике, оказался капитан Астахов.

– Ксения Валентиновна! – Он низко поклонился мне, приложив руки к сердцу. – Давненько не виделись! Как жизнь?

– Что случилось? – спросила я, не ответив на приветствие.

– А вы не знаете? – В его тоне послышалась издевка.

– Послушайте, мне ваши загадки не нравятся...

– Я вам тоже не нравлюсь, – перебил он.

– Не нравитесь! И я не делаю из этого тайны. Почему вы здесь?

Он оглянулся. Только сейчас я заметила своих подчиненных – заплаканную Олю, мрачную бабу Броню, бледного испуганного Стаса. Они молча смотрели на меня.

– Что? – закричала я.

– Ваша сотрудница Диана Стрельникова найдена убитой сегодня утром, – официально сказал капитан. – Идемте к вам, Ксения Валентиновна, поговорим. Если вы, разумеется, не против.

Динка? Маленькая стервочка Динка убита? Эта поганка? Кому она нужна? Мысль, что кто-то убил ее, казалась мне абсурдной. Если бы убили Олю... красивую, острую на язык, с сомнительными знакомствами... я бы еще поняла, но Динку?

В восемь утра ее тело нашли в кладовой на третьем этаже черной лестницы, где держат всякий ненужный хлам, который жалко выбросить. Динка была задушена. Произошло это, по всей видимости, еще вчера. Черной лестницей практически не пользуются, и поэтому труп нашли

только сегодня. Нашел ответственный за пожарное состояние здания. Сунулся в кладовку, а там...

Капитана интересовало все: что за человек была жертва, с кем дружила, когда вчера ушла с работы.

– Как... это произошло? – бледно поинтересовалась я.

– Убийца ожидал ее на лестничной площадке третьего этажа, – ответил он, разглядывая меня. – В узком помещении с окном наверху. Потом перенес ее тело в кладовую там же. Вы когда-нибудь бывали на черной лестнице, Ксения Валентиновна?

Я кивнула. Один раз во время пожарной тревоги.

– Ее задушили, по-видимому, руками... – Он пристально смотрел на меня, и под его взглядом я почувствовала себя неуютно.

Сотрудники уже рассказали ему все, что знали о Динке. Я ничего не могла добавить. Я ничего о ней не знала, кроме того, что она спала с Романом, о чем рассказывать капитану я не собиралась. Другие скажут. Я понятия не имею, когда она ушла с работы. Агентство работает до шести. Но желающие могут ускользнуть раньше – нужно только договориться с коллегой о прикрытии.

– Когда вы ушли вчера с работы? – спросил он наконец, насмотревшись на меня всласть.

Я так растерялась, что не смогла ответить сразу. Я не помнила, когда ушла с работы. Александр заехал за мной, кажется, около семи... Во взгляде капитана стыло подозрение. Помолчав, он предложил:

– Пойдемте посмотрим, это ли помещение вы видели...

Помещение оказалось то самое. Узкая пустая клетка с серыми стенами, длинное горизонтальное окно наверху. Когда убийца протянул к ней руки, Динка стояла на пару ступенек ниже. Она, услышав шум за спиной, обернулась, запрокинула голову, стараясь рассмотреть его, открыв незащитное горло... Именно в этот миг я их и увидела...

– Почему она оказалась на черной лестнице? – спросил капитан. – Почему не ушла через вестибюль?

– Видимо, удрала с работы раньше и не хотела, чтобы ее заметили. Дверь на черную лестницу находится рядом с дверью офиса. Очень удобно – нырнул туда и исчез.

– Дисциплинка у вас, – заметил он. – А что там делал убийца?

Я пожалала плечами. Оказалось, он спрашивал не столько меня, сколько выражал мысли вслух. Рассуждал.

– Кто мог знать, что она пошла на черную лестницу?

– Тот, кто ее прикрывал, – ответила я.

– Ага! Резонно.

Мы вернулись в мой кабинет, который он временно превратил в свой, о чем и объявил сотрудникам. И добавил, что выслушал их всех коллективно, а теперь приглашает к себе по очереди, то есть индивидуально, так как хочет побеседовать с каждым лично, если они не возражают. То есть пока не к себе, а в кабинет Ксении Валентиновны. Они не возражали, по-прежнему стоя у стены растерянной кучкой. Во всяком случае, вслух не возражали.

Вопросы его били в одну точку – кого Диана Стрельникова попросила расписаться вместо себя в журнале в конце рабочего дня и в случае чего объяснить, что она только что вышла и вот-вот вернется? И по какой такой причине она вчера ушла с работы раньше положенного? Он считал, что тот, кто прикрывал преступницу, вполне мог знать и причину, так как отношения между ними были вполне доверительными.

Так оно и оказалось. Оля призналась, что Динке кто-то позвонил, после чего она, страшно возбужденная, попросила ее, Олю, об услуге...

– Если бы я знала, – повторяла Ольга, бледнея под неодобрительным взглядом капитана. – Если бы я только знала... Я понятия не имею, кто ей звонил, честное слово!

Около полудня капитан наконец подбил бабки и вернул мне кабинет. На мой вопросительный взгляд сообщил, что картина ему более или менее ясна. Жертве позвонили и вызвали на свидание. Видимо, мужчина – уж очень она возбудилась. Я подумала, что если бы позвонила подружка и предложила какую-нибудь тряпку, то Динка возбудилась бы не меньше, а то и больше. Но оставила свое мнение при себе.

Вопрос в том, продолжал капитан, был ли это один и тот же персонаж – позвонивший и убийца. Тут нужно еще работать. Может, один, а может, совпадение. Тогда возникает вопрос: что убийца делал на лестнице? Возможно, занимался чем-нибудь противозаконным, а жертва увидела. Нет, перебил он себя, не получается. Он, скорее всего, прятался в нише на лестничной площадке. Пропустив жертву вперед, убийца последовал за ней. Он ожидал там... кого-то. Необязательно жертву. Хотя, может, и ее.

Если кратко, уже можно выстраивать две версии, с упоением рассуждал капитан. Первая: жертве позвонили, вызвали, устроили засаду и убили. Умысел налицо. И вторая: это случайность. Звонил один, ожидал другой, и необязательно именно... ее... жертву. Если разрабатывать первую версию, то нужно искать человека, знакомого с вашими... Он замялся, подыскивая слово. С вашими... служебными нравами. Того, кто довольно часто крутится вокруг. Кто знал, что жертва побежит на черную лестницу.

Мой слух резало слово «жертва» – бедная Динка уже не имела имени. Возможно, капитан даже не помнил его. Он рассуждал об убийстве, как будто решал головоломку, как господин Бьяготти в свое время, расставляя пластмассовых человечков в детективной игре.

«Мужчины и их игры!» – подумала я, с отвращением глядя на капитана.

– Послушайте, сказал он напоследок, а этот ваш паренек... Стас, кажется, между ними что-нибудь было?

Вопрос абсолютно дурацкий, принимая во внимание отношения жертвы... тьфу! Динки и шефа, и я абсолютно уверена, что капитану об этом уже известно. Я пожала плечами и ответила, что Стаса интересует только Интернет. Он инфантилен, маменькин сынок, социально неразвит. Но программист классный.

Меня несколько удивляло, что капитан взял со мной такой доверительный тон, выбалтывая свои оперативные мысли. Казалось, его прежний сарказм испарился и он чуть ли не записал меня в свои помощники, в эдакого доктора Ватсона. Если бы... Если бы не испытующий взгляд, которым он время от времени пронзал меня, проследившая мою реакцию на то или иное свое предположение. Похоже, капитан ставил эксперимент под сложным названием: « *Обманчивая искренность опытного следователя в целях усыпления бдительности потенциального преступника* ». Хотя, возможно, я ошибалась. Потом он небрежно спросил о друзьях программиста, и я поняла, что ему уже известно про Киру. Кирилла Колодко, дружка нашего Стаса.

Под занавес капитан заметил, что звонок они «отследят», это, возможно, ниточка, если, конечно, звонили не из автомата. Если все-таки из автомата, то это вполне может говорить о желании не оставлять следов, с одной стороны, а с другой – может быть опять-таки простой случайностью. Люди по-прежнему пользуются таксофонами, хотя и в меньшей степени, принимая во внимание технологический прогресс.

Я промолчала, никак не поощрив дискуссию о технологическом прогрессе. Наконец он распрощался, разочарованно, как мне показалось, попросив звонить ему в случае чего, не стесняться. Если я снова увижу что-нибудь... интересное. Выпустив эту парфянскую стрелу, капитан удалился.

Сразу же после его ухода Оля зашла ко мне в кабинет, с виноватым видом встала у двери.

– Ксения Валентиновна, – произнесла она умоляюще. – Честное слово... вы не подумайте! Я ей сказала, в последний раз! – Фраза

прозвучала двусмысленно, и Ольга, издав негромкое «ах», зажала рот рукой.

– Сядь, Оля, – предложила я. – Успокойся. Расскажи лучше про Густава. Как ваш пикник в деревне?

Я чувствовала себя как выжатый лимон после сеанса с капитаном, и мне не хотелось оставаться наедине со своими мыслями.

– Хорошо! – мгновенно просияла девушка. – Очень хорошо. Густав... Густав... такой! – Она приложила руки к груди. – Вы себе не представляете! Он поехал домой за мальчиком. Спрашивал, как я с детьми... Представляете, он переживает, что его сын может мне не понравиться! Малышу четыре года, чудный малыш, беленький такой, видимо, в мать. Смотрите!

Она достала из кармана жакета тонкий пластиковый пакетик, протянула мне. Внутри была цветная фотография мальчика с белыми волосами, круглым носиком и оттопыренными ушами. В руках мальчик держал розового плюшевого медведя. Смотрел застенчиво, улыбался.

– Чудесный ребенок, – сказала я. – Как его зовут?

– Эрик. Он уже знает буквы и считает до ста, – ответила она с материнской гордостью и спрятала фотографию в карман.

Оля еще что-то говорила, а я смотрела на нее, едва слыша, и думала, что жизнь продолжается. Она всегда продолжается. После землетрясения, цунами, гибели любимых. И полосы чередуются – черная, белая, снова черная и снова белая. В жизни Оли – белая полоса, в моей... тоже полоса, новая, неизвестно какого цвета. И только в жизни Динки полоса была черная. Вернее, жизни уже не было, а только жирная черная бесконечная полоса. Прочерк... Да, нет, не была, не состояла... Прочерк.

Как ни удивительно, но мне удалось отвлечься, и день пролетел довольно быстро. И только вечером я задала себе вопрос, почему не позвонил Урбан. Тут зазвонил телефон. Это был Александр, словно подслушавший мои мысли.

– Привет! – сказал он, и голос его звучал неуверенно. – Николай звонил мне, я в курсе... Как ты?

Николай – видимо, капитан Астахов. Друг-капитан. Просто удивительно, сколь трогательная дружба связывает этих людей, таких разных. Коля. Дружбан Колян. Я чувствовала, как закипает во мне желание противоречить каждому слову Александра.

– Хорошо, – ответила я, сдерживаясь. – Что у тебя?

– Ничего, – ответил он все так же неуверенно. – Я тебя встречу?

Я даже задрожала от злобной радости и глубоко вдохнула, как перед прыжком в воду. Демонизм Александра рассеивался как утренний туман. Сказала, как ударила:

– Нет.

– Почему? – Он, кажется, испугался. – Я тебя обидел чем-нибудь?

– Мне нужно собраться. Я уезжаю на Мальту.

– А капитан Астахов знает? – спросил этот супермен-экстрасенс.

Глупее вопроса и не придумаешь.

Я не стала отвечать и положила трубку. Вот и вся любовь.

Глава 21

Мысли

По дороге домой я зашла в церковь поставить свечку. За бабушку и всех остальных. И заодно поговорить с ней. Для этого, правда, необязательно заходить в церковь. Она просто попалась мне на глаза. Раньше я ее не видела, хотя бывала в этом районе довольно часто. Церковь была небольшая, пряталась в глубине не то сада, не то парка и утопала в цветах, слегка поникших от ранних ночных холодов.

– Бабушка, – прошептала я, зажигая темно-желтую длинную свечку от горячей и втыкая ее в песок, – это случилось! То, о чем ты предупреждала. При свидетелях... – Я оглянулась, мне вдруг почудились шаги. Но церковь была пуста – лишь в углу возилась какая-то старуха да за прилавком со свечами и иконками дремала женщина средних лет. Я перевела дух. – Бабулечка... ты здесь? Это случилось уже три раза, я не сумела скрыть, и... и... мне страшно! Что же теперь делать?

Пламя мигнуло – сквознячок пролетел, теплым дунуло в лицо. Я снова оглянулась. В церкви стояли густые сумерки. Пахло тлением и воском, едва слышно потрескивали свечи. Святые внимательно смотрели на меня, и огоньки свечей дрожали в их глазах.

Легкий шорох заставил меня вздрогнуть. Он доносился сверху, и я задрала голову, пытаясь рассмотреть, что там. Под куполом, далеко в вышине, среди бледных фресок кругами вился белый голубь. Я, как зачарованная, смотрела на его движения и очень скоро поняла, что бедная птица не получает ни малейшего удовольствия от своего полета. Голубь не летал, а метался. Он стремился наружу – в его понятии это значило вверх. Он не догадывался, что нужно, наоборот, спуститься вниз и вылететь через раскрытую дверь, которая светила маяком во мраке. И никто не мог помочь, и не было выхода.

Утомившись, голубь сел на карниз. Мне казалось, он смотрит на меня.

– Спасибо, бабушка, – прошептала я. – Я поняла. Не буду виться кругами, буду искать дверь. Я постараюсь...

Выйдя из церкви, я медленно побрела домой, раздумывая о своей жизни, сделавшей внезапный крен. Чувство ожидания не покидало меня. Моя «сущность», выбившись из повиновения, выкидывала странные кульбиты, а мне оставалось только ждать с трепетом, что же будет дальше. В древних глубинах прасознания, повинуюсь неизвестно кем данной

команде, проснулось спящее мертвым сном шестое чувство. Или седьмое. Или седьмое с половиной. И я, временный жилец и временный пользователь духа и генетической начинки, переживала все последствия неожиданного и непрошеного «включения».

Дома было пусто. Реклама перегорела, и комната без привычного красноватого цвета выглядела чужой. Бесцельно похаживая по квартире, стараясь неизвестно зачем ступать бесшумно, я опустилась на кушетку. Как я ни избегала думать об этом, видимо, никуда не денешься. «Подобьем бабки» (я вспомнила капитана) и подумаем, как жить дальше. Итак, что мы имеем налицо? Или в натуре?

По неопытности и... Ладно, чего уж там! Желая произвести впечатление на Александра Урбана – вот, мол, ты – экстрасенс, и я тоже где-то рядом, я, дуруха, засветилась со своим даром. А бабушка ведь предупреждала! «Не только, – одернул меня строгий внутренний голос. – Не только по неопытности! Ты испугалась. И тебе, как всякому нормальному человеческому существу, захотелось, чтобы тебя взяли за руку, погладили по головке и утешили. Не кто иной, как Александр. Ты разрешила ему быть старшим в вашей команде. Ты склонила голову, признавая его старшинство. Ты хотела ему понравиться. Да, да, да, и не спорь!» – «Не спорю, – ответила я, – все верно. Все так и есть».

Это если смотреть на события с моей колокольни, раздумывала я дальше. Я, мне, моя колокольня... Мне обломился непрошенный дар – и что дальше? Смолчать, как велела бабушка? Увы, не всякий человек может смолчать, видя, как совершается убийство. Чтобы не сойти с ума, он должен поделиться с кем-то. С Александром, с капитаном Астаховым, с соседкой. С кем угодно, иначе психушка в перспективе. Те, кто всучил мне этот подарок, прекрасно знали, что утаить его невозможно. И бабушка, давая мудрый совет, скорее всего тоже знала. Это талант, и зарыть его в землю не удастся. Непрошенный, ненужный, обременительный, а куда денешься?

Зайдем с другой стороны. Какой в этом смысл? Чего от меня хотят? Чтобы я раскрывала убийства? Помогала правоохранительным органам? Подвергалась скепсису капитана и дурному любопытству толпы? Отрабатывала карму?

Мне едва не стало дурно при мысли, что рано или поздно обо мне узнает широкая общественность. Что тогда начнется! Люди понесут мне свои беды, тайны и страхи. Негодяй Урбан сделал первый шаг, рассказав обо мне в своей передаче. Мне казалось, я уже слышу крики «ату ее!».

«Так, спокойно! Без паники!» – приказала я себе. Что, собственно, произошло? А произошло то, что я увидела картинку-вспышку убийства... Стоп! Мне впервые пришло в голову, что убийства-то я и не видела. В первый раз я видела сон: я бежала по лесу, смеялась и звала кого-то, кто бежал следом. Серебряный перстень я увидела, когда Александр стал задавать мне вопросы...

Затем я увидела отшатнувшуюся Стеллу и красные брызги на стене, которые приняла за кровь. А в третий раз – мужчину и женщину на лестничной площадке... Но я не видела самого убийства, per se, так сказать. Мои картинки скорее предшествовали убийству. Я видела сцену за минуту, а то и меньше, до финала и чувствовала при этом страх и тоску.

И еще была странность... Две первые картинки я увидела во сне, третью наяву. В первый раз я перевоплотилась в жертву. Я помню, как бежала по лесу и ветки цеплялись за мои длинные волосы, помню холодную черную воду озера, дыхание за спиной. Формат восприятия менялся – каждый раз он был другим.

Каждая картинка была другой!

И еще одна мысль пришла мне в голову – я видела три убийства. Три! Почему только три? В городе за это время их случилось много больше. Почему именно эти три? Я не спрашиваюсь, боже упаси, но просто интересно. Чем они отличаются от других? Что их связывает? Или следует спросить, что связывает их со мной? Первую жертву, легкомысленную молодую женщину с Черного озера, я никогда в жизни не видела. Никого из ее компании не знаю.

Стелла... Случай со Стеллой можно хотя бы объяснить, пусть с натяжкой, – мы дружили, были близки. Я почувствовала ее боль и отчаяние. Это, конечно, не объяснение, но за неимением лучшего...

Динка работала со мной. Мы были не близки, а совсем наоборот. «Лучше бы я ее уволила», – подумала я. Я похожа на приемник, ловящий сигналы лишь на определенной частоте. В каком-то детективном романе жертве вставили зубную пломбу с радиоприемником. Перед моим мысленным взором появилась старинная бабушкина радиола «Латвия». Деловито мигая зелеными огоньками и потрескивая, она принимала радиоволны со всех концов земного шара и превращала их в человеческую речь и музыку. На долгую секунду я превратилась в приемник, и волны, щекоча, бились внутри меня. С трудом освободилась я от наваждения... Хватит!

Я опять не спала всю ночь. Вы ни за что не догадаетесь, чем я

занималась. Я разбирала чемодан, упакованный прошлой ночью. Подъем мой прошел, и на Мальту мне больше не хотелось. Я не верила, что она существует – лежит посреди Средиземного моря, искрясь на солнце; не верила, что под платаном сидит и ждет меня безмятежный господин Бьяготти, покачивая головой. Мне казалось, вокруг меня образовался вакуум, водоворот, воронка, в которой исчезали люди, мысли и поступки.

Вопросов было много, ответов – ни одного! И самый главный: как жить дальше? Жизнь впереди казалась безрадостной и страшной. Я представила себе, как бреду неизвестно куда по разбитой безлюдной дороге, а в воздухе быстро сгущаются сумерки...

Почему я? Я вдруг вспомнила, как Александр сравнил меня с человеком, нашедшим золотую монету. Только то, что я нашла, было не монетой. И золотом это не назовешь. Это скорее закрытая шкатулка, и внутри что-то гремит и перекачивается, а ключ давно потерялся. Можно лишь строить фантастические предположения о том, что там спрятано. И выбросить нельзя, и отдать никому нельзя... Ничего нельзя...

Я уже жалела, что бросила трубку, не желая разговаривать с Александром. Затмение нашло. Он-то каким боком? Мне стало стыдно. Если б Урбан был со мной, он с его опытом сумел бы найти объяснение... Хоть какое-то. Он больше знает об этих вещах. Я вспомнила, как он успокаивал меня, как повторял: «Ксенечка, не нужно бояться», и мне стало еще горше. Даже если бы он сидел молча и держал меня за руку, мне было бы легче. Я вспомнила голубя из церкви, его бессмысленный и безнадежный полет... Вот прицепилось! То я кажусь себе приемником «Латвия», то заблудившимся голубем.

– Позвони! – взмолилась я. – Пожалуйста! Я больше не буду. Ты мне нужен!

Был еще капитан Астахов – материалист, не верящий в чудеса. Я беспокоила капитана – его прагматизм отвергал меня, а суеверие, загнанное глубоко в подполье, бубнило под нос и сучило ножками. «А ведь было, – бубнило суеверие. – Было же! А может, и правда что-то в этом есть... хоть чуть-чуть... а?»

Мне казалось, я коверкаю жизнь капитану.

Я уснула сразу и проспала до самого утра. И в эту ночь мне ничего не снилось.

* * *

А капитан Астахов, материалист и диалектик, в тот вечер допоздна засиделся с друзьями в маленьком баре «Тутси», где, как правило, собирались только свои.

Друзей было двое: Федор Алексеев и Савелий Зотов. То есть сначала пришел Алексеев, бывший коллега капитана, тоже капитан, сменивший военный мундир на академическую тогу, образно выражаясь, и преподающий философию в местном педагогическом университете. И только потом примчался взмыленный Савелий Зотов – главный редактор местного издательства «Арт нуво», и плюхнулся на свободный стул.

– Кто это? – Капитан Астахов с изумлением уставился на Федора. Тот пожал плечами.

– Ребята, вы чего? – Савелий смотрел на друзей своими небольшими, близко посаженными глазами. – Сердитесь? Честное слово, не мог раньше.

– Вроде похож на Савелия, – продолжал неуверенно капитан Астахов. – Но прическа другая...

Зотов немедленно прикрыл лысину ладонью и побагровел. Еще недавно у него действительно была другая прическа. Он маскировал лысину жидкими прядями пегих волос, зачесывая их справа налево. Но потом молодая жена убедила Савелия, что лысина его совсем не портит, и... вот! Ему казалось, что всем только и дела что до его новой прически, и он страшно стеснялся. Особенно беспокоил его невоспитанный капитан Астахов, который с легкостью необыкновенной мог сказать любую гадость.

– Это Зотов, – заступился за редактора Федор. – Прекрасно выглядишь, Савелий. Мужественно, без неуместного кокетства. Результаты социологических опросов говорят, что женщинам очень нравятся лысые мужчины – за солидность и надежность. И вообще, ученые доказали, что волосы вылазят от переизбытка гормонов... тех самых! Поздравляю. На Кольку не обращай внимания, у него жизнь сам знаешь какая. Как гласит восточная мудрость – если собака кусается, значит, в прошлой жизни она была человеком. Как жена, Савелий? Дети?

Зотов расцвел. Свою жену Зосю он обожал, равно как и двоих детей – двухлетнюю девочку Настю и годовалого Кирилла. Он уже собирался подробно ответить на вопрос Федора, но грубый капитан Астахов его перебил.

– Савелий, – обратился он к другу, – ты у нас книжный червь, ты все книжки прогрыз, вот ответь мне, простому менту, что такое «ясновидение».

– Ясновидение? – удивился Савелий. – А что?

– В каком смысле «а что»? – уточнил капитан.

– Ну... зачем это тебе?

– Мне не нужно. По мне, так лучше бы его вообще не было. Отвечай давай, не вилай. Что такое «ясновидение»?

Савелий был хорошим редактором, но никудышным оратором. Иногда, правда, он увлекался и выражал мысли довольно связно.

– Ясновидение... – повторил он задумчиво. – А почему не Федор... он же философ?

– Федор уже отстрелялся, – ответил Астахов. – Теперь ты. Что говорится о ясновидении в популярной литературе и дамских романах?

– Ну, это... вроде телепатии, – начал Савелий. – Вот, например, малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона... мы выпустили в январе... говорит, что это способность... э-э-э... лица воспринимать без помощи органов чувств... все! Вне, так сказать, условий времени и пространства. То есть видеть прошлое и угадывать будущее. Но... – Савелий поднял указательный палец, призывая к вниманию. – Все опыты над сомнамбулами и... э-э-э... людьми в состоянии... гипноза не подтвердили возможности ясновидения.

– Значит, оно не существует?

– Это было написано в конце позапрошлого века, кажется, в тысяча восемьсот...

– Неважно! – перебил Астахов. – А мыслей посвежее у тебя нет?

– Вот «Большая советская энциклопедия»...

– А еще свежее?

– «Большая советская энциклопедия» – новое издание, – сказал укоризненно Савелий. – Они просто название оставили. Там говорится, что это сверхъестественная способность предугадывать будущее...

– Ты что, все энциклопедии на память знаешь? Так, значит, существует?

– Ну, просматриваю... кое-что запоминается. Там сказано, в мистических представлениях... ясновидение...

– То есть не существует?

– Сотни свидетелей говорят, что существует.

– Насчет свидетелей не надо, я эту публику знаю. Давай кого-нибудь из мира науки, с именем. Хоть одного, но знаменитого. И сразу закроем тему.

– Не знаю, не видел, – расстроился Савелий. – Я могу посмотреть... в Интернете...

– В Интернете я уже смотрел. Там в основном адреса экстрасенсов. А меня интересует четкий ответ на четко поставленный вопрос. Да или нет.

– А зачем тебе?

– Николай столкнулся с явлением ясновидения, – встрял Федор. – И не

знает, верить или нет.

– Как это... ясновидения? – заинтересовался Савелий. – Где?

– В оперативной практике. И не знает теперь, что делать.

– Ладно, – оборвал друга Астахов. – Я знаю, что делать. Просто интересно послушать... умных людей.

– А... что случилось? – снова спросил Зотов.

– Произошло три убийства, Савелий, – принялся объяснять Федор. – И все три увидела одна молодая женщина.

– Как увидела?

– Во сне. Правда! – сказал он, видя недоверчивое выражение на лице Зотова. – Во сне.

– Два во сне, – уточнил капитан Астахов. – Одно наяву. После бутылки шампанского.

– Целой бутылки? – поразился старомодный Савелий. – Она что, пьющая?

– А кто сейчас не пьющий? – спросил в свою очередь капитан. – У меня есть знакомый экстрасенс, человек тонкий и нервный, так мы с ним пили водяру из граненых стаканов. Я еще спросил: а на его свойствах не отразится?

– Подожди... – Савелий разволновался. – А кого убили?

– Убили трех женщин...

– Как? – выдохнул Зотов. – Кто?

– Одну из них убила женщина... – сказал Федор. – Да и неважно это, Савелий. Важно то, что некая молодая женщина увидела сон про убийство. Она никого из них не знала, по ее словам, – ни жертву, ни убийцу, но почему-то увидела это во сне. Ее друг, подозреваю, тот самый экстрасенс, который глушит водку гранеными стаканами, привез ее на озеро, где предположительно имело место преступление. И ночью она увидела сцену убийства во сне. Следующий случай произошел спустя пару недель...

– Подожди, Федор, – взмолился Савелий. – Зачем он привез ее на озеро? Какое он сам имеет отношение к убийству?

– Он помогает Николаю...

– Как помогает?

– Ну, как тебе сказать? Добровольно, вроде... дружинника! – обрадовался Федор удачно найденному словцу. – Николай его использует как знатока человеческой природы и душеведа.

– А что, у нас в полиции уже используют экстрасенсов? – удивился Савелий. – Я думал, только в Америке.

– Продвинутые опера, вроде Кольки, используют. Но сейчас речь не о

том, Савелий. Слушай дальше. Через две недели она видит во сне свою подругу. Вернее, сцену ее убийства, которое произошло накануне, примерно за сутки. Так, кажется?

– Так, – подтвердил капитан Астахов. – Спустя несколько дней после второго убийства происходит новое. На сей раз жертва – сотрудница нашей ясновидящей. И на сей раз она увидела все наяву.

– После шампанского, – подсказал Федор.

– Ну да, после шампанского. Вот и не верь теперь во всякую чертовщину.

– А кто она, эта женщина?

– Ясновидящая? Добро бы какой-нибудь божий одуванчик или истеричка. Так нет – менеджер риелторской фирмы «Глобал виллидж». Всех строит, ее там боятся как огня. Жертву она не любила и собиралась уволить. Убитая была та еще ягода. Мы работаем по ее связям, просто удивительно, что она продержалась так долго. Помните волну ограблений в городе летом прошлого года? Она проходила свидетельницей, но сейчас я снова просмотрел материалы. Похоже, наша жертва была наводчицей. Кроме того, она любовница хозяина фирмы. Он сейчас на каникулах в Испании, с семьей.

– А кто... убил вторую женщину?

– В убийстве подруги нашей ясновидящей подозревается ее приятель, некто Лапин Владимир Иванович. – ответил Астахов.

– Он уже вернулся? – спросил Федор.

– Вернулся. Сам пришел к нам.

– Вы его арестовали? – заволновался Савелий.

– Нет, взяли подписку о невыезде. Никуда он не денется, раз пришел сам. Говорит, да, поссорились, ушел, громко хлопнув дверью. Не первый раз. Около двух ночи. Любви, говорит, не было, дурак, что с ней связался. Ему, по его словам, нравятся женщины попроще. А Стелла... Ее звали Стелла. Красавица, но характер не приведи господь! Жесткая, сильная, добивается, чего хочет, а потом скручивает в бараний рог. Колючая проволока, и ни шагу в сторону. Знаю я эту породу. Кстати, наша ясновидящая тоже из таких. Ох, и нарываються эти деловые бабы! – сказал Астахов.

– Думаешь, не он?

– Не знаю. Я верю, что мужик этот, доктор Лапин, мог оттолкнуть ее, а тут нож в спину... Черт его знает. Ну, он мог в крайнем случае съездить даме по морде... пардон, по физиономии – это допускаю, у него репутация та еще... Да и мотива не вижу.

– Мотив необязателен, – сказал Федор.

– Как это? – не понял Савелий. – Зачем тогда?

– Происходит много немотивированных убийств, Савелий. Народ сейчас нервный, злой, чуть что, сразу за нож. Вспышка гнева – она оскорбила его мужское достоинство, обозвала всякими словами, он вне себя бросается на нее с ножом! Это даже лучше, если нет мотива.

– Почему?

– Меньше дадут. Состояние аффекта, справка от врача... и все такое. Неужели в дамских романах об этом нет ни слова? Ты же все знаешь лучше меня, Савелий. А за преднамеренное убийство можно загреметь на полную катушку. Особенно если репутация уже подмочена. Как у этого доктора... как его?

– Послушайте, – вдруг произнес Зотов, – во всех источниках говорится, что ясновидящая должна взять его за руку... И в кино тоже...

– Кого?

– Убийцу!

Федор радостно хмыкнул, капитан Астахов посмотрел волком.

– Вот так и совершаются немотивированные убийства, – прокомментировал Федор. – Где ж тебе взять убийцу, Савелий? Если бы он у нас был, нам не понадобилась бы ясновидящая.

– А доктор?

– Доктор появился на сцене только вчера. Но вообще мысль дельная. Как тебе, Николай? Пусть она возьмет его за руку...

– У нас появился не только доктор, – ответил невпопад капитан Астахов. – У нас появился персонаж, пишущий письма. Александр Урбан получил два письма с идиотским текстом.

– Кто такой Александр Урбан? – спросил Савелий.

– Экстрасенс, близкий друг Николая, – объяснил Федор. – Тот самый, с гранеными стаканами. Чего хочет новый персонаж?

– Он хочет встретиться с ясновидящей. Пишет, что будет ждать ее около студии, но не указывает ни времени, ни даты. Причем тексты идентичные. Везде пальчики Урбана. На конверте первого письма еще и отпечатки дежурной.

– Значит, доставили не по почте. А как?

– Их подбросили. Первое на стойку дежурной, второе – на стол Урбану. Кабинет его был закрыт, но ключи всегда на стенде. Любой может взять. Дежурная клянется, что чужих не было. Но сами понимаете... Студия – проходной двор. Тетка там сидит стержовная, но вполне могла отвлечься.

– Постой, а откуда автор знает о ясновидящей?

– Здесь прокол, – с досадой сказал капитан Астахов. – Сашка Урбан рассказал о ней в своей передаче.

– Какой передаче? – спросил Зотов.

– Ты, Савелий, у нас как... пришелец из космоса. Урбана не знаешь, телевизор не смотришь, – упрекнул друга Федор. – У него своя передача после полуночи. А что именно он сказал?

– Да ничего особенного, – стал оправдываться капитан. – Никаких имен, ничего конкретного, просто упомянул. Я ничего не знал. Сашка тот еще жук, ему бы только рейтинг поднять.

– Да... – протянул Федор. – Твой прокол, Николай. С кадрами нужно работать, а не только пить водку гранеными стаканами.

– Да я сам, как узнал, чуть не... И еще – взломали машину этой ясновидящей.

– Как ее зовут, кстати?

– Ксения Валентиновна Холодова. Неприятная баба. Самоуверенная, высокомерная...

– Что взяли?

– Ничего. Взломщик разбросал квитанции и всякое барахло – перчатки, косметику... И полоснул ножом по спинке сиденья. И снова никто ничего не видел. Там дежурят два здоровенных бугая, и ничего!

– Как и с письмами, – заметил Федор.

– Это был убийца? – спросил Савелий.

– Где?

– Ну, письма и машина...

– Вряд ли, – ответил Федор. – Зачем убийце высовываться?

– Боится, что она может увидеть его во сне, – предположил Савелий.

От волнения у него на скулах выступили красные пятна.

– Резонно. Но мне почему-то кажется, что это события разного порядка, – рассуждал Федор. – Убийства – это конкретное действие. Странные письма и странное происшествие с машиной...

– Почему странное? Мою машину тоже взломали, украли магнитофон... – перебил друга Савелий. – И порезали сиденья. Вот чего не могу понять – зачем резать сиденья?

– Классовое чутье сработало. В глазах люмпена ты проклятая буржуазия. Ты прав, Савелий, машины угоняют и взламывают немерено, но тут важен контекст. Тут важна цепь событий. А цепь событий такая: передача по тэвэ, письма, взлом машины. Причем самое странное – явная бессмысленность и писем и взлома. Ведь ничего не взяли. Магнитофон...

или что там было – плеер? – на месте.

– Может, их спугнули?

– Может. Но напрашивается вопрос: почему два письма? Абсолютно идентичных. Что бы ты сделал, Савелий, если бы получил письмо подобного содержания?

– Бросил бы в корзину и забыл. Мне знаешь сколько авторов пишет?

– Вот именно, бросил бы в корзину. А если бы пришло второе, точно такое? А потом третье?

– Ну... не знаю, – задумался Савелий. – Может, позвонил бы Николаю... или тебе.

– Именно! Запомнил бы и рассказал жене, друзьям и так далее.

– Мы с Сашкой Урбаном тоже так считаем, – сказал капитан Астахов. – Этот тип хочет засветиться. Ну и что дальше?

– Я думаю, Николай, ты и сам знаешь. Среди бумаг в машине могли быть визитные карточки... Кстати, как, по-твоему, он вышел на ее машину?

– Следил за Урбаном. Он с ней встречается...

– Понятно. То есть непонятно. Если он предположил, что подруга Урбана – это ясновидящая из передачи, и следил за ними, то он знает, где она работает, и выяснить ее имя пара пустяков... и так далее. Не стоило взламывать машину. Опять бессмысленный на первый взгляд поступок.

– Как и письма. Один почерк.

– Именно! – воскликнул Федор.

– И в перспективе...

– Боюсь, ничего хорошего. Если его так интересуют паранормальные способности этой женщины, есть много способов с ней познакомиться. Да хоть прийти в качестве клиента. А тут письма, машина... Он не хочет выходить из тени, но тем не менее дает понять, что он здесь. И это, Николай, самое паршивое.

– Меня уже тошнит от твоей мутной философии на пустом месте, – в голосе капитана Астахова звучала досада. – У меня на руках два нераскрытых убийства, в которых нет ничего загадочного. А психов вокруг пруд пруди. Пишут, звонят, следят, но редко убивают. Убивает убийца, а псих пугает. Ну и пусть пугает, пока ему не надоест. Я и так не ухажу с работы раньше девяти. Ирка дуется. А приду, радости тоже мало. Так и бросаюсь. Как Клара на почтальона. – Клара – собака капитана, булем, со скверным характером старой девы. – Давайте лучше выпьем за все хорошее! И Савелий расскажет о детях. Как Настенька?

Глава 22

Что дальше?

День за окном был серый и теплый – из тех, что пробуждают воспоминания и заставляют думать о смысле жизни. В солнечный летний день никто не задумывается о смысле жизни, а такой – к этому располагает.

В семь утра я была уже на работе. Открыла дверь, вошла в пустой офис, застыла, прислушиваясь. Мне показалось, что из комнаты Стаса доносится слабый звук. Подошла к двери, подергала ручку. Дверь была заперта. Я приложила к ней ухо – тишина. Показалось! Бухгалтерия и кабинет Романа тоже оказались заперты. Я вошла к себе и с порога осмотрела кабинет. Оставив дверь открытой настежь, добралась до своего стола и почти упала в кресло. Пальцы мои дрожали противной мелкой дрожью. Иррациональное чувство ужаса охватило меня среди бела дня в скучном административном здании, куда уже стекались люди, такие же ранние пташки, как я, и мне стоило лишь позвать на помощь...

Отдышавшись, я отдернула штору и открыла окно, впуская холодный еще, утренний воздух. Достала из холодильника воду. Зубы мелко стучали о край стакана. Вода была ледяной, я закашлялась и, разумеется, облилась. И пришла в себя окончательно. Сняв блузку, я встала у окна, держа ее на вытянутых руках в надежде, что так она скорее высохнет. Я настолько увлеклась, что не услышала шагов за спиной, и вскрикнула, когда почувствовала чье-то прикосновение. Александр стоял рядом и молча смотрел на меня. Был он бледен, с черными кругами под глазами. Я растерялась, а он вдруг сгреб меня и прижал к себе. Он целовал меня исступленно, с каким-то отчаянием, как будто в последний раз. Кажется, блузка моя упала на пол. Не помню, как мы оказались на диване.

«Я умираю! – думала я, отвечая на его поцелуи. – Ну и черт с ним!»

– Я дал себе слово не звонить тебе. Никогда! – шептал Александр. – А потом испугался: что мы делаем? Не нужно отказываться... Ради чего? Это радость! Я виноват, Ксенечка. Мы одно целое, ты моя половинка... навсегда!

Мне казалось, он бредит. Я прижалась губами к его губам, заглянула в его темные измученные глаза и поняла, что мы действительно одно целое...

Звук открываемой наружной двери в офис застал нас врасплох. Я рванулась из его рук и слетела с дивана. Он поспешно поднялся, застегивая рубашку. Я напяливала на себя мокрую блузку – слава богу, она цветная, и

не видно, что мокрая.

Когда спустя три или четыре минуты в дверь кабинета постучали, мы оба сидели – я за письменным столом, Александр в кресле напротив, неторопливо беседуя. Баба Броня вошла и уставилась на нас с любопытством. Потом перевела взгляд на диван – кожаные подушки лежали в беспорядке.

– Доброе утро, – сказала она и кивнула Александру. – Извините, Ксения Валентиновна, я не знала, что у вас посетитель. – С этими словами она, ухмыльнувшись, выплыла из кабинета.

Мы переглянулись и расхохотались.

– Может, прогуляешь? – спросил Александр. Я кивнула.

– Идите, Ксенечка, – замахала руками баба Броня. – Конечно, идите! Я присмотрю. И не думайте ни о чем! – Раньше она никогда не называла меня Ксенечкой.

– Хочешь на природу? – спросил Александр.

Я покачала головой, и мы поехали ко мне...

Это было сумасшествием, наваждением, безумием. Мы отрывались друг от друга, обессиленные, измученные, мертвецки пьяные близостью. Стаскивали с постели влажные простыни, стелили свежие, держа их вдвоем за оба конца – это казалось мистическим ритуалом. Принимали душ, не размыкая рук и губ. Падали на свежие простыни и проваливались в короткий и глубокий, как обморок, сон.

Проходило совсем немного времени, и Александр снова находил мои губы, проводил ладонью по груди, легонько сжимал... и... новый шквал страсти обрушивался на нас. Вертелись огненные колеса проклятой повозки, слепя и обжигая, и мы, как фанатики, бросались под них снова и снова, готовые с восторгом умереть...

...Глубокой ночью Александр отправился на кухню делать бутерброды и варить кофе. Я поднялась с кровати, и меня сильно качнуло. Знакомая дурнота подступила к горлу...

«Нет! – в отчаянии закричала я шепотом. – Нет! Не сейчас!»

И... это отступило, медленно и нехотя. «Вот так!» – сказала я себе, глубоко вдыхая ночной воздух, лившийся в открытое окно. «Как быстро прошел день, – вдруг подумалось мне. – Как быстро, бесповоротно и навсегда...» После такой глубокой философской мысли я с трудом дотащила до кухни и почти упала на табуретку. Мы взглянули друг на друга – парочка привидений из замковых подземелий! Александр

пододвинул мне стакан с вином. «Не нашел бокалы», – сказал он. Я только рукой махнула – какая разница? И залпом выпила холодное кислое вино, не дожидаясь Александра. Конечно, меня тут же развезло. Он, смеясь, совал мне в рот кусочки хлеба и мяса, и я послушно жевала.

«Боже, какая дура, – думала я невнятно, стараясь не терять Александра из виду. – Какая дура! Мне плевать с высокой колокольни на то, кто он есть – колдун, леший, бабник или... да кто угодно! Плевать! Я хочу его, я схожу с ума, я не выпущу его... живым!»

Последнее словечко показалось мне таким смешным, что я расхохоталась.

А наутро, сидя за своим рабочим столом и прикидывая, с чего начать, я прочла послание, которое пришло по электронной почте еще вчера. Там было всего два вопроса, каждый на отдельной строке:

«Анапелис идет по стопам смерти?»

Или смерть идет по стопам анапелиса?»

Без обращения, без подписи. И обратный адрес – «world21@hotmail.com». Оторопевшая, я рассматривала бессмысленные строчки. Первым побуждением было стереть послание, но я тут же передумала.

Что такое «*анапелис*»? Имя? Тогда почему со строчной буквы? «Анапелис» – это женская... сущность? Попросту женщина? Или мужчина?

Я прочитала послание еще раз. И еще. Женщина! «Анапелис» – женщина. Если бы это был мужчина, то последняя строчка звучала бы – «*Или смерть идет по стопам анапелиса?*». «Анапелиса», а не «анапелис»!

Почему «*это*» идет по стопам смерти, лихорадочно рассуждала я дальше. Нет, не так. Автор не утверждает, что «*анапелис*» идет по стопам смерти. Он спрашивает, так ли это. Почему он спрашивает об этом меня? Откуда я могу знать, если я даже не знаю, что такое «*анапелис*»? «*Анапелис*»... что-то знакомое. Сейчас узнаем, сказала я себе. А потом будем решать, кто идет по чьим следам.

Слова «*анапелис*» я не нашла нигде. Что такое «*анапелис*», не знали «Google», «Yahoo», энциклопедии Британника, Американа, мифологические и претендующие на полноту словари «Lingvo». Википедия тоже не знала. С поразительным однообразием они выбрасывали один и тот же результат в разделах «культура», «география», «история», «общество», «искусство» и так далее – турецкую партию «Родина», которая

сокращалась, как АНАП. Самое близкое по написанию слово. Равно и как «анапест». Сеть переспрашивала: может, «Аннаполис»? Если да, то это город в Мэриленде и река в Канаде. Если «Анаполис» – то в Бразилии. Безуспешно попробовала я изменить написание слова. В Интернете его не было. Мифологии мира его также не знали. Оно оставалось на совести автора послания.

Стоп! Есть, кажется. «Анапель»! Что же такое «анапель»? «Анапель» или «Маленькая бабушка». Что за чушь? Богиня коряков Сибири. Богиня реинкарнации. Перевоплощения. Богиня перевоплощения. Сначала смерть, потом перевоплощение... Какая тут связь с «анапелис»? Никакой... скорее всего.

Хотя... *анапелистоже* связана со смертью. Каким-то образом смысл письма перекликался с моими вчерашними мыслями. Три смерти... *Анапелис* связана со смертями. Что же такое «*анапелис*»? Магическое слово, заклинание, божество, алтарь?

Стоп. Любой звук рождает в воображении картинку. Я закрыла глаза. *Анапелис*... Пелены. Полис. Анна. Плес. Чепуха! *Анапелис* идет по стопам смерти... Или наоборот. Высокопарно и... как-то несовременно. Похоже на цитату из старого текста. *Это* может быть чем угодно. Живым существом или явлением... Дьяволом! Или ощущением. Предчувствием, например. Или особым состоянием... А что, если... Что, если это... *ясновидение*! Вполне! Если... так, то пославший письмо, видимо, спрашивает... Он спрашивает, что было раньше – *видение* или *убийство*? Его интересует, что я вижу – смерть, которая уже состоялась, или смерть, которой еще не было?

Я так углубилась в разгадывание ребуса, что не услышала, как в дверь постучали. Не дождавшись ответа, Стас просунул голову в дверь и позвал: «Ксения Валентиновна!» Я отшатнулась от экрана с негромким воплем и смахнула на пол стакан с водой. Стакан разлетелся вдребезги, обдав меня брызгами. «Извините!» – испугался Стас.

– Заходи, – пригласила я. – Сядь и слушай.

Стас уселся в кресло, глядя на меня с испугом.

– Что такое «*анапелис*»? – спросила я.

Стас пожал плечами.

– Честное слово, – пробормотал он, – никогда не слышал. А из какой это области?

– Если бы я знала! Еще вопрос. Как можно вычислить отправителя электронного послания?

– Никак, – ответил Стас сразу. – Если послал не со своего компьютера...

- Неужели никак? – не поверила я. – А обратный адрес?
- Его можно всегда изменить. Никак, – повторил он. – Это невозможно. В анкете при регистрации можно наврать что угодно. Дохлак.
- А полиция?
- Вряд ли. Скорее национальная безопасность, отдел компьютерных преступлений. Можно, конечно, через провайдера... но если послано из интернет-кафе, то дохлый номер...
- А как же террористов отслеживают?
- Не знаю, – замялся Стас. – Ну... есть всякие программы... например, поиск по ключевым словам. Засаекают тексты с определенными словами. Но террорист необязательно посылает со своего компа. И пользуется всякими... там... шифрами. Бомбу, например, называет «баклажаном». Тут ко мне Кира цеплялся, как да что. Кира тупой, он не врубается. Как же, говорит, нельзя, если есть адрес. Ну и что, что адрес? Это же не паспорт!
- Кира? Зачем это ему?
- Хочет посмотреть в глаза одному типу. – Стас явно смутился. – Из чата.
- Понятно. Значит, никак?
- Стас пожал плечами и сказал:
- За границей есть частные детективы по компьютерным преступлениям, я читал.
- А что бы ты сделал, если бы получил послание... – я замялась, но Стас понял.
- На первый раз ничего. Если этот козел просто балуется, значит, послал не мне одному. Ждет, что ответят... Я бы промолчал, может, отцепится.
- А если нет?
- Если нет, я бы вышел на провайдера или написал бы заявление в органы. Но... скорее всего, Ксения Валентиновна, я бы просто не обратил внимания. Можно еще знаете что сделать? Можно *заспамить* адрес этого... идиота. Тогда письмо сразу попадет в корзину. Вы и знать не будете. Это я запросто, хотите? С другой стороны, если он все время меняет адрес, то... сами понимаете... Но если не меняет, то имеет смысл. Хотите?
- Спасибо, Стас, я подумаю, – ответила я, решив, что этого делать не следует, так как лучше держать «писателя» на виду.
- А что он вам написал? – не выдержал Стас. – Угрожает?
- Скорее, хулиганит.
- А откуда у него ваш адрес?
- Не знаю, Стас. Мой адрес – не тайна. Он указан на визитной

карточке. У всех клиентов есть мои карточки. – «А у кого не было, тот взломал машину», – подумала я про себя.

– Можно ответить, если хотите, – предложил Стас. – Спросить, что ему надо. Но я бы не стал. С психами лучше не связываться.

– Почему ты думаешь, что он псих?

– От компьютера у многих крыша едет. Они как с цепи срываются, будто пьяные. Говорят что угодно – то, чего никогда не скажут на людях, оттягиваются. Я считаю, это или пацаны, или психи. Ну, не в полном смысле психи, на учете, скорее всего, не состоят... Хотя... не знаю. Нормальный человек пугать не будет.

– Откуда тебе известно, что он пугает?

Стас задумался. Потом сказал:

– У вас лицо... такое... печальное. Вы побледнели. Я никогда вас такой не видел. А что он написал? – повторил он, блестя любопытными глазами.

Я усмехнулась и подумала, что побледнела совсем не от этого. И не только побледнела, а еще и синяки под глазами, и щеки запали. Альковные утехи не проходят даром.

– Спасибо, Стас. Я подумаю. – Я проигнорировала его вопрос.

Разочарованный, Стас ушел, а я осталась. Послала письмо на принтер, сложила распечатку, спрятала в сумочку и задумалась. Откуда «иксу» известно об убийствах? С адресом понятно: если это он взломал машину, то взял карточки. Он мог услышать обо мне в передаче Урбана. В душе шевельнулась досада на Александра. Потом этот тип выследил нас обоих, предположил, что ясновидящая – это я...

Стоп, что-то тут не вяжется, сказала я себе. С какого это дива он так решил? Он мог лишь предположить. Скорее всего, так и было. Значит, его электронное послание – пробный камень. Может, он послал свои письма не только мне, а всем женщинам, с которыми видел Урбана. А также взломал их машины. Черт его знает... Стас прав – не стоит ему отвечать. Нужно затаиться и промолчать. Вот! Именно промолчать!

Ладно. Поехали дальше. Самое главное – откуда ему известно об убийствах? Тут не предположение, тут владение информацией. Значит, есть источник информации.

– Нет! – вдруг поняла я, рассматривая ситуацию со всех сторон. – Ему ничего не известно!

Он знает лишь то, что сказал Урбан в своей передаче. Не более. Как Александр там выразился... «Некая ясновидящая помогла раскрыть тяжкое преступление». «Тяжкое преступление» – это, вероятнее всего, убийство.

Александр рассказал всему миру, что ясновидящая увидела убийство. «Икса» интересуется, увидела я его *до того*, как оно произошло на самом деле, или *после*. Его интересуется, кто идет за кем – «*анапелис*» за смертью или смерть за «*анапелис*». Технология ясновидения, так сказать, его интересуется. Только и всего. «*Анапелис*» – это, скорее всего, ясновидящая. То есть я. Странное словцо, которого нет ни в одной энциклопедии мира. И даже всезнайка Интернет бессилён.

Кажется, я все расставила по полочкам. И приняла решение пока молчать, а там посмотрим. Но мне было по-прежнему неуютно – я как будто стояла в освещенной витрине, а «икс» прятался в темноте. Я невольно поежилась, вспомнив шорох в черной дыре ниши на лестничной клетке. А что, если там прятался «икс»?

Хватит! Так можно довести себя до чего угодно. Нужно почаще повторять, что я сильная, умная, деловая, жесткая... и так далее. И красавица. И любовник у меня экстра-класс. А Стеллу убили, пришло мне в голову. И Динку. А я получила письмо с вопросом... пока.

– Прекрати истерику! – сказала я себе железным голосом. – Если тебе так страшно, позвони капитану Астахову.

При мысли о капитане страх испарился, и я почувствовала привычное раздражение, которое он у меня вызывал. Мне стало легче. Послание показалось дурацкой выходкой эксцентричного почитателя Александра Урбана. Нормальный человек такое смотреть не будет. Да еще ночью. А кто будет? Неврастеник, страдающий бессонницей, полуночник с потусторонними интересами. Одним словом, *псих*. Приехали туда, откуда начали. Все-таки *псих*.

Глава 23

Дамская болтовня

Вчера вернулся наконец из испанского вояжа Роман Руденок, мой начальник. Он появился на работе в девять утра – что для него немыслимая рань. Сунул голову ко мне в кабинет, повел взглядом, поздоровался. Упал в кресло напротив стола и уставился на меня. Он загорел и, кажется, поправился. Физиономия стала круглее, и животик обозначился четче. На нем был новый серый костюм и темно-красный галстук, и от него за версту разило любимым одеколоном «Драккар нуар». На физиономии Романа написана озабоченность. Капитан Астахов позвонил ему домой – еще восьми не было – и предложил встретиться. Роман решил предварительно пообщаться со мной, чтобы войти в курс дела.

Убийство Динки вызвало у него чувство досады, но никаких сожалений, хотя бы ради приличия. Роман не стеснялся меня, я будто увидела себя его глазами. Сообщница, которой можно поручить любую грязную работу. Впервые я посмотрела и на Романа не как на вертопраха и бабника – роли вполне анекдотические, вызывающие скорее снисходительный смех, чем возмущение, а как на ленивого, жестокого и продажного самца. Меня передернуло.

Роман ничего не заметил и остался со мной откровенен, как всегда. Его интересовало, знает ли капитан о его отношениях с жертвой. Он задавал вопросы, уточнял, переспрашивал, что за человек капитан Астахов. В какой-то момент я уяснила, чего он боится. Он опасался, что Динка могла оказаться беременной, и кто-то может подумать, будто он, Роман, опасаясь скандала, ее... ну, это самое... заказал. И специально уехал в Испанию, обеспечивая себе алиби.

Тоже мне, аристократ, скандала он боится! Мало того, что дурак, так еще и трус. Еще он боялся, что узнает жена. Лариса с ее понятиями о респектабельности не одобрила бы подобного развития событий. Конечно, она и так все знает, но одно дело знать, что муж развлекается за закрытыми дверями на служебном диване, и совсем другое, когда его любовницу убивают и весь город кричит об этом. А в жену и детей тычут пальцами.

Роман грыз ноготь и дергал коленом. Он потел – даже сквозь душливый парфюм пробивался едкий запах его пота. Ничтожество!

В одиннадцать позвонила Лариса и предложила пообедать вместе. Ей

тоже не терпелось узнать подробности.

При виде Ларисы я еще раз восхитилась ею. Толстая, некрасивая, немолодая женщина с удивительной аурой. На ней был довольно скромный костюм цвета сливы, баснословно дорогой. Сумочка стоила целое состояние. Платина и бриллианты, но в меру. И обаяние незаурядной личности, а также больших денег и безукоризненного вкуса.

– Ксения, – начала Лариса, – я слышала о вашей подруге... Какой ужас! Бедная девочка, я видела ее однажды. Редкая красавица. Вам что-нибудь известно об... этом? Убийца найден?

Я покачала головой, чувствуя, что сейчас расплачусь.

– Ну, ну, – Лариса похлопала меня ладошкой по руке, – держитесь, милая. К сожалению, ничего уже не исправишь. Вам досталось... и надо же – никого рядом. Ни меня, ни Романа. Ну, да ничего, – прибавила она после паузы, – вы женщина сильная, выдержите.

После ее слов плакать мне расхотелось. Я представила себе бой-бабу, здоровую, как битюг, которая все выдержит. Меня задела ее слова. Я уже не хотела быть сильной женщиной, я хотела стать слабой, уткнуться в родную жилетку и всласть порыдаться. И чтобы хозяин жилетки гладил меня по голове, называя своей глупой девочкой и дурашкой.

– Знаете, Ксения, вы напоминаете мне меня, – разоткровенничалась вдруг Лариса. – Вы трезвый, надежный человек. К сожалению, ничто не дается даром. Вы беспощадны к слабостям людей, которые вас окружают, а потому, скорее всего, одиноки. Как и я. Мой первый муж был безвольный человек, но имел понятия о приличиях. Мне жаль, что он ушел так рано. А Роман... – Она помолчала. – Роман... я же все о нем знаю. Все! Меня считают умной женщиной, Ксения, потому что я закрываю глаза на его... слабости. Брак – это сплошные компромиссы и умение смотреть сквозь пальцы. Поверьте, это небольшая плата за дом, супружескую постель и, самое главное, за детей. И я давно хотела вам сказать... – Она, улыбаясь, заглянула мне в глаза. – Карьера карьерой, но семья и дети – это святое. Вы очень привлекательны, и, как я понимаю, выбрать будете вы. Вот и выберите себе здорового красивого мужика и рожайте от него. И смотрите сквозь пальцы на... все. Самые прекрасные минуты в моей жизни... – она шумно вздохнула, как всхлипнула, – когда мне после родов приносили моего ребенка – жалкого, маленького, с морщинистым красным личиком. Я смотрела на него, и мне орать хотелось от счастья и восторга. Это мое! Моя кровиночка, моя жизнь, моя любовь... – Она замолчала внезапно.

Я тоже молчала, озадаченная, не зная, что ей ответить.

– Ладно. Это все лирика. Одно могу сказать, Ксения, биологические

часы тикают и тикают... – Она снова помолчала, потом произнесла совершенно другим тоном: – Эта девушка, Диана, кажется, что она за человек... была?

«Любовница вашего мужа», – ответила я мысленно, а вслух сказала:

– Не очень хороший. Ленивая, необразованная, лживая. Я собиралась ее уволить.

Лариса усмехнулась краем губ, и меня обдало жаром – она, видимо, знала, кто разбирается с опостылевшими любовницами ее мужа. Чертов Роман!

– А что следствие? Я знаю, что приходил капитан... как его? По какой причине убили? Что они думают?

– Капитан Астахов, – подсказала я. – Не знаю. – Я до сих пор не решила, стоит ли рассказывать Ларисе о своих видениях. Уж очень не хотелось. – Он всех допрашивал... в моем кабинете. Сразу после того... как ее нашли. И с тех пор я его не видела. Похороны завтра. Я распорядилась о венках. Приходила ее тетка, просила денег. Я дала.

– Понятно, – протянула Лариса. – Ну что ж, негусто. Насчет денег – это правильно. Она что-нибудь... говорила? Тетка...

Лариса выразительно смотрела на меня. Ее, как и мужа, интересовало, что знают окружающие об отношениях Романа и Динки и как реагирует на это семья жертвы.

– Ничего, просто попросила денег.

...Тетка Динки была пожилая, плохо одетая женщина. Она плакала у меня в кабинете и рассказывала, что ее сестра умерла и оставила ей десятилетнюю девочку... тринадцать лет назад, а у ней своих двое, маленькие совсем, и мужик пьющий, покалеченный. Соседки советовали ей сдать сироту в детдом, но она не согласилась. От ее тоскливого рассказа впору было завывать. Я смотрела на нее, рано состарившуюся, худую, плохо одетую, и все внутри меня разрывалось от жалости и раздражения. Чтобы она поскорей ушла, я сунула ей деньги, довольно приличную сумму. Она расплакалась и все не уходила. Ей казалось неприличным сразу встать и уйти, и она все говорила и говорила жалким плаксивым голосом.

Озверев, я извинилась и вышла. Поймав бабу Броню, попросила ее зайти через пару минут ко мне в кабинет. Казалось, зачем такие сложности? Скажи бедной женщине, извините, я занята, и распрощайся – ан нет, не могла. Броня просекла обстановку с ходу, всплыла в кабинет и пропела сладким голосом: «Ксения Валентиновна, вы помните, что у нас собрание?» Я кивнула, вспыхнув. Давно мне не было так стыдно. Несчастливая женщина торопливо и как-то испуганно стала прощаться. Я

сказала, если нужна помощь с похоронами, мы всегда... поможем. И придем все... О господи!

– Капитан Астахов... – произнесла задумчиво Лариса. – Что он за человек?

– Что за человек? – повторила я. – Неприятный тип, подозрительный, не верит ни одному твоему слову, смотрит, как на... врага! – Я хотела сказать «на убийцу», но вовремя прикусила язык.

– Понятно, – сказала Лариса. – Давайте выпьем, а, Ксения? За упокой...

Мы выпили по рюмке коньяку, потом еще по одной и еще. Удивительное дело, у меня не было ни в одном глазу, как будто я пила воду.

– Закусывайте, деточка, – приглашала Лариса. – А то опьянеете. У нас еще много дел сегодня. – И, видя мое недоумение, пояснила: – Я собираюсь к приятельнице, наипервейшей городской сплетнице. Узнаем, что и как... Все новости, одним словом. Вы со мной. Работа не убежит, пусть Роман... потрудится.

В ее тоне сквозило пренебрежение. Трезвой она никогда не позволяла себе подобного тона, говоря о муже.

Приятельницей Ларисы оказалась местная знаменитость – Регина Чумарова, владелица Дома мод. Я в разное время купила несколько вещей в ее магазине, довольно удачных.

Женщины бросились друг другу на шею, радостно визжа. Лариса слегка опьянела, но и Регина, как мне показалось, была прилично на взводе. Разомкнув объятия и пригласив нас присесть, она первым делом вытащила из тумбы стола початую бутылку виски и хрустальные стаканы. Из холодильника достала лед, тарелку с нарезанной копченой колбасой и пучок кинзы. Разлила виски твердой рукой, вопросительно посмотрела на Ларису, потом на меня. «Два кусочка», – сказала Лариса, и Регина щипчиками стала вытаскивать лед из ведерка. Но щипчики соскальзывали, и она наконец уронила ведерко на пол. Загрохотав, оно откатилось к дивану, и лед разлетелся по комнате.

– Твою мать! – брякнула Регина в сердцах. – Ну и хрен с ним! Пьем так! С возвращением, Лялечка!

Мы чокнулись и выпили. Потом мы выпили за «весь этот ужас, чтоб никогда больше не повторился!», «за бедную Стеллочку», которая была любимой клиенткой Регины, и за любовь, которая не лезла уже ни в какие ворота. После чего началось представление – театр одного актера. Регина – раскрасневшаяся здоровенная бабища с мощными плечами грузчика – преподнесла нам, как на тарелочке, все городские сплетни. Она хватала

Лялечку за рукав в самых драматических местах своего рассказа, шлепала ладонью по столу, обмахивалась иллюстрированным журналом и не забывала наливать...

...Оказывается, если бы не экстрасенс Александр Урбан, менты никогда бы не раскрыли ни одного убийства. Они без него ни шагу. Шикарный мужчина. Все женщины города у его ног. Она бы и сама не отказалась... Станислава Вильмэ, прима из театра, между нами, клизма и выдра – ни рожи, ни кожи, даже травилась из-за любви, едва откачали в реанимации. Она, Регина, не пропускает ни одной его передачи.

...Был у них в милиции когда-то, продолжала Регина, один дельный мужик, капитан Федор Алексеев, с которым она довольно близко знакома. Увы, погиб в перестрелке с бандитами несколько лет назад, царствие ему небесное.

...Убийца Стеллочки – некто Лапин, ее любовник, жуткий опустившийся тип, врач, замешанный в продаже наркотиков, жена от него сбежала в чем была, с двумя детьми. Или даже с тремя. Как она могла... Стеллочка то есть... Но с другой стороны, в таких типах есть что-то для нас, женщин, притягательное. Нам всегда кажется, что наша любовь возвысит их и сделает лучше... Нам свойственна жертвенность. Доктора Лапина уже арестовали – он ударился в бега сразу после убийства, но его поймали. Не обошлось без Урбана, можете не сомневаться.

Сначала его не хотели арестовывать, но семья Стеллочки – очень влиятельные люди с большими деньгами – сказала, что тогда они сами, судом семейной чести, так сказать, и его сразу же арестовали. Чтобы сохранить ему жизнь до суда.

– Тут еще замешана одна ясновидящая... – Регина перешла на конспиративный шепот. – Никто толком ничего не знает. Вообще, очень странная история... Мощный экстрасенс с отрицательной энергетикой. Говорят, такие, как она, рождаются раз в пятьсот лет. И ее рождение предсказано в одной старой книге. Там так и сказано: «Придет девственница в венке и рассудит грешных». Ужас. У нее с Урбаном мистическая связь на астральном уровне.

Я была рада, что они не смотрят на мое лицо. Оно горело, а уши вообще пылали, как будто кто-то их хорошенько надрал. Мистическая связь, как же!

– Капитан Астахов? – повторила Регина. – *Капитан?*

Видимо, легендарный капитан Алексеев, ныне покойный, был единственным капитаном среди ее знакомых. Остальные как минимум полковники. Но я неверно истолковала интонацию Регины. Оказывается,

она знает Колю Астахова, но в качестве старшего лейтенанта. «Капитан Астахов» стал для Регины новостью.

– Знаю, – сказала она. – Он занимался убийством Лидочки Роговой. Ничего, дельный оперативник, но... – она замялась. – ...какой-то въедливый, невоспитанный, выворачивает тебя наизнанку и не верит ни единому твоему слову. Абсолютно без шарма. Не то что покойный капитан Алексеев. Мало осталось настоящих мужчин в наше время.

Регина шумно вздохнула и смахнула невидимую слезу. После чего разлила остатки виски по стаканам, и мы выпили за настоящих женщин, которых все больше и больше на фоне острой нехватки настоящих мужиков. И отправились смотреть зимние коллекции.

Регинины модели были действительно хороши. Я примерила несколько костюмов и вертела в руках один, который мне страшно понравился. Модель «Осенний вальс». Хотя, мне показалось, это скорее танго, чем вальс. Бежевый, приятного теплого оттенка – короткий жакет с круглым наивным воротником из пастельной норки, на трех пуговицах, обтянутых кожей в тон меху, и длинная узкая юбка с глубокой шлицей сзади. Ничего лишнего, одна простота и благородство. Регина рывкала на персонал, отдавая приказы принести то одно, то другое. Лариса рассказывала об Испании.

Под занавес, когда мы уже собрались уходить и Регина презентовала Ларисе лиловый шелковый шарфик – подарок фирмы за купленные два костюма, три блузки и платье, Лариса спросила:

– А вы, Ксения? Неужели ничего не выбрали?

Я сказала, что мне понравился «Осенний вальс», но как-то нет настроения...

– Лучшая модель сезона, – закатила глаза Регина. – Вы же знаете, мой дизайнер Игорек Нгелу-Икеара... Он провел два месяца в Париже, привез шикарные эскизы. «Осенний вальс» – его любимая модель, он говорит, самая женственная из всей коллекции... Бери, не прогадаешь!

Как я поняла, мы с Региной перешли на «ты». Похоже, она со всем миром была на «ты».

– Берите, Ксения. Красивая одежда для того и существует, чтобы поднимать настроение, – поддержала Регину Лариса. – Кстати, девочки, у меня для вас есть сувениры из Испании.

Она порылась в сумочке, вытащила две черные кожаные коробочки и протянула нам. Я раскрыла свою – там лежал маленький золотой крестик на тонкой цепочке. В центре крестика сиял капелькой крови крошечный рубин или гранат.

– Лялечка! – закричала Регина, бросаясь на шею приятельницы. – Какая прелесть! – Ей тоже достался крестик – с аметистом.

Мой костюм упаковали в немыслимо красивую коробку и вложили в элегантную черную бумажную торбу с ручками-шнурами. На боку ее было написано золотом «Дом моделей Икеара-Регия».

После чего мы на минуточку, пока не приедет такси, вернулись в кабинет Регины обмыть покупки и застряли надолго.

Короче говоря, я добралась домой только к одиннадцати. Лариса довезла меня до дому и пожелала спокойной ночи. Такси развернулось и уехало, мигнув зеленым огоньком. Меня слегка мучила совесть, что я не доложила Урбану – он, конечно, ждал меня после работы, и вместе с тем я испытывала подлое чувство удовлетворения. Так тебе и надо, думала я невнятно, за твои романы... Травилась она, подумаешь! Неврастеничка! Последнее относилось к актрисе городского драмтеатра Станиславе Вильмэ.

Я не сразу попала на нужные кнопки. Меня покачивало, и больше всего на свете хотелось под душ и в постель, пока не развезло окончательно. С разочарованием я оглянулась, надеясь, что Александр, как преданный пес, ждет на скамейке под липами. Но там никого не оказалось. Двор был пуст. Светила ясная, холодная, какая-то стерильная луна, освещая все закоулки двора. Дверь наконец отворилась, и я с облегчением нырнула в подъезд.

Дребезжа, приехал лифт, я шагнула внутрь, подумав при этом, что он похож на гроб. Тьфу, придет же такое в голову! Около своей двери я поставила на коврик драгоценную торбу с костюмом и принялась шарить в сумке в поисках ключа. Ключ не хотел попадать в замочную скважину, я надавила сильнее, и дверь подалась. Она была не заперта. Я застыла, опираясь рукой на стену. Колени мелко и противно дрожали, хмель из головы тут же выветрился...

Моя квартира, темная и враждебная, выжидаяще затаилась. Я лихорадочно пыталась вспомнить, закрыла ли дверь утром, но движения и жесты, доведенные до автоматизма, обычно не запоминаются.

– Не закрыла! – сказала я себе. – Корова! Конечно, не закрыла.

Но при этом прекрасно сознавала, что закрыла. Я помнила, как неудачно повернула ключ и сломала ноготь. А теперь дверь открыта. Может, там Урбан? Ключа у него нет, но что такое для колдуна какой-то замок...

– Саша! – позвала я негромко, ступая в темную прихожую. – Саша, ты дома?

Молчание было мне ответом. Я нащупала рукой выключатель – вспыхнул молочный плафон под потолком. В прихожей царил идеальный порядок, никаких следов грабежа и чужого присутствия. Я продолжала стоять соляным столбом на пороге собственной квартиры, не решаясь войти. Мне пришла в голову мысль позвонить Урбану и сдать. Он, конечно, немедленно прибежит. А если нет? Если, не дождавшись меня, он отправился к какой-нибудь поклоннице? И сейчас они вместе... Я так явственно представила себе Урбана с томной красавицей у ног, что почувствовала настоящую боль. Мне уже не хотелось причинить боль ему – я сама, как мотылек, махала обожженными крылышками. Мысль о том, что Александр сейчас с женщиной, была невыносимой.

Можно позвонить соседке и попросить, чтобы она вошла в квартиру вместе со мной. По недолгом размышлении я отбросила эту мысль – завтра весь дом будет перемывать мне кости. Прошло минут десять. Из квартиры не доносилось ни звука. Я сделала шаг, другой. Застыла посреди прихожей, чутко прислушиваясь. От напряжения в голове словно гудели провода высокого напряжения.

– Боже, какие глупости, – подбодрила я себя. – Иди!

Тишина. Пахнет домом – привычные, родные запахи. Я сделала еще шаг. Теперь я видела почти весь коридор. И тут вдруг я заметила, что из-под кухонной двери пробивается полоска света. На кухне кто-то есть!

Меня окатило волной ужаса. Дверь я могла оставить открытой, согласна, но свет на кухне? Нет! Утром, когда я готовила кофе, было уже светло, я его даже не включала!

«Вот и все! – подумала я. – Вот и все».

Как во сне я двинулась к полоске света, которая словно притягивала меня. Дверь на лестничную площадку оставалась распахнутой настежь. Я продвигалась вдоль коридора боком, оглядываясь назад, проверяя путь к отступлению. Мне пришло в голову, что в случае чего я стану кричать и подниму на ноги весь дом. Если успею, конечно...

Я с силой распахнула дверь на кухню. Она громко ударилась о стену. Пусто! Никого. С грохотом выдвинув ящик буфета, я схватила нож и, выставив его перед собой, двинулась в комнату. Протянула руку, ожидая, что меня схватят и втянут внутрь, и включила свет. Здесь тоже никого не было. Только ветер шевелил портьеры на окне – они словно дышали, медленно приподнимаясь и опускаясь. Я попятилась к спальне, не выпуская их из виду. Повторила тот же прием – не заходя внутрь, просунула руку, нашаривая выключатель. Вспыхнул свет. Никого! Под кроватью тоже пусто. В шкафу – никого.

Я так увлеклась, что не сразу заметила темную фигуру в дверном проеме...

Мой вопль разбудил бы и мертвого. Я вытянула вперед руки, защищаясь. В правой был зажат нож. У меня мелькнула мысль бросить нож в человека, но рука мне не повиновалась. Человек стоял неподвижно. Я вдруг увидела себя словно со стороны, как будто при свете молнии. Черный человек ударил меня ножом... в грудь. Боль ослепила меня... Я протягивала руки, защищаясь, хватая нож, и почувствовала мгновенную боль в ладони... Я слышала свой крик... Это было последнее, что я слышала перед тем, как потерять сознание...

Глава 24

Лавина

– Успокойся, успокойся, – приговаривал Урбан, глядя меня по голове. – Пожалуйста... Все хорошо... Ксенечка, пожалуйста!

Я цеплялась за него, как утопающий, и не могла произнести ни слова. Меня трясло.

– Что случилось? – повторял он. – Ксенечка, что случилось? Почему ты не заперла дверь? Кто тебя напугал?

Не добившись ни слова, он замолчал и только гладил меня по голове. Мы сидели в спальне на полу. Наконец я отодвинулась от Александра и спросила:

– Ты... Откуда ты взялся?

– Был поблизости... Ждал тебя. Не понимаю, как мог пропустить. Потом увидел свет в окнах и помчался выяснять отношения! Дверь оказалась не заперта, ты лежала на полу... я так испугался... Я уже думал... – Он не закончил фразы, но я прекрасно поняла, что он хотел сказать.

– Нет пока, – отозвалась я. – Пока жива. Ты... никого не видел в подъезде?

– Нет. А что случилось?

– Дверь оказалась не заперта, и в квартире кто-то находился!

– Ты его видела?

– Фигура без лица... – пробормотала я, силясь вспомнить. – В черной одежде. Он стоял в дверях... громадный и смотрел на меня... белыми глазами.

– Без лица? Что значит...

– Без лица! У него не было лица!

Александр внимательно смотрел на меня, и в глазах его появилось странное выражение. Он мне не верил.

– Я все видела как в тумане... – сказала я, оправдываясь.

– Он стоял... и что? Что было потом?

– Ничего... Я, кажется, потеряла сознание... если бы ты не пришел...

– Не выдумывай, – произнес он неуверенно. – Я никого не видел. Может, тебе показалось...

– Нет! – возразила я. – Он был здесь! Я видела... Он убил бы меня... Нож! – вдруг вспомнила я. – Где нож? – Взгляд мой шарил по полу.

– Ксенечка, какой нож? – Александр, кажется, испугался.

– Я взяла на кухне нож... Ты мне веришь? – Наверное, так спрашивают люди, страдающие галлюцинациями.

– Верю, – ответил он сразу, словно ожидал этого вопроса. – Зачем? Что ты собиралась делать с ножом?

– Защищаться! А теперь его нет! Я же помню, что взяла на кухне нож!

Александр беспомощно смотрел на меня. Я заглянула под кровать – там было пусто и пыльно.

– Я помню! – Я с силой обхватила его плечи, прижалась к нему и всхлипнула. Меня трясло от ужаса. – Саша, он взял нож!

– Зачем он?

– Чтобы убить меня! Господи, неужели непонятно? Убить! А когда он услышал твои шаги...

– Ксенечка, успокойся! Я тебе верю. Ты только успокойся. Ты взяла нож, а теперь его нет. Этот человек... Допустим, он отобрал у тебя нож, но зачем же его уносить, подумай сама...

Тон Урбана мне не понравился – так говорят с малым ребенком или выжившим из ума старым маразматиком. Он все еще мне не верил.

– Да по одной простой причине! – крикнула я. – У него не было времени стереть отпечатки! Ты мне веришь?

– Верю, верю! Конечно, верю. Но... я никого не видел и не слышал...

– Он подождал, пока ты войдешь в квартиру, и тихо ушел... Ему ничего не оставалось, как спрятаться... понимаешь? Он не мог убежать сразу, ты его спугнул! А может... – Меня обдало жаром. – Может, он еще здесь? – прошептала я. – Прячется за портьерой?

– Давай проверим, – Александр легко встал с пола. Протянул мне руку: – Пошли!

...И мы пошли, заглядывая в каждый угол, стенные шкафы и кладовку. В квартире никого, кроме нас, не оказалось. Александр обращался со мной, как с ребенком, которому приснился страшный сон. Или душевнобольной. Он не говорил прямо, что не верит мне, но это прорывалось в его тоне и жестах. И я вдруг подумала, что большой черный человек мог лишь привидеться мне...

Привидеться? А дверь? А нож? А свет на кухне? Он был здесь! Он открыл дверь и вошел в квартиру. Он ждал меня. Зачем?

– Почему ты не заперла дверь, когда пришла? – вдруг вспомнил Урбан. – Ты же не знала... что в квартире кто-то есть.

– Дверь была не заперта, я боялась войти. Я же сказала... Я оставила дверь открытой настежь, чтобы убежать... в случае чего.

Он пристально смотрел на меня.

– Дверь была захлопнута, когда я пришел. Я позвонил, мне никто не ответил. Я потянул за ручку... и она открылась.

– Значит... Значит, он ушел до того, как пришел ты! Это он закрыл дверь. Не понимаю!

Мы молча смотрели друг на друга. Потом Александр спросил:

– А где ты была?

– Лариса, жена босса, пригласила меня на обед. Она хотела получить отчет о последних событиях.

Вы замечали, что у человека, который оправдывается, жалкий тон?

– Почему ты не позвонила? – Тон у него стал неприятным.

Почему я не позвонила? Ну, разве объяснишь, что назло? Чтобы причинить ему боль? Представляла с удовольствием, как он мечется, потеряв меня...

– Мы были у твоей горячей поклонницы Регины Чумаровой, – сказала я довольно ехидно, уходя от ответа. – Она предана тебе душой и телом!

Он ничего не сказал на это. Лицо его стало мрачным. Я почувствовала себя глупо...

– Извини, – сказала тихо. – Так получилось...

– Я, как идиот, бегал вокруг твоего дома... Думал, не дай бог... не дай бог что-то случилось! А ты...

Он стремительно повернулся на каблуках и выбежал из комнаты.

– Но ведь случилось же! – закричала я ему вслед. – Случилось! Не уходи! Саша! Он же был здесь! Он пришел убить меня! Я видела!

Он вернулся. Молча уселся на диван. Я стояла у двери. Мы не смотрели друг на друга. Я не знаю, сколько прошло времени. Он поднялся наконец. Посмотрел на меня, спросил без улыбки:

– Кофе?

Я кивнула. Он отправился на кухню. Это было примирение. Или перемирие. Я чувствовала обиду – меня чуть не убили, а он сердится, потому что я не позвонила. Амбициозный эгоист.

...Я лежала без сна, чутко прислушиваясь к звукам из гостиной. Александр постелил себе на диване. Я знала, что он не спит. Мы, смертельно обиженные друг на друга, лежали, мучаясь, в разных комнатах, желая больше всего на свете оказаться рядом...

Утром на работе мне передали небольшой пакет в коричневой оберточной бумаге. Я вскрыла пакет у себя в кабинете, вытащила другой, поменьше, белый, перевязанный розовой ленточкой. Разрезала ленточку,

развернула и увидела нож в прозрачной пластиковой упаковке. Это был нож из моего буфета или очень похожий на него, с лезвием, покрытым бурыми, подсохшими уже пятнами крови...

– И ничего больше? Ни письма, ни записки? – допытывался капитан Астахов, сидя напротив меня в кресле для посетителей. Он пытливо всматривался в мое лицо, стремясь прочитать на нем то, о чем я умалчивала.

– Ничего, – повторяла я тупо. – Только нож. И розовая ленточка.

– Ленточка... – повторил он. – Скажите... – он запнулся, выбирая слова. – Скажите, Ксения... вы не замечали кого-нибудь, кто... – он снова запнулся. – Кто шел за вами... или слонялся вокруг? Любой человек, который обратил на себя ваше внимание, любое новое лицо?

– Замечала, – ответила я.

– Где? – оживился капитан, буравя меня взглядом.

– В своей квартире. Вчера.

– Он был у вас в квартире? – Капитан даже привстал с кресла. – Почему же вы не сообщили мне?

– Не успела. Это случилось поздно вечером...

– А где находился... Урбан?

– Мы... потерялись, – соврала я. – Я пошла в гости, вернулась поздно, около одиннадцати... дверь была не заперта, на кухне горел свет.

Он обалдело смотрел на меня.

– Я оставила входную дверь открытой настежь... на всякий случай и... пошла на кухню. Взяла нож и...

– Зачем? – опомнился он.

Идиотский вопрос! Затем, что у меня нет пистолета!

– Я собиралась обыскать квартиру.

– А не проще ли было позвонить мне... или Александру и ждать на лестничной площадке?

Я пожала плечами. Проще, конечно.

– Вы же мне не верите, – пошла я в наступление. – Вы же острили, что я вижу убийства после шампанского... Вы – последний человек, кому я позвоню... в случае чего!

– Неправда! – он тоже повысил голос. – Возможно, я действительно не верю во всю эту... – он с трудом сдержался. – Но незапертая дверь и свет... А вы уверены, что...

– Уверена! – почти закричала я. – Утром было светло, я даже не включала свет!

– Вы должны были мне позвонить! Что случилось потом?

– Я вошла в спальню... заглянула под кровать... – Тут я посмотрела на капитана, ожидая увидеть ухмылку на его физиономии, но он оставался серьезным. – А потом увидела его!

– Где?

– Около двери. Он стоял и смотрел на меня.

– Вы рассмотрели его лицо?

– Нет!

– Почему? Он был в маске?

– Нет! Не знаю, почему... Я видела, что он стоит около двери... большой, черный... с белыми глазами.

– Что значит, с белыми глазами?

– Белые глаза на темном лице... как кусочки льда. Не знаю, что это значит. Я так его увидела.

– Что дальше?

– Дальше... Когда я очнулась, рядом сидел Саша... – я замолчала. Капитан тоже молчал. – Саша мне не верит, – сказала я, хотя не собиралась говорить ничего подобного. Мои слова прозвучали как жалоба. – Он никого не видел. Дверь была закрыта, но не заперта. А я оставила ее распахнутой. Мы не нашли нож в спальне... тот человек, видимо, унес его с собой. Этот похож на мой, – я кивком указала на пакет. – Или действительно мой...

– Сколько их у вас? – спросил капитан.

– Кого? – не поняла я.

– Ножей.

– Кажется, шесть... Один я потеряла в лесу... года два назад... Мы ездили по грибы. Не знаю. Я почти не готовлю и пользуюсь только одним.

– Это все? – спросил он голосом прокурора.

– В каком смысле, все?

– В прямом. Меня интересует все... телефонные звонки, почта, люди... Все! Правду! – рявкнул он вдруг. – Что еще произошло?

– Электронная почта, – ответила я. Потянулась за сумочкой, достала сложенный листок. Капитан выхватил его у меня из рук, впился глазами.

– Что это значит? – спросил он недоуменно. – Что такое... «ана-пелис»? – прочитал по слогам.

– Не знаю. Никто не знает.

– У кого вы спрашивали?

– Искала по Интернету. И попросила поискать Стаса Кучинского, нашего программиста. Такого слова там нет. Я думаю, это значит что-то вроде «ясновидение» или «ясновидящая»... Этот... он спрашивает, вижу ли

я убийство до... или после...

– Откуда он может знать о вас? И об убийствах?

Я пожала плечами. Мне страшно не хотелось закладывать Урбана... даже больше, чем доктора Лапина.

– Может, и не знает... – начала я. – Он мог видеть передачу, где Саша рассказал про ясновидящую... после убийства Стеллы. Потом следил за ним, увидел меня, решил, что это я, и... вот! Написал. Может, не мне одной...

– Понятно, – протянул капитан. – Вы сегодня уже проверяли почту?

– Нет... пока. Не успела.

– Проверьте!

В нетерпении он вскочил с кресла, обошел письменный стол и нагнулся над моим плечом. Я чувствовала его теплое дыхание на своей шее.

«World21» действительно прислал письмо. Там была всего одна строчка: «*Прошлой ночью, в два. Когда анапелис увидела? Возвращаю взятое*».

Капитан распечатал послание. Вернулся в кресло. Перечитал еще раз. Посмотрел на меня и спросил:

– Когда вы увидели... убийство?

– Сразу же... как увидела его в спальне, – ответила я.

– Вы узнали жертву?

– Узнала...

– Кто? – он подался вперед.

– Я! Он убивал меня...

– Вас? – не поверил он.

– Меня. Я увидела, как он ударил меня... ножом в грудь. Я пыталась схватить нож и порезала ладонь, – я протянула капитану правую руку, и он перевел взгляд с моего лица на ладонь, словно ожидал увидеть там рану...

– Не понимаю, – пробормотал капитан. – При чем тут вы? Ведь вы... с вами ничего не случилось... ну, кроме того, что он вас испугал. А что случилось потом? В два ночи?

Он взглянул на нож в пластиковом пакете. Я знала, о чем он хочет спросить. Протянула руку к ножу, закрыла глаза. Почти сразу ощутила легкое покалывание в ладони... Капитан молчал, даже дышать перестал. Прошла минута, другая. Ничего не происходило. Я по-прежнему сидела с закрытыми глазами. Ладонью я чувствовала тепло... Вдруг, вскрикнув от боли, я отдернула руку. В тот же миг вспышка молнии ослепила меня. В белом ее свете, в сотую долю секунды, я увидела какие-то деревья...

скамейку... бегущую женщину и мужчину сзади... Левой рукой он схватил ее за плечо, дернул к себе, а правой, в которой был зажат тускло блеснувший нож, ударил... Ее сумочка упала на землю, она пыталась вырваться... Видение исчезло, а я сидела за своим письменным столом, разевая рот, хватая воздух... Болела рука. Я поднесла ее к лицу – на ладони вспухал багровый ожог...

– Дайте! – Капитан схватил меня за руку. Он рассматривал мою кисть, он только не нюхал ее, подозревая злой умысел. Протянул свою ладонь, подержал над ножом, все еще сопротивляясь очевидному. – Что вы увидели? – спросил он наконец, убирая руку.

– Я видела, как он убил ее... В парке или в лесу... Нет, в парке – там была скамейка. Ножом. Моим ножом... наверное. Молодая женщина. Я никогда раньше ее не встречала. Мужчину видела со спины. Я его не знаю.

Капитан молча смотрел на меня. Потом сказал:

– Тут, понимаете, Ксения Валентиновна, такое дело... Я не хочу вас пугать (куда уж больше?), но Урбан получил два письма... о вас. С просьбой о встрече. И вашу машину... я думаю, взломал не случайный человек. Теперь вот почта. И еще... самое главное – мы видели его... позавчера, он шел за вами. Мы вели его до вашего дома, там он исчез. Я не говорил, что за вами вот уже три дня ходит оперативник, сразу после истории с машиной. Не хотел пугать. Так что, можете убедиться, мы настроены вполне серьезно. – Он помолчал. – Вчера вы ушли с работы раньше, Урбан вас потерял. Около вашего дома дежурил человек, но он никого, кроме Урбана, не видел. Я хочу сказать, Ксения, будьте осторожны. Не оставайтесь одна. Пусть Александр поживет пока у вас. Старайтесь никуда не ходить, возвращайтесь домой засветло.

Мы проанализировали его поступки и думаем, что... это человек с психическими отклонениями. Эти люди очень осторожны и хитры. Он смотрит передачи Урбана... Я лично считаю, что одно это уже говорит о его... наклонностях, – попытался он пошутить. – То есть я имею в виду вместе с другими... вещами... письмами, машиной. Его интересует, как вы видите то, что... видите. И я думаю, что он будет... – Капитан снова замялся, подыскивая слова.

– ...ставить эксперименты? – подсказала я.

Капитан вздохнул.

– Не бойтесь, – повторил он. – Мы с вас глаз не спустим...

– Зачем он пришел в мой дом?

– Трудно сказать, – промямлил он.

– Вы прекрасно знаете! Он пришел убить меня. И я это видела. А ваши

люди... где они были, ваши люди?

– Снаружи. Они видели, как вы вошли в квартиру, как зажегся свет в гостиной. Зачем ему убивать вас? Он вас должен беречь...

– Какой смысл в ваших людях, если он проник в квартиру? На улице меня никто и так не тронет. Он будет беречь меня, пока я его интересую. Я видела, как он убивал... меня! Я видела убийство, которого еще не было!

– Мы действительно не предусмотрели подобного варианта... – Капитан не смотрел мне в глаза.

– Урбан помешал ему! – перебила я его. – И тогда он унес мой нож и... убил женщину в парке. В два часа ночи, о чем и сообщил в письме. И прислал нож, как доказательство... Если бы не Урбан, то меня убили бы чуть ли не на глазах ваших людей!

– Мы даже не знаем, произошло ли убийство, – защищался капитан.

– Ну, так узнайте! Позвоните и узнайте! Прямо сейчас!

– Успокойтесь, – повторял он. – Успокойтесь. Ничего с вами не случится, обещаю вам! – Лицо у него сделалось расстроенное.

– Если бы не эта дурацкая передача... – произнесла я, остывая.

– Я уже сказал Сашке, чтобы не вздумал заикаться ни о чем подобном, а то прикроем на хрен его чертову передачу!

– Может, мне ответить... этому?

Капитан задумался ненадолго. Потом сказал:

– Ответьте. Посмотрим, как он отреагирует. Но, пожалуйста, никакой самодеятельности. Сразу же звонить мне и докладывать, если что... о любой мелочи. Лады? Никакой переписки, никаких встреч без моего ведома. Ясно?

– А что ему ответить?

– Ну, напишите, что... не понимаете, о чем он спрашивает. Кстати, спросите, что такое «анапелис». Понимаете, он не может быть уверен, что ясновидящая – именно вы. Не может! Откуда ему это знать? Только потому, что вы оказались в орбите Урбана?

– Не только, – ответила я. – Если он следит за мной, то знает о моих встречах с вами. Он знает, кто вы... Возможно, он убил Динку. Я получила первое послание сразу после ее убийства. Два первых убийства... той молодой женщиной на озере и Стеллы... не имеют к нему никакого отношения. Тогда он еще ничего не знал обо мне. Потом он убил Динку и задал мне вопрос – когда это увидела. А теперь он убил снова и опять спрашивает... А чтобы я не думала, будто это глупые шутки, – прислал мой нож... в крови.

– Он не собирался вас убивать, – повторил капитан. – Поверьте, весь

мой опыт говорит, что... нет! Что-то тут не то. Напугать хотел – возможно. Посмотреть, как вы живете, – возможно. Взять какую-нибудь вашу вещь – да. От людей с расстроенной психикой никогда не знаешь, чего ожидать. А нож... Это случайность, он просто подобрал его на полу... Кстати, я хотел бы взглянуть на остальные ножи.

– Понимаю. Он меня не убьет... пока. Он будет играть со мной, как кот с мышью. Я уеду! Я не могу больше! Я шарахаюсь от собственной тени... Позавчера вечером мне показалось, что на лестничной площадке кто-то прячется... Я боюсь ложиться в кровать, боюсь уснуть, боюсь увидеть новое убийство! А теперь еще и этот... собственной персоной... проник мимо вашей охраны! Я уеду на Мальту!

Я не могла сдержать слез. Они текли по лицу, и я вытирала их рукой. При этом я остро ненавидела капитана за то, что расплакалась при нем.

«Я тебе никогда этого не прощу... – думала я. – Никогда! Это ты виноват, что я превратилась в истеричку! Ты и Урбан! И... этот, Белоглазый!»

– Уезжайте, – легко согласился капитан, поднимаясь. – Может, это и к лучшему. Когда я могу зайти посмотреть на ножи?

Глава 25

Поиски смысла

– Вот такие у нас дела, – закончил свой отчет капитан Астахов.

На некоторое время наступило молчание. Савелий Зотов, гордость отечественной редакции, смотрел озабоченно, хмурил брови, жевал губами – переваривал услышанное.

Федор Алексеев рассеянно бродил взглядом по залу. Потом спросил ни к селу ни к городу:

– Тебе не кажется, Николай, что Савелий как-то зачастил в питейное заведение? Может, с женой поссорился?

Астахов только плечом дернул: при чем тут Савелий?

– Зосенька не против! – заволновался Зотов. – Она сама говорит... чтобы я шел... к вам. Мужчина должен встречаться с друзьями.

– Хорошо тебе, – вздохнул Федор. – Такая женщина, как твоя Зося, – большая редкость по нынешним временам. Мечта любого мужчины. Вам не кажется, друзья, что женщины сегодня уже не женщины, а... даже не знаю, как их теперь называть. Сплошные менеджеры. Не матери, жены или любовницы, как в старое доброе время, а менеджеры. Тебе повезло, Савелий, тебе досталась женщина, а не менеджер. И хоть ты отбил ее у меня, я тебя прощаю.

– Ну? – выразительно произнес Астахов, которому надоело слушать треп Федора.

– Да, да, возвращаемся к нашим баранам. Что же такое «анапелис»? – переключился Федор. – Слово похоже на греческое. По смыслу, видимо, «ясновидящая», но не обязательно. Это может быть метафора. Ты, Савелий, как знаток мировой литературы, должен это слово знать. Поройся в памяти.

– Я встречал его где-то... – пробормотал Савелий. – Правда, встречал. Очень давно... Но... я уверен, оно не связано с ясновидением.

– Где ты его встречал? – спросил капитан.

– В каком-то романе... детективном, кажется. Автор – иностранный, но не англоязычный. Но... какая разница?

– В принципе, никакой, – согласился Федор. – Хотя как знать. Может, это ключ: если бы мы знали, что оно значит, мы бы поняли, чего ждать от этого типа дальше. И, кроме того, просто интересно. Ну да ладно. Ты, Савелий, думай дальше. Шевели полушариями, как говорят мои студенты. Головы, естественно. У меня тут возникла пара вопросов к Николаю. – Он

выразительно взглянул на друзей. – Подводя итоги, что мы имеем на данный момент? Твоя ясновидящая увидела у себя в спальне человека, чье лицо она почему-то не рассмотрела. Только белые глаза. Почему? Она была после встречи с... друзьями, то есть, говоря языком прозы, выпивши. Как и в прошлый раз. Друг-экстрасенс потерял ее из виду. Дверь квартиры оказалась не заперта, а на кухне горел свет. А может, ей это привиделось? Если ее сознание или подсознание выкидывает такие фортели... я имею в виду сны, то ей может привидеться все, что угодно. Так?

– Так, но ты забываешь о трупe в парке.

– По порядку. Доберемся и до этого. Наша ясновидящая снова увидела убийство – свое собственное на сей раз. То есть, господа, я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что ее способности развиваются. Меняется форматвосприятия, как сейчас говорят. Раньше она видела события *post factum*, так сказать. Теперь она увидела то, чего еще не было. Она увидела будущее. Хотя, с другой стороны, узнать, права она или нет на сей раз, можно только в одном-единственном случае: если ее действительно убьют. Причем так, как она это увидела, – ножом... и так далее. Я понимаю любопытство нашего злоумышленника – что следует за чем? Кстати, давайте назовем его как-нибудь.

– «Икс», – предложил Савелий. – Или «призрак». Ты, Федор, говоришь об убийстве, как о... даже не знаю, о чем. Ведь речь идет о человеческой жизни!

– Ты прав, Савелий, извини. Но то, что мы обсуждаем, скорее теория. Потому что реальность как-то не укладывается в голове. Твои предложения о кличках для этого... человека, я бы сказал, избиты. Давайте назовем его... А что, собственно, мы знаем о нем? Бессмысленные поступки, любопытство и, наконец, убийство. Насколько я понимаю, в последнем убийстве он признался. Чтобы получить ответ на свой вопрос, он готов убивать. Какая-то навязчивая идея – любой ценой узнать, *какаясновидящая видити когда. Доили после.* Зачем это ему? Что его так задевает? Или тревожит? Странный тип, я бы сказал. Наша девушка, Ксения, не сумела рассмотреть его лицо, хотя он был рядом... Белые глаза – ужасно и очень по-дамски. Давайте назовем его... «Мистик»!

– Давайте, – согласился Савелий, подумав.

– Это все? – неприветливо спросил капитан. – Формат действительно поменялся. И не нужно ждать, пока ее убьют, чтобы в этом убедиться. Убийство женщины из «Магнолии» Ксения увидела, когда держала руку над ножом. У нее на ладони появился ожог. Я проверял, настоящий ожог. Покраснение, волдырь... Я не верю во все эти штуки, но это я сам видел,

сам! Причем ранее ничего не было. Я чувствую себя последним идиотом, как будто кто-то нарочно меня дурачит. И знаю, что он будет убивать еще, и нет ни одной зацепки, только одна чертовщина...

– Да, ожог – это что-то новенькое, – заметил Федор. – Ее способности прогрессируют. Я тоже не верю во все эти штучки для слабонервных, но тут факт налицо. И свидетель, заслуживающий доверия. Ничего не попишешь. – Он взял хлебную палочку из плетеной корзинки, рассеянно откусил. – А эта женщина в парке... Кто она и что делала там в два часа ночи? – спросил после продолжительного молчания.

– Продавщица из «Магнолии». Одинокая, тридцать четыре года. На службе характеризуется положительно. Закончила работу в одиннадцать, пошла домой. Живет в центре, на проспекте Мира. Ходила домой пешком. Сокращая путь, шла через парк прямо к своему дому. Вернее, по краю парка. Можно идти по улице, потом свернуть, но так на три минуты быстрее...

– Получается, что ушла она с работы в одиннадцать, а убили ее в два? Где же она находилась эти три часа? Гуляла по городу? Сидела на скамейке в парке? – Федор подождал ответа, но никто ему не ответил. – И еще вопрос. Если поверить в то, что рассказывает Ксения, то человек без лица...

– Мистик, – подсказал Савелий.

– Дуристик! – буркнул капитан.

– ...то человек без лица взял нож, которым Ксения собиралась защищаться, и тоже бродил неизвестно где три часа, пока не наткнулся на эту женщину. Что-то тут не вяжется. Может, они знакомы? И вместе гуляли? Может, она бродила по парку со своим другом, они поссорились, друг бросил ее одну и убежал. Хотя если есть квартира, то по улицам, как правило, ночью не бродят. Эти три часа – как бельмо на глазу. Если наш Мистик выскочил от Ксении с ножом, приятно возбужденный встречей с ясновидящей... Кстати, почему он ушел? Одна из версий, как я понимаю, состоит в том, что его спугнул Урбан. Но тот, по его словам, никого не видел. С другой стороны... это дело такое... Мистик мог подняться на верхний этаж и переждать там. Гораздо более странно то, что его не видели твои люди, которые дежурили у дома. Кстати, ты проверил остальные ножи?

– Они дежурили только до половины двенадцатого. Убедившись, что Ксения вернулась, они ушли, – ответил капитан. – Ножи проверил. Женщина убита ножом, унесенным из квартиры Холодовой.

– Это уже что-то. Пальчиков, разумеется, нет. – Капитан Астахов

кивнул. – Насчет твоих людей... Может, посадить кого-нибудь прямо в ее квартиру? Получается, Мистик покинул укрытие уже после ухода твоих людей, то есть около половины двенадцатого. За два часа с небольшим до убийства в парке. Где же он находился все это время? Искал жертву? Непонятно. Самое определенное на данный момент, что мы знаем о преступлении, – это время убийства, о котором сам же убийца нам любезно сообщил. Что говорит экспертиза?

– Это не противоречит выводам экспертизы – смерть наступила между двенадцатью и двумя ночи.

– Значит, эта продавщица из «Магнолии»... вместо того чтобы идти домой, зачем-то пошла в парк. Женщины не ходят в парк по ночам. Разве что у нее были для этого серьезные причины. Может, Мистик знаком с ней, они встретились, он ее увлек... и так далее. С незнакомым она бы туда не пошла. А он... непонятно, почему он ждал так долго. Нож жег ему руки, а он терпел до двух, бродя по парку или сидя на скамейке и рискуя быть замеченным? Сомнительно. Вопрос времени, господа, остается на повестке дня. Что они оба – убийца и жертва – вдвоем или поодиночке, делали до двух часов ночи? И где они находились эти три часа? Или два... как минимум?

– А зачем он вообще приходил к ней домой? К этой Ксении? – спросил вдруг Зотов.

– Молодец, Савелий. Это – четвертый вопрос или даже пятый. Зачем он пришел к ней домой? Ксения уверена, что он собирался убить ее. Она видела, как он убивает ее ножом. И если бы не Урбан, который его спугнул...

– Да не будет он ее убивать! – вырвалось у капитана Астахова. – Во всяком случае, пока. Она ему нужна. Она его интересуется. Кстати, я ей посоветовал ответить ему...

– Как именно?

– Написать, что она не понимает, о чем речь. Пусть он ответит... Она – опять напишет, а там видно будет. Может, он проколется на чем-нибудь. Или морда его примелькается... если, конечно, он пишет из интернет-кафе.

– Резонно, – похвалил Федор.

– Ты знаешь, сколько таких заведений в нашем городе?

– С десятков?

– Двадцать четыре. Оба письма к Ксении пришли утром, около девяти. Кафе открываются в девять или в десять. Четыре вообще круглосуточные. Человек приходит, платит деньги, получает талон. Если нет свободных компьютеров, то ему говорят, когда прийти. Там что-то вроде зверинца.

Детишки вернулись от бабушек и дедушек – через три дня в школу. Шум, крики, не протолкнуться... Мои люди спрашивали о высоком человеке со светлыми глазами, который приходил утром в определенные дни, когда Ксения получала письма. Они там не записывают имен, клиентов подсчитывают по выданным талонам. Никто ничего не помнит. Эти молодые люди – операторы – не просто сидят в Интернете. Они живут там. Они отвечают, не глядя тебе в лицо... В этом паршивом деле все не так!

– И все-таки эти три часа... или два... что-то тут странное, – произнес Федор.

– Тут все странное, – отозвался капитан.

* * *

Стас и Кира уютно устроились в его кабинете. Гоняли в Интернете. Рабочий день давно закончился, молодые люди были одни. Стас, которого тайна Ксении распирала уже три дня, дошел до критической точки.

– Знаешь, – начал он, не сводя взгляда с экрана, – у Ксении неприятности.

– Какие неприятности? – Кира тоже не отрывал взгляда от экрана.

– Какой-то тип кидает ей «мыло» с угрозами. Она сама не своя ходит.

– Откуда ты знаешь?

– Она спрашивала, как его вычислить.

– А чего этому козлу надо?

– Не знаю, я не читал. Она просто спросила, как его вычислить. И слово чудное...

– Может, он ее шантажирует?

– Ксению? Скорее, Романа. Ксения – баба правильная.

– А убийство?

– Что «убийство»? – не понял Стас.

– А вдруг она замешана? Она же Динку собиралась увольнять, сам говорил!

– Я говорил «увольнять», а не «убивать»! Ты что, совсем слетел? И крысу припер!

– При чем здесь крыса? – возмутился Кира.

– Притом. Это называется глюки. У человека проблемы, а ты ему крысу!

Молодые люди замолчали. Кира надулся, но ненадолго.

– Слушай, – он пихнул друга локтем в бок, – а ты можешь прочитать ее почту?

– Могу... в принципе, – не сразу ответил Стас.

Снова наступило молчание. На сей раз оно было короче, чем в первый раз...

– «Ана-пе-лис идет по стопам смерти? Или смерть идет по стопам ана-пе-лис?» – по слогам прочитал Кира. – Что за фигня? Стихи? Что такое «ана-пе-лис»? Имя?

– Ну, это то слово... я же говорил. Если б имя, то с большой буквы. Ксения тоже спрашивала, что оно значит. Первое «мыло» пришло сразу после смерти Динки. Двадцать второго августа. А это – через два дня, двадцать четвертого. «*Прошлой ночью, в два. Когда анапелис увидела? Возвращаю взятое*».

– Опять, блин, «анапелис», – сказал Кира. – А что он у нее взял? Деньги? И что случилось ночью? Слушай! – он вдруг схватил Стаса за рукав. – Знаю! Когда пришло письмо? Двадцать четвертого! А ночью двадцать четвертого в парке убили бабу, наши реализаторы рассказывали.

– Кирка, ты что, совсем? При чем тут Ксения?

– Откуда я знаю? Смотри, как все сходится! Двадцать четвертого ночью – убийство. Двадцать четвертого утром – «мыло». Может, Ксения заказала эту бабу. Ну, вроде как мужика не поделили... или еще чего.

– Ага, и дала ему пушку, – саркастически заметил Стас. – А он ее замочил и пушку вернул. А что такое «анапелис»? Тоже знаешь?

– Не знаю, – вынужден был признать Кира. – Поищи в инете.

– Искал уже. Нету там такого слова.

– Как это нету? Плохо искал!

– Поищи сам, – обиженно отреагировал Стас.

– Слушай, а Ксения в ментовку заявила?

– Даже если и заявила, все равно без толку! Как его поймаешь?

– Но адрес же есть... – напомнил Кира.

– Кирка, опять начинаешь? Я же тебе объяснял про адрес!

– Но менты же могут!

– Ни хрена они не могут! Если послали из интернет-кафе, то никто не может.

– А вдруг там его запомнили!

– Во-первых, он может ходить в разные кафе. Знаешь, сколько их в городе? А потом... Знаешь, я, когда совсем малой был, компа своего не имел, сидел там постоянно. Иногда забегает какой-нибудь деловой, спешит, ждать не может. Сует десятку: уступи на минутку, говорит, пацан, мне

нужно кое-что отправить по-быстрому... Я бы на месте этого... именно так и посылал. Тут вообще с концами. Даже если менты и будут искать по кафе... Он нигде не засветился.

– Хитрый, козел!

– Хитрый. В таких делах без хитрости нельзя... сам понимаешь.

– Слушай, – снова встрепенулся Кира, – а что, если...

Друзья еще долго сидели голова к голове, обсуждая дела Ксении. Кира предлагал всякие нестандартные планы поимки хитрого козла, Стас разбивал их в пух и прах. Кира горячился, называя друга козлом. Стас не оставался в долгу, отвечая, что Кира – редкий идиот, редкий идиот с одной извилиной и редкий идиот без извилин вообще.

А на другой день молодой человек странноватого вида, в черном костюме и черной рубашке, с тонкими усиками и длинными волосами, в больших черных очках, зашел в интернет-кафе «Галактика» и отвел в сторону парнишку-оператора. Несмотря на довольно ранний час, в кафе стоял галдеж, как на птичьем базаре. Детишки спешили занять места пораньше, чтобы просидеть у экрана, на радость родителям, весь день, а не шляться где попало и с кем попало. Парень нетерпеливо переступал с ноги на ногу, но молодой человек, сунув ему под нос красное удостоверение, купленное в переходе метро, ненароком расстегнул пиджак, являя на свет кобуру с пистолетом.

– Не помню я ничего, – забубнил паренек, прекрасно зная – чем меньше говоришь ментам, тем лучше для всех. – Честное слово... Да я даже не успеваю их рассмотреть... вроде взрослых не было. Тут в основном пацаны... Жилой массив рядом.

На следующей точке тоже никто ничего не помнил и не знал, несмотря на красные корочки, демонстрируемое уже в открытую оружие, конспиративный шепот и многословные призывы к содействию органам правопорядка в поимке особо опасного убийцы-маньяка, который, возможно, по утрам отирается в данном заведении.

Итог был печален – Киру замели в пятом интернет-кафе, где он, потрясая перед носом оператора фальшивыми красными корочками несуществующего отдела полиции «по борьбе с серийными сексуальными преступлениями», своим на редкость неприятным и пронзительным голосом требовал вспомнить, кто сидел в Сети в десять тридцать утра двадцать второго и двадцать четвертого августа. При этом он многозначительно поправлял кобуру с детским пистолетом у себя под мышкой. Замел его патруль в камуфляжной форме, который зашел испить

воды по случаю неожиданно жаркого дня. Фальшивые корочки изъяли, так же как и детский пистолет, купленный у коллеги – реализатора детских игрушек, заломили назад руки, уперли лбом в стену. Сцена напоминала показательное задержание террориста из учебного фильма.

Изрядно струхнувший Кира тем не менее не растерялся и заявил, что работает по спецзаданию капитана Астахова из уголовного розыска, а они... (тут он сдержался, чтобы по привычке не обозвать патруль козлами) срывают секретную операцию. Он даже продиктовал телефон Астахова, который, обладая прекрасной памятью, хорошо помнил. Капитан приглашал его звонить в случае чего, в связи с убийством Динки.

– Какую операцию? – спросил лейтенант, громадный амбал с автоматом, исподлобья рассматривая задержанного.

– Серийный убийца! – прошипел Кира. – Резонансное дело! Отправляет емели из интернет-кафе и предупреждает про убийства!

– Может, ты сам и отправляешь! – ответил лейтенант, отмякая.

– Кто? – переспросил капитан Астахов в трубку. – Спецзадание? Искал мужика с белыми глазами? Да, наш человек. Сейчас буду.

– Рассказывай, – предложил капитан, задумчиво глядя на Киру. Мужчины сидели за столиком полупустой забегаловки. – Все. С самого начала.

– Ну... – неопределенно начал тот, потирая запястья, где еще виднелись следы от наручников. – А можно еще бутерброд? Я не успел дома позрять.

Капитан только хмыкнул.

– Ну, значит, прочитали мы Ксенину почту, – начал Кира непринужденно, – и я говорю – нужно брать мужика. Псих стопроцентный! Как бы он и Ксению... не замочил! Стас, козел, говорит, его нельзя вычислить. Как это нельзя? Никак, говорит, нельзя. Я говорю, я тебе докажу, программер долбаный! И пошел. Спрашивал у всех. И у юзеров тоже. Стас сказал, иногда вбегает деловой, сует десятку и просит отправить емелю, не хочет ждать. Ну я и подумал! В первых четырех ничего, а в «Черемушках» был такой... Это вообще для молодняка. Один там есть, Глебушка, безобидный пацан, но шарит в компах нехило, говорит, заходил такой с белыми глазами... Значит, был все-таки! Я – к козлу, который там дежурит, говорю, мужик к вам ходит, с белыми глазами... А тут патруль! Козлы! Руки заломили, к стенке фейсом...

– Что значит, «с белыми глазами»? – подал голос капитан.

– Глебушка говорит, фейс красный, а глаза почти белые. И тату на руке около большого пальца. Птица с крыльями. И озирался все время...
Последнее было плодом буйной фантазии Киры.

Глава 26

След

Мы лежали, обнявшись, на моем диванчике в стиле ампир и бессмысленно пялились на экран телевизора, где шел американский фильм. Герой-супермен в маске, играя мускулами, летал по крышам небоскребов и сворачивал челюсти плохим парням.

На нас снизошел удивительный покой. Просто nirvana. Мы в очередной раз поняли, что созданы друг для друга. Александр был нежен и ласков.

– Мы – одно целое, – говорил он. – Неужели ты до сих пор этого не поняла? И не убегай больше. Все равно не убежишь. И не думай о... других (Это на мои издевки по поводу поклонниц.) Все хотят чуда, даже самого маленького. Я для них это чудо. (Однако!) Я не похож на их мужей, я – загадка, я – другой. И это их привлекает. Но тебя они не должны волновать. (Конечно, ведь наша связь на астральном уровне!) То, что нас связывает, больше, чем любовь. Это... родство душ. (А со Стеллой – тоже родство душ?)

Я по привычке бунтовала, комментируя мысленно его слова, но в глубине души не могла не согласиться. Нас тянуло друг к другу со страшной силой, но я не знаю, любовь ли это. То, что происходит между нами, носит волнообразный характер. Я то покорно склоняю голову, то бунтую. То захлебываюсь от желания, то ненавижу его и стремлюсь причинить боль. Урбан, видимо, испытывает то же самое. Нас притягивало друг к другу и отталкивало одновременно. Почему? Одноименные заряды?

– Супермен – не продукт эволюции человека, – вдруг сказал Александр. – Это самое большое заблуждение! Философский курьез, «народная» идея. Сверхчеловек не развивается из человека, он не «преувеличенный» человек... вроде того, из кино. Он – другой. Маг или святой. «*Молния из темной тучи человека*» – назвал его Ницше. Он единственный, кто понял идею сверхчеловека и объяснил. Сверхчеловек – это тайные знания, новый смысл вещей, связь времен...

Я молчала, слушая голос Александра в большей степени, чем его слова. У него... такой голос! Он резонирует во мне, как в пустом сосуде, рождая тонкие дразнящие вибрации... Я протянула руку, погладила Александра по лицу. Он повернулся ко мне...

...Мы любили друг друга, а на экране резвился «народный» супермен.

В отличие от истинного, который над моралью, он спасал вдов, сирот и стариков. Довольно однообразно спасал. Без воображения, необходимо заметить...

...Ночью мне приснилась бабушка. Я находилась в церкви, той самой, с голубем, и старая женщина в углу, которую я едва заметила тогда, оказалась моей бабушкой. Она по-прежнему стояла в углу, но на сей раз словно освещенная сверху косым лучом света. Далеко под куполом вился кругами в поисках выхода плененный голубь. Крылья его с печальным звуком ударяли в стены. Бабушка смотрела на меня молча. Лицо у нее было задумчивое.

– Бабулечка, – обрадовалась я, – не знала, что это ты. Ты вернулась?

Она покачала головой – нет.

– Бабулечка, пойдем домой.

Она снова покачала головой.

– Ты здесь теперь живешь?

Она кивнула. Почему-то ни я, ни она не делали ни малейшей попытки подойти друг к другу.

– Можно я останусь с тобой? – спросила я.

Она, пристально глядя на меня, снова покачала головой.

– Что? – Мне показалось, она хочет что-то сказать.

– Уходи, – произнесла она едва слышно.

– Куда? – удивилась я.

– Совсем. Уходи совсем.

– Куда? – повторила я, вглядываясь в темный угол церквушки.

Луч погас, стало совсем темно, и уже ничего нельзя было разглядеть...

«В каком смысле «уйди совсем»? – думала я, шагая на работу. – Как это понимать? Бабушка хочет предупредить меня о чем-то? О чем? Спасти? А куда уйти?»

Ни до чего путного не додумавшись, я переступила порог родного заведения. Стас при виде меня шмыгнул к себе в комнату, как нашкодивший кот. Все старательно делали вид, что безумно заняты. Как же – хозяин вернулся, отдохнувший, с новыми силами. Не сегодня завтра жди пополнения – какую-нибудь новую юную нахалку. Меня передернуло при мысли о Романе. Раньше он не вызывал во мне протеста, теперь же меня просто трясло от одной мысли о нем. И в первый раз я подумала, что не хочу больше ни видеть его, ни работать с ним. Мысль эта так мне понравилась, что я тут же дала себе слово: как только закончится вся эта...

история, рвану отсюда, только пятки сверкнут. Хватит с меня Романа и его девочек. Хватит!

С трепетом я проверила почту. Пусто! На миг я почувствовала удивительную легкость – неужели конец? Он, как вампир, напился крови и успокоился? Он не ответил на мое письмо – то, которое мы сочинили вместе с капитаном. Где было всего три коротких предложения: «Я не понимаю. Что такое «анапелис»? Кто вы?»

День прошел на удивление быстро. Роман, надувая щеки, потребовал отчет за последние три недели, сидел, изучал с умным видом. В двенадцать вызвал меня к себе, спросил:

– Ну, как? Что там у полиции? Ничего нового?

Я ответила, что мне это неизвестно. Следователь не приходил, никого из нас не вызывал. А если его, Романа, интересуют городские... слухи, то баба Броня готова с отчетом. Бьет копытом. Она подружилась с теткой Динки, и та ей рассказывает, как ловят убийцу. Держит в курсе. Роман озабоченно покивал. Он действительно поправился, физиономия – как мяч, и двойной подбородок.

Походив вокруг да около, Роман поинтересовался, о чем мы говорили с Ларисой, когда обедали. И вообще, где были и что делали. Дряннь, а не мужик! Мало ему, что я разбираюсь с его девками, так еще должна и о разговорах с женой доносить. Я сдержанно ответила, что Лариса расспрашивала о Динке. Он испытующе смотрел на меня – подозревал, что я могла проболтаться о его отношениях с жертвой. Я устояла на него в упор, и он не решился спросить напрямик, так ли это.

Вечером меня встретил Александр и пригласил поужинать в «Прадо». Я спросила, с чего вдруг так торжественно – «Прадо» славится не только кухней, но и ценами. Он ответил, что сегодня ровно месяц, как мы познакомились. И эту дату нужно отметить. Неужели только месяц? Мне казалось, много больше. И столько событий... Невольно я вспомнила Стеллу. Александр молчал, был подавлен, хотя и пытался шутить. Мы оба думали о Стелле. Я уже не чувствовала ревности. Мне было до слез жаль, что ее больше нет. Я взглядывала украдкой на чеканный профиль Александра. Потом положила руку на его плечо. Он тут же обнял меня, прижал к себе, потерся щекой...

Разговаривать нам не хотелось. Есть тоже не хотелось. Мы пили вино, и Александр время от времени подносил к губам мою руку. Людей было немного. Пианист во фраке мягко перебирал клавиши.

– Ты так много для меня значишь, – произнес вдруг Александр. – Ты

замечательный человек, Ксенечка. Ксения... Ты – избранная... Да, да, я не шучу, – добавил он поспешно, заметив, что я собираюсь возразить.

«Девственница в венке», – вспомнила я слова Регины. Мне не нравилось его настроение. Хотя если подумать, то радости в нашей жизни за последний месяц было совсем мало. Вернее, ее не было вовсе.

– Все будет хорошо. – Я положила ладонь на его руку. – Все проходит в конце концов.

– Ты права, Ксенечка, – ответил он. – Все проходит. Я благодарен судьбе за то, что мы встретились.

Терпеть не могу пафоса, но Александр сказал это так просто, что мне не к чему было придираться. Я подумала, что мы действительно могли не встретиться, и почувствовала боль. Александр вошел в мою жизнь как некая закономерность. Мы были как две детали машины или прибора, назначение которых не знали. Я, во всяком случае. Детали сцепились, и механизм заработал – и только Богу одному известно, что получится в результате.

...Мы шли домой, держась за руки. Стоял мягкий, теплый и влажный вечер, уже вполне осенний. Так не хотелось верить, что лето закончилось...

Утром меня ожидало новое письмо. Затаив дыхание, я открыла почту. Белоглазый требовал: « *Правду, анапелис, правду! За ложью следует наказание– новая смерть. Смерть среди деревьев*».

Он не поверил мне! Он угрожает. Он знал точно, что я и есть этот чертов... *анапелис!* Или чертова. Не стоило ему отвечать. Что за дурацкие игры! Я почувствовала досаду на капитана Астахова. Белоглазый прекрасно все знает, его не обманут наши неуклюжие потуги.

Я позвонила Астахову и по его просьбе три раза подряд прочитала ему послание. Почувствовав укоризну в моем голосе, он сказал, что мы все сделали правильно, нам важно выиграть время, поторговаться, отвлечь его.

– Смерть среди деревьев... не знаю. Возможно, он просто пугает. Не беспокойтесь, Ксения, – сказал он напоследок, – мы с вас глаз не спустим. И звоните, не забывайте. А вы... ничего не видели?

В его вопросе прозвучала смутная надежда. Кажется, капитан начинал верить мне...

– Ничего.

Я думала, он придет, и почувствовала разочарование. Мне казалось, капитан бросил меня на произвол судьбы. Если бы меня убили, тогда другое дело. Всякие экспертизы, следственные эксперименты, допросы свидетелей. Тут же мне стало стыдно за подобные мысли. Капитан-то при

чем? Это – мой крест. И нести его в страхе и ожидании грома небесного придется мне одной. Я подошла к окну, посмотрела на улицу сквозь полоски жалюзи. Где-то там бродил Белоглазый, держа меня под прицелом своего взгляда. Бабушка сказала, уходи. Уходи совсем. Куда? На Мальту? Или это нужно толковать как-то иначе?

– Бабулечка, помоги мне, – попросила я, уставясь в потолок. – Мне страшно. Я ничего не понимаю. Я жду беды.

...В комнате было почти темно. Толстые темные шторы не пропускали дневной свет. Горела неяркая настольная лампа. Человек за письменным столом сидел неподвижно, глубоко задумавшись. Лицо его оставалось в тени. В кругу света лежал лист календаря с закрашенными черными чернилами датами. Человек неторопливо взял со стола черную шариковую ручку и... застыл, словно колеблясь. Приняв наконец решение, он зачеркнул некую дату. Положил ручку, откинулся в кресле и закрыл глаза...

* * *

...Ранние сумерки, томное предвкушение осени. Мы бродили по городу, словно прощались.

– Я хочу на Мальту, – сказала я. – Поедешь со мной?

– Поеду! – сразу отозвался Александр. – Давно собирался. Когда?

Мы обсуждали нашу поездку, а в глубине души я почему-то знала, что этого не будет. Странное состояние покорности и безразличия охватило меня. Я вспоминала, как Белоглазый ударил меня ножом, а я вытянула руку, защищаясь. Вспоминала резкую боль в ладони... Иногда подносила ее к глазам, словно пытаюсь рассмотреть следы пореза. Но на ней остался лишь след от ожога. Александр целовал мою ладонь и спрашивал:

– Больно? Уже не больно?

...Я увидела убийства – все они случились. Я увидела, как Белоглазый убивает меня. С одной лишь разницей: на сей раз я увидела то, чего еще не было... Можно ли что-то изменить? Или нет? Или это окончательный приговор судьбы, не подлежащий обжалованию?

– Что с тобой, Ксенечка? – спрашивал Александр под каждым фонарем, заглядывая мне в лицо. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Я познакомлю тебя с господином Бьяготти, – отвечала я невпопад. – Я прекрасно себя чувствую.

– Не хочу ни с кем знакомиться, – говорил Александр. – Я буду ревновать! Никого не хочу. Только мы вдвоем. Обещаешь?

Глава 27

След

(окончание)

Мальта – это хорошо. Натужные попытки встряхнуться. Натужные и напрасные. Есть судьба – разве от нее убежишь на Мальту? Александр поддерживает мою идею убежать, но в глаза мне не смотрит. Я кажусь себе зачумленной и чувствую, как вокруг меня постепенно образуется вакуумная воронка, в которую меня затягивает неотвратно и бесповоротно. Не уверена, возможно ли такое с точки зрения физики – вакуумная воронка! Но как бы то ни было... Обреченная. Невеста в ожидании жениха...

Александр изо всех сил пытается меня растормошить, от этих попыток за версту разит безнадежностью. Кому, как не ему, знать, что это значит и как все закончится в один прекрасный день. В один страшный день. Или ночь. А пока он стережет меня, как старательная овчарка стадо овец. И мне кажется, он начинает тяготиться навязанной ему ролью. Капитан Астахов, расставив капканы и развесив красные сигнальные флажки, с нетерпением ожидает появления зверя. Жертва интересует его мало – главное поймать хищника. За это спишутся потери. Прошлые и будущие.

Я становлюсь подозрительной – в каждом слове и жесте мне чудится подтекст. Я даже знаю, как произойдет финальная сцена. Как капитан Астахов заманит зверя в ловушку? Для этого нужно всего-навсего оставить меня одну... Я вспоминаю какой-то фильм, где несчастная женщина, привязанная к дереву, исполняет роль приманки. Не помню только для кого – дракона ли, гигантского питона или человека. Она бьется и кричит, полная ужаса, и пытается освободиться, а охотники сидят в засаде, потирая руки – чем громче она кричит, тем скорее придет зверь.

...Я не могу работать, мой мозг требует хоть какого-то смысла и действия. Сказавшись нездоровой, я выхожу на улицу, где горит яркий теплый день. Прохожие, смеясь и размахивая руками, деловито обтекают меня, и мне становится легче. Я бреду куда глаза глядят. Бессмысленно, бездумно, отдаваясь равномерному движению без цели. В никуда. Ноги приносят меня в знакомое кафе «Знаки Зодиака», где мы недавно сидели со Стеллой и куда пришел Урбан... сто лет назад. Зачем? Какой в этом смысл? Кто это придумал и свел нас всех в большом городе?

Я усаживаюсь в углу под пышным фикусом. Ищу глазами наш столик. Нахожу. Там сидят двое. Александр Урбан и молодая женщина с длинными темными волосами. Колючка пронзает мне сердце, и перехватывает дыхание – женщина удивительно похожа на Стеллу: такие же волосы, стать, хрупкость, она так же пожимает острым плечом. Женщина сидит боком, и лица ее мне не видно. Зато я прекрасно вижу лицо Александра... Мне знакомо это выражение – ласковое, чуть насмешливое, восхищенное. Он улыбается ей так, как давно уже не улыбается мне. Когда он со мной, его улыбка больше похожа на гримасу...

Я поднимаюсь с кресла. Покачнувшись, хватаюсь руками за край стола – ноги отказываются держать меня. Знакомая белая вспышка, полусвет-полутень... коротко блеснувшая в воздухе гибкая длинная вещица... кажется, женское украшение... Я отчетливо вижу светлые крупные камешки... Вещица падает в траву и исчезает... Вон отсюда!

Я мчусь по улице, натываясь на прохожих. Это мне только кажется, что мчусь. На самом деле едва плетусь, испытывая такую боль, что лишь усилием воли заставляю себя идти, а не броситься на грязный асфальт и не разрыдаться. От горя, безнадежности, предательства. Из-за своей роли подопытного кролика для Александра и капитана в их мужских играх. Из-за собственного ничтожества.

Почему в том же месте? За тем же столиком? В этом чувствуется какое-то извращение... Извращение также и в том, что женщина похожа на Стеллу...

После его уверений, что мы одно целое, две половинки, связаны навеки и «только смерть разлучит нас»... Или это он говорит всем? Дежурный набор слов? Это же он говорил Стелле? Что ж, он оказался прав – их разлучила смерть...

Стремясь унять боль, он ищет женщин, похожих на нее. И берет на себя их карму. А я? Духовная связь на астральном уровне? Девственница в венке? Или подопытный кролик? Что я для него?

Никогда еще ни один мужчина не заставлял меня чувствовать то, что я чувствовала сейчас. Никогда. Всегда я уходила первой. Это они настаивали и недоумевали... Но если честно, то не очень. Наши отношения не обременяли ни меня, ни их. Что изменилось сейчас? Это любовь? Та самая, с большой буквы? О которой пишут в романах? Как в омут с головой? Из-за которой травятся, выплескивают в лицо сопернице серную кислоту, бросаются из окна? Потому что нет сил терпеть боль... Будь она проклята, такая любовь, жестокая, как смерть! С жестокой ревностью, с огненными стрелами ее!

От уверенного в себе человека, каким я была еще недавно, ничего не осталось. И тут мне в голову приходит мысль, что... у всякого свой путь и свой конец. У одних раньше, у других позже. И большой разницы нет. Равно как и смысла. Странный покой внезапно снисходит на меня – одуряющий и тяжелый. Не остается ни мыслей, ни страха. Одна тупая покорность. Наверное, я перешла грань, за которой уже нет ни желания жить, ни защищаться.

Я оглянулась – *где ты, мой зверь?* Приди и возьми меня – я с готовностью протяну к тебе руки и подставлю горло. Я уже почти люблю тебя, зверь, за то, что ты не притворяешься, за твою последовательность и страсть. Такие, как ты, не сворачивают с пути и не предают.

Приди! Твоя Анапелис ждет тебя с нетерпением!

Кто? Я жадно вглядывалась в лица людей вокруг. Этот высокий мужчина, взглянувший на меня с интересом? Или тот молодой парень, скользнувший равнодушным взглядом, показавшимся мне нарочитым? Или благообразный старик, с чьим строгим взглядом пересекся на долю секунды мой блуждающий?

Мне уже все равно. Я одна на свете, и мое одиночество глухо звенит во мне в такт шагам и толкает с нетерпением вперед и к концу. Скорей бы!

Я не помню, как добралась до дому. Кажется, уже наступила ночь. Не помню, как поднялась, забыв о лифте, на восьмой этаж, как на Голгофу, ударяясь плечом о стены и цепляясь непослушной рукой за перила. Достала ключи, отперла дверь. Постояла в темноте прихожей, не сразу сообразив, что нужно включить свет. Позвала негромко: «Эй, ты здесь?» Мне никто не ответил...

Я стояла, вдыхая родные запахи жилья, и чувствовала слабый чужой душок – неуловимый, ускользающий, пряный. Кофе, трава, кора растения, кожа? Мой зверь был здесь совсем недавно. А может, и сейчас еще тут. Сидит, не оборачиваясь на мои шаги, в гостиной на кушетке в стиле ампир – я вижу его жесткий затылок. В его неподвижности непреклонность, упрямство и принятое решение.

На цыпочках, осторожно, я двинулась по коридору на кухню, потом в комнату. По дороге я зажигала лампы – яркий свет люстры отражался в стеклах серванта, мягко сиял хрусталь и позолота на кофейном сервизе. Торшер, настольную лампу, боковые бра. Квартира была залита светом, но потоки его от разных светильников накладывались друг на друга, создавая атмосферу безжизненности и беспощадности.

На кушетке никто не сидел. Подушки на месте. Одна на полу – я

забыла поднять ее утром. За портьерами никого. Дверь на балкон заперта. Спальня тоже пуста. Мебель не сдвинута с места, дверцы шкафа закрыты, на ночном столике – книга. Обостренным зрением я воспринимала мельчайшие детали, ускользавшие раньше, – вроде серой перламутровой пуговички от блузки, закатившейся за ножку кровати, или птичьего перышка, неизвестно откуда взявшегося, на полу у шкафа. Все вроде в порядке. И все же, все же... что-то было не так, что-то витало в воздухе...

...Я стояла на пороге, стараясь понять, что именно не так. «Геральдическое» покрывало – память о Мальте, – темно-красное, простроченное ромбами, в каждом из которых вышит рыцарь в латах на коне, щит с гербом или королевская лилия, пожалуй... пожалуй... лежит неровно. Серебряный рыцарь в центре у изголовья чуть смещен в сторону, и под ним угадывается какой-то предмет...

Я всматриваюсь в рыцаря так напряженно, что он в конце концов оживает и взмахивает копьем, шевелится от ветра пышный плюмаж на шлеме...

Я шагнула к кровати, вцепилась в край покрывала негнуцимися пальцами и рванула его на себя...

* * *

Трое друзей сидели в «Тутси». Разговор не особенно клеился. Капитан Астахов, по его словам, пришел напиться, а поэтому дурацких вопросов просил не задавать.

– Ну, не знаю я ничего, – повторял он с досадой. – Не знаю. Мы сейчас прочесываем с фотороботом городские интернет-кафе, транспорт, психоневрологические диспансеры, районные поликлиники. Задействованы все... Вам же известно, как у нас с людьми. Даже курсанты школы полиции. Вместо занятий. Пока ничего...

– Зачем поликлиники? – спросил Савелий.

– Свидетель утверждает, что у него красное лицо, как после ожога, – стал объяснять Федор. – Поэтому глаза кажутся светлыми. Если действительно ожог, то должны быть какие-то следы, где-то он лечился... Если он из нашего города, конечно.

– Кто новая жертва?

– Студентка торгового техникума. Не вернулась ночью, подружки подняли тревогу. Ваш... Мистик задушил ее в посадках недалеко от

общежития. Там частные огороды и остатки колхозного сада. Нашла ее бездомная собака, стала лаять, какой-то прохожий подошел и увидел... Последнее письмо от Мистика пришло позавчера, он пообещал смерть среди деревьев в наказание за ложь.

– Он будет убивать до тех пор, пока не получит ответ на свой вопрос, – сказал Федор. – Но даже получив его... – Он запнулся, словно какая-то новая мысль пришла ему в голову. – Даже получив его... Где гарантия, что ответ ему понравится? Он всегда найдет причину для нового убийства. Он недоверчив, осторожен и упрям. И мне почему-то кажется, что у него уже есть ответ. Такое у меня странное чувство... Он просто хочет удостовериться в своей правоте, а потому любой ответ, идущий вразрез с его собственным, только обозлит его.

– Почему ты думаешь, что у него есть ответ? – спросил Савелий.

– Почему... – Федор задумался. – Я думаю, он не случайный человек во всей этой истории, – сказал он после паузы. – Он смотрит передачи нашего колдуна, и его заинтриговала ясновидящая. Почти у каждого, кто хоть сколько-нибудь интересовался подобными вопросами, есть собственное мнение на этот счет. А если у него проблемы с психикой, то это мнение превращается в навязчивую идею. Он одержим. Вы больше не писали ему?

– Нет, – отозвался капитан. – Это бесполезно. Мы хотели выиграть время или засечь электронный адрес. Но он все время меняет его. Ждет ответа день или два и меняет. И убивает.

– А твой колдун? – спросил Савелий.

– Что – мой колдун? – буркнул капитан.

– Ну... он не может помочь? Он же экстрасенс.

– Да уж... – отозвался капитан. – Сашка у нас детектор лжи, ему нужно подsunуть убийцу под нос – тут его чутье и срабатывает. Скорее уж Ксения... Она видела, как Белоглазый убивает ее ножом...

– Как она? – спросил Федор.

– Соответственно, – ответил капитан. – Как может чувствовать себя человек, ожидающий, что его вот-вот...

– Бедная женщина, – пробормотал Савелий. – Может, ей лучше уехать?

– Она собиралась. На Мальту. Но потом раздумала... Не знаю, почему.

– А ты и не настаиваешь, – заметил Федор. – Хочешь взять его тепленьким.

– Да, не настаиваю, – повысил голос капитан. – Потому что она – единственная связь с этим... Мистиком.

– Но ведь это опасно! – заволновался Савелий.

– Мы с нее глаз не спускаем. Да и машина уже запущена... мы возьмем его... ну еще пару дней... – ответил капитан, но в голосе его не чувствовалось убежденности. – У нас есть свидетели, которые его видели. Если не заляжет на дно...

– Он больше не пишет?

– Он и не напишет, – ответил Федор. – Все интернет-кафе под наблюдением. Ему неоткуда теперь писать. Но думаю, он найдет какую-то новую возможность связаться с девушкой.

– Я вот о чем... – начал Савелий и замолчал неуверенно.

– Ну? – неприветливо отозвался капитан.

– Это серийный убийца? Да?

– Ну? – снова повторил Астахов.

– Ну а раньше... ничего ведь не происходило! Почему только сейчас?

– Всегда бывает начало, Савелий, – назидательно произнес Федор. – Его спровоцировали, и он сорвался... Колькин колдун и спровоцировал... Прокол.

– Я посмотрел передачи этого Урбана, – вспомнил Савелий. – Ничего особенного...

– А чего ты ожидал по телевизору? Сеанс массового гипноза? Или исцеления? Хоть воду не заряжает... Передача простенькая, но со вкусом. Довольно интересная. Эзотерический ликбез. Твой Урбан, Николай, интересный мужик с хорошо подвешенным языком, что бьет без промаха по дамской аудитории, – сказал Федор.

– Не только по дамской, – отозвался Савелий. – Наш Мистик не дама...

– Кстати... – Федор воззрился на Зотова. – Савелий, как всегда, попал в десятку. Ты уверен, Николай, что наш маньяк – мужчина?

– Ты много видел серийников-женщин? – огрызнулся капитан.

– Это не значит, что они не существовали. Гипотетически...

– Только не надо философии, – сказал капитан. – И так тошно.

– Ладно, – согласился Федор. – Давай без философии. Давай с логикой. Мистик связан с Урбаном, для меня это однозначно. Если он до такой степени любознателен, если его так мучают разные вопросы, то он вполне мог задать их Урбану – письменно или по телефону. Бегущая строка на экране во время его передач – номера телефонов, по которым можно пообщаться с экстрасенсом. Там даже электронный адрес есть. Причем пообщаться неоднократно. И твой Урбан должен... если не знать наверняка, то предполагать... Я уверен, он знает свою аудиторию. Некоторых узнает по голосам, сам видел. Здравствуйте, говорит, Елена, давненько вас не слышал. Или Маргарита. Или Элеонора. Звонят женщины

в основном. Он должен помнить всех звонивших мужчин, их раз-два и обчелся.

– Да я его сразу же вывернул наизнанку, – ответил капитан с досадой. – Он отдал все записи передач за последний год... Пока я смотрел, чуть крышу не снесло. Включая вопросы.

– А о чем спрашивают? – заинтересовался Савелий.

– Дубли, астральные тела, сны, предчувствия, телепатия, барабашки, полтергейст, ясновидение. Всякая херня, одним словом. Просто удивительно. Но нашего клиента я не почувал...

– Да, наш Мистик – парень серьезный, – заметил Федор. – Следов не оставляет. И все же, все же... Я думаю, Урбан знает больше, чем говорит. Надо бы и за ним походить.

– Да ходим... уже, – ответил с досадой капитан. – Сами не дураки. Ничего.

Наступила пауза. Говорить, казалось, больше не о чем. На лице Савелия отражались мучительные раздумья – видимо, зрел очередной вопрос. Он даже рот открыл, но тут вдруг зазвонил мобильник капитана. Он выдернул крошечный телефончик из кармана, нетерпеливо произнес:

– Да? Да, я! Ксения? Что случилось? Прямо сейчас! Вы в порядке? Заприте дверь!

Сунув мобильник в карман, капитан коротко взглянул на друзей, задержался взглядом на Федоре и сказал:

– Накаркал! Сколько раз просил придерживать язык и не философствовать!

– Что произошло? – испуганно спросил Савелий.

– Кажется, этот псих нашел новый способ связаться с... анапелис, – ответил капитан, поднимаясь. – Пошли!

* * *

Девушка сидела на изящной кушетке с гнутыми ножками неподвижно, глядя в пространство перед собой пустым взглядом. Казалось, она глубоко задумалась о чем-то. Из раздумий ее не вывели ни шаги в прихожей, ни голоса. Она даже не шевельнулась...

– Ксения! – капитан Астахов потряс меня за плечо. – Почему вы не заперли дверь?

Я, не взглянув на него, дернула плечом, освобождаясь. Какая разница?

– Это мои друзья и коллеги, Савелий Зотов и Федор Алексеев. Что случилось?

Я молчала, словно не слышала. Капитан уселся рядом на кушетку. Ножки хлипкого сооружения угрожающе затрещали. Астахов поспешно встал. Я рассмеялась. Мой смех был похож на всхлип.

– Что случилось? – повторил капитан. – Вас кто-нибудь напугал? Вы его видели? Он был здесь? Белоглазый? Он вам угрожал? Где Урбан?

Вопросы сыпались один за другим, но ни на один из них я не ответила. Капитан переглянулся с Федором.

– Ксения, – мягко вступил тот, – он напугал вас, но сейчас здесь никого нет, кроме нас. Мы ваши друзья, можете нам верить. Капитана Астахова вы уже знаете, а мы с Савелием много слышали о вас... Это Савелий Зотов, главный редактор... Что случилось, Ксения? Ксения... – он повторял мое имя снова и снова, стремясь вывести из транса.

– Может, валерьяночки? – заботливо спросил капитан. – Савелий, посмотри в ванной! А где Сашка? – снова спросил он, и снова я промолчала.

– Где... *это*? – вдруг произнес Федор, беря меня за руку.

Я внимательно посмотрела на него, отняла руку и кивнула в сторону спальни...

...Неяркий свет торшера заливал центр комнаты, углы тонули в тени. Федор включил люстру. Темно-красное стеганое покрывало неровно лежало на кровати. Капитан осторожно потянул за край и тянул до тех пор, пока оно не сползло на пол, открыв взгляду то, что лежало в углублении меж двух подушек.

– О господи... – выдохнул Савелий, отпрянув.

Федор, наоборот, подался вперед. Астахов застыл с покрывалом в руках. Даже для видавших виды Федора и капитана зрелище было страшноватым. В полупрозрачном полиэтиленовом мешке, утопая в ржавой, почти черной, крови, лежала человеческая голова – женская. Просвечивали светлые волосы и длинная, ажурная, белого металла сережка. Тусклый синеватый глаз, казалось, уставился прямо на них, красный рот прижался к пленке изнутри...

Глава 28

Семейная сцена

Капитан Астахов хрипло выругался. Савелий судорожно сглатывал слюну и растирал затылок. Федор нагнулся ниже, рассматривая находку.

Савелий вдруг бросился вон из комнаты. Астахов посмотрел ему вслед, поймав себя на мысли, что сам бы с удовольствием последовал за редактором. Он испытывал сейчас ослепляющую ярость, от которой кровь билась в затылке и сжимались кулаки. Белоглазый разгуливает у них под носом, задает свои идиотские вопросы, запросто проникает в закрытую квартиру и оставляет страшные подарки.

– Коля, успокойся, это муляж, – сказал Федор негромко.

– Что? – не понял капитан, переводя взгляд на приятеля.

– Это не настоящая голова... Наш Мистик изволил пошутить на сей раз.

– Как не настоящая? – повторил капитан тупо, нагибаясь над пластиковым пакетом. – Откуда ты знаешь?

– Цвет крови... Цвет лица... я бы сказал, слишком свежий... Запашок краски... И вообще, интуиция. Но выполнено артистично. Посмотри сам.

Капитан постепенно приходил в себя. Он снова нагнулся над пакетом, достал из кармана шариковую ручку, потыкал в голову. Перевернул – тускло блеснула сережка. Распрямился и выругался.

– Пошли поговорим с девушкой, – сказал Федор. – Ей, бедняге, досталось. Я думаю, ей нужно уехать. Чем раньше, тем лучше.

– Зачем? – спросил капитан невпопад, но Федор понял.

– Не знаю, зачем. Но определенная цель у него есть. Наш Мистик не шутит – у него для этого не хватает воображения. У него все предельно ясно: убийство и вопрос, когда *ананелис* это увидела. Он экспериментирует, добиваясь четкого ответа на четко поставленный вопрос. Голова, правда, как-то не вяжется с этой задачей. Но мы ведь не все знаем... Может, дело не в голове.

– Опять твоя философия, – сказал с досадой капитан. – Вяжется, не вяжется... Откуда ты знаешь, как чувствует псих? Что у него делается... тут! – Он остервенело постучал себя кулаком по лбу. – Пугает... Это почище наркотика – знать, что тебя боятся до поросычьего визга.

– Не знаю, – ответил задумчиво Федор. – До сих пор он не делал лишних движений. И не угрожал. Даже обещание наказания относилось не

к Ксении, а к новой жертве.

– А может, именно к ней? – возразил капитан. – Он же написал, за ложь – наказание. А почему голова не настоящая?

– Технически трудно добыть настоящую – он ведь убивает с лету, а не где-нибудь в подвале... Эта голова – угроза, как я понимаю. Вроде мертвых петухов в вуду.

– Зачем ему угрожать? Он играет с ней.

– Прекрасный вопрос, Николай. Я бы тоже не прочь это узнать... или здесь что-то другое... Послушай, та девушка, студентка, блондинка?

– Ты думаешь?..

– Покажи серьги ее подружкам. В первый раз он прислал окровавленный нож, а сейчас – голову. В качестве доказательства. И сережки жертвы.

– Ладно! – подвел черту капитан. – Разберемся. Иди к девушке, а я вызову ребят.

Савелий сидел рядом со мной, полный сочувствия. Он принес валерьянку, найденную в аптечке в ванной, и в гостиной плавал ее сладковато-терпкий запах. Федор придвинул кресло к кушетке. Уселся. Савелий обеспокоенно посмотрел на него, полный опасений, что он сейчас ляпнет что-нибудь не то.

– Друзья, – бодро начал Федор, – это только шутка. Голова не настоящая.

– Как это не настоящая? – поразился Савелий. – А... кровь? – Он во все глаза смотрел на Федора, несколько ему не веря и негодуя, что тот затеял дурацкий разговор в присутствии Ксении. – Я же сам видел! Мы все видели...

– И кровь не настоящая, Савелий. Краска. Не веришь? Пошли посмотрим еще раз. Хотите, Ксения?

Я только головой мотнула. Зотов с минуту колебался, пристально всматриваясь в лицо Федора, словно ожидая знака. Но глаза у того были честные, и Савелий, так ничего и не решив для себя, поспешно встал с кушетки и направился в спальню. Трагедия стремительно перерастала в фарс.

– Хотите кофе? – спросил Федор. – И я бы не прочь за компанию. Вам с сахаром?

Я снова покачала головой и впервые внимательно на него посмотрела.

– Меня зовут Федор Алексеев, – представился он, улыбаясь. – Когда-то работал вместе с... известным вам Колей... капитаном Астаховым. Сейчас

преподаю философию. Сменил военный мундир на тогу, так сказать. Академическую.

– Капитан Алексеев? – спросила вдруг я, рассматривая его: карие ласковые глаза, седые виски, ямочка на подбородке... Красавчик!

– Ну, – ответил удивленный Федор. Так отвечал обычно капитан Астахов, за что подвергался критике стилиста Савелия. – Откуда вам это известно?

Я слабо улыбнулась:

– Регина рассказывала... У которой ателье мод.

– Регина Чумарова? – уточнил Федор. – Как же, как же... помню. Интересно, что же она вам... нарасказывала.

Я рассмеялась – в последней фразе Федора сквозило любопытство человека, который любит рассматривать себя в витринах магазинов.

– Она уверяет, что вы были единственным приличным человеком в милиции. Что вы дружили, и она до сих пор горюет, что вас убили... на боевом посту.

– Убили? – удивился Федор. – Пока нет. Сам ушел. Откуда эта информация?

– Регина знает все городские... новости.

– Ох, уж эта Регина, – вздохнул Федор, радуясь, что я пришла в себя. – Надо будет зайти как-нибудь, проведать ее. Интересный она человек, наша Чумарова...

– Зачем он это делает? – спросила я, угасая.

– Не знаю, – соврал Федор. Ему явно не хотелось меня пугать. – Не могу понять последнего финта, – прибавил он для пущей убедительности.

– А до сих пор было понятно? – голос мой прозвучал неожиданно резко.

– До сих пор... более или менее, – ответил Федор. – Я думаю, его возьмут... не сегодня завтра...

– Возьмут? – В моем голосе прозвучал сарказм. – Более-менее, не сегодня завтра... Да он только и делает, что маячит вокруг, убивает, приходит сюда, как к себе домой, а люди вашего друга капитана... они что, спят?

В прихожей хлопнула дверь, раздались быстрые шаги. На пороге возник, как черт из табакерки, экстрасенс Александр Урбан, которого Федор не знал лично, а лишь видел по телевизору.

– Ксенечка, что случилось? – вскричал Урбан. – Кто это? – Он взглянул на Федора, как укол.

– Мой друг, – вызывающе ответила я. – А в спальне еще двое.

– Что значит... в спальне? – растерялся экстрасенс. – О чем ты? Я чуть с ума не сошел... Где ты была?

– В спальне – значит в спальне, – ответила я неприятным тоном, сверля экстрасенса холодным взглядом. – Ты хочешь знать, где я находилась? – Похоже, меня несло.

– Да, если ты не против, – беспомощно ответил Урбан, оглядываясь на Федора.

– В кафе. Называется «Знаки Зодиака». Тебе приходилось там бывать?

Что-то промелькнуло в лице экстрасенса. Федор Алексеев с удовольствием наблюдал за происходящим. Он не питал симпатии к Урбану и сейчас с некоторым злорадством ожидал продолжения сцены. Если бы на месте экстрасенса оказался любой другой мужик, Федор, разумеется, в силу мужской солидарности принял бы его сторону. Любой, но не Урбан. Недолго думая, Федор оттащил кресло, в котором сидел, в угол, чтобы не мешать и не отвлекать действующих лиц, и снова уселся, собираясь ничего не пропустить из спектакля, который разыгрывался у него на глазах.

– Приходилось, – ответил экстрасенс. – Значит, ты меня видела... – Это был не столько вопрос, сколько утверждение.

– Видела! – прошипела я, вперяя в него ненавидящий взгляд. – И тебя, и ее... Я вообще не понимаю, зачем ты явился сюда? – Голос мой сорвался на крик. Я ничего не могла с собой поделать.

– Боялся за тебя! Метался по городу как дурак, чуть с ума не сошел! – заорал в ответ Урбан. – Могла хотя бы позвонить!

– Не хотела отвлекать!

– Ты! Что ты себе... позволяешь? Ты! Ты... – От возмущения Урбан стал заикаться.

На пороге спальни появился растерянный, с красными пятнами на скулах Савелий Зотов, за ним – мрачный капитан Астахов. Федор махнул рукой, чтобы не вмешивались. Обстановка накалялась.

– Убирайся вон! – Я сжала кулаки. – Не хочу тебя больше видеть! Иди к своей... этой! Из кафе!

– Ты... ты...

Побледневший экстрасенс, раздувая ноздри, стоял посреди комнаты. И вдруг словно очнулся, сделал глубокий вдох и с силой провел ладонями по лицу. Помолчал, видимо, считая про себя до десяти.

– Ладно, – начал он почти спокойно, – я уйду. Только скажу то, что давно собирался сказать. Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. Я был тебе другом, нянькой... Собакой твоей был! Ни к одной женщине я не

относился так, как к тебе. Даже к Стелле! Хотя ты знаешь, как я ее любил... Тебе не приходит в голову, что и до встречи с тобой у меня была жизнь, друзья... Женщины. Обязательства. Ты это понимаешь? Я бросил всех и все... Я все время с тобой, я превратился в твою тень, в мальчишку на побегушках, в тряпку! В ничтожество! Правильно, гони меня... – В голосе его звучала неподдельная горечь. – Ты – сильная, самостоятельная, жесткая. Ты правишь своей империей железной рукой. Ты все подминаешь под себя. Я... устал от тебя... Я уйду. Ты не женщина... ты... – он замялся, подыскивая слово.

– ...менеджер! – громким шепотом подсказал Федор.

– Заткнитесь! – отреагировал экстрасенс, не оборачиваясь. – Не лезьте!

Он сунул руку в карман, Федор привстал с кресла. Но вместо оружия Урбан вытащил из кармана маленькую черную коробочку, положил на журнальный столик.

– Это тебе... На память!

Он резко повернулся и выскочил из гостиной.

Я растерянно посмотрела ему вслед, потом машинально взяла коробочку, открыла – сверкнул драгоценный камешек. Тут же положила ее на место и бросилась за Урбаном:

– Саша! Подожди!

– Лучшая защита – нападение, – негромко сказал Федор. – Театр, однако. Сначала фальшивая голова, теперь экстрасенс.

– Скорее, цирк! – хладнокровно заметил капитан. – Сашка – известный бабник. Красиво! Вот у кого надо поучиться, как снимать напряжение...

– Какие вы оба циники, – заметил осуждающе взволнованный Савелий. – Мне стыдно за вас! Особенно за тебя, Федор.

– Ты бы поменьше бабских романов читал, Савелий, – отреагировал капитан. – А за меня, значит, не так стыдно? Интересно знать, почему?

– Не циники, а реалисты, – возразил Алексеев.

– Потому что Федор все-таки гуманитарий! – объяснил Савелий.

– А я, значит, нет?

– Ты – нет. Ты у нас мент, – ответил вместо Зотова Федор.

– А Савелий кто? – заинтересовался капитан.

– Сентиментальный идеалист-либерал с уклоном во всепрощенчество, – ответил Федор.

– Уж лучше мент, – сказал капитан, поднимая руки, словно сдавался.

* * *

– Убью! – пообещал Астахов, наливая себе третью чашку кофе. – Своими руками при попытке к бегству. А потом – уйду к брату в бизнес. Все! Всем молчать! – рявкнул он на всякий случай.

Друзья уютно расположились на кухне Ксении. Бригада уехала и увезла с собой страшную находку. Хозяйка и Урбан исчезли.

– Экстрасенс! – произнес с восхищением Федор. – Хорош! Как красиво вывернулся. Поучиться надо!

– А мне он понравился, – встрял Савелий. – Необычное лицо, характер чувствуется. Харизма... И оратор хороший. Ему ничего не стоит завести аудиторию. И потом, он же сказал правду. Разве нет?

– В основном дамскую, – ответил недовольно Федор. – Не понимаю, что вы все в нем находите? Ну, я еще готов допустить, что дамы... особенно в зрелом возрасте, но ты, Савелий! Правду он сказал! А что ему еще оставалось, если его поймали на горячем?

Никто не ответил, и наступила тишина. Сочно тикали деревянные часы на холодильнике, показывали время – два ночи.

– А где же девушка? – вдруг спохватился Савелий. – Это же опасно!

– Она с Сашкой, – отозвался капитан. – Пусть... разберутся без свидетелей.

– Наш Мистик, Савелий, уже исчерпал свою программу на сегодня и теперь спит спокойно и видит приятные сны. И кошмары его не мучают. И все-таки, все-таки... что-то тут не то... – произнес задумчиво Федор. – Нутром чувствую...

– Опять начинаешь? – спросил капитан, копавшийся в холодильнике. – Кто будет колбасу?

– Неудобно как-то... – пробормотал Савелий.

– Не будешь? – переспросил капитан.

– Буду, – ответил Савелий. – Немножко...

Глава 29

Развязка

Мы снова переживали медовый месяц. Женщина из кафе была старинной знакомой Урбана, он не видел ее несколько лет и в тот день столкнулся с ней совершенно случайно. Он сказал, что, если я хочу, он может нас познакомить. Я отказалась. Удивительно, но на следующий день воспоминание о возможной сопернице испарилось без следа. Я уже удивлялась своей бурной реакции. По сравнению с головой в полиэтиленовом мешке это были сущие пустяки. При воспоминании о том, как я, стянув покрывало, увидела окровавленную голову, меня бросало в жар и подкашивались ноги. Я задавала себе вопрос: зачем Белоглазый это сделал? Зачем ему нужно пугать меня? Это что – предупреждение?

– Его вот-вот поймают, – говорил Урбан, обнимая меня. – Везде люди из полиции. Он не мог больше писать тебе, вот и придумал... Успокойся, я теперь ни на миг тебя не оставлю.

Мы лежали, обнявшись. Я прислушивалась к его умиротворенному голосу, и мне казалось, что все уже позади. Исчез Белоглазый, как и не было. А мы с Сашей вместе уже много лет... Ни к одному из своих мужчин я не испытывала подобных доверия и близости. Мы действительно одно целое...

– Я ничего о тебе не знаю, – сказала я. – Кто ты?

– Человек, – ответил он серьезно. – Ното sum. Человек есмь.

– А что ты делал в монастыре на Алтае?

– В Непале, – поправил он. – Монастырь Тенгбоче в Гималаях.

– Ты был монахом?

– Нет, я там работал.

– Кем?

– Грузчиком, уборщиком, поваром...

– Зачем?

– Не знаю, зачем. Пришел с группой и остался. Монастырь отрезан от мира, единственная связь с ним – пешеходные тропы. До ближайшего городка почти день пути. Много голодных туристов, которых нужно принять, разместить, накормить и выпроводить. Я вкалывал по четырнадцать часов в сутки... а то и больше.

– А монахи? Молились в это время? – В моем вопросе невольно звучит

сарказм.

– Монахи? – Он задумался. – Ты не права, Ксенечка... Не сердись, но иногда ты как... ежик с колючками. Монахи тоже вкалывали, иначе там не выжить. Там вообще народ трудолюбивый. И молились. У них отношения с Богом другие... Мы все время что-то выпрашиваем, ползаем на брюхе, сладко раскаиваясь в гадостях, которые минуту назад с удовольствием совершили... А они забегают в храм по дороге из дома на работу или с работы домой и говорят: «Привет, Бог! Спокойной ночи, Бог!» Они ничего не просят, ну, почти ничего, скорее ожидают – ну, там, урожая риса, рождения наследника, хорошего жениха для девушки. Они на равных со своим Богом, они его не боятся. Вот что меня всегда поражало. Не он им, а они ему приносят кто что может – горсть риса, цветы, банан. Что угодно... Да хоть цветную шерстяную нитку!

– Ну и что тебе это дало?

– В четыре утра мы были уже на ногах, – он словно не расслышал моего вопроса. – Глубокая ночь и звезды... можно рукой дотянуться. Рассветало в пять или чуть позже. Оттуда видны Эверест и Анапурна. Знаешь, как переводится «Эверест»? Голова мира. Покрытые снегом пики, розовеющее на востоке небо, а над головой – по-прежнему ночь и звезды. Воздух ледяной... И цветущие кусты рододендрона, белые и розовые.

Мы добрались туда пятнадцатого апреля, как раз на их Новый год, и ночью вдруг выпал снег. Представляешь, наступило утро, и мы увидели снег на белых и розовых цветах... – Он помолчал. – Что мне это дало? – Он задумывается. – В материальном смысле ничего. – В его словах мне чудится насмешка. – Но мне никогда не было так... спокойно. Я не думал о смысле жизни, предназначении... фокусах общения... Не лез из шкуры, самоутверждаясь. Уставал до чертиков, валился на свою циновку и проваливался в сон... до четырех утра. Ходил босиком, с бритой головой, загорел дочерна. Меня принимали за местного...

Слушая его, я испытывала странное чувство, сродни ревности, а также смутное беспокойство и тоску. Он вспоминал о жизни на краю земли, в горном монастыре, среди молчаливых монахов в оранжевой одежде, куда не было ходу женщинам и где ему открылось новое видение миропорядка. Он носил в себе весь мир и был самодостаточен; фокусы общения и суэта остались за пределами убежища. Уж лучше бы он говорил о женщинах – во всяком случае, они знакомый враг...

– Почему же ты не остался? – Невольно в моем голосе звучит ревность.

– Это не имело смысла, – отвечает он не сразу. – Спустя полгода я

ушел с группой из Германии... Просто взял и ушел.

А я представляю себе молоденькую большеротую девушку, которая позвала его за собой...

Жестока, как смерть, ревность... Стрелы ее – стрелы огненные.

Утром Александр готовил завтрак – кофе и овсянку. Отвозил меня на работу и отправлялся к себе в студию.

Я возилась с бумагами, и мне никто не мешал. Все словно сговорились и оставили меня в покое. Телефонные звонки принимала секретарша и говорила, что меня нет. На противоположной стороне улицы, поглядывая на мои окна, слонялись поочередно длинный парень и маленький толстый человек – люди капитана Астахова. Сам он звонил почти каждый час. Я чувствовала его нетерпение – он, как охотничий пес, сделал стойку, а дичи все не было. Мне и самой хотелось, чтобы охота поскорее закончилась. Я представляла, какой прекрасной станет моя жизнь, когда не нужно будет бояться и ждать... С опаской входила в квартиру, заглядывая в шкафы и под кровать в поисках нового страшного подарка. Вздрагивать от каждого шороха и телефонного звонка.

Как-то пришел Кира, и я с удивлением подумала, что он давненько не появлялся. То забегал каждый день, а то вдруг исчез надолго. Был он не похож на себя – в черном костюме, при галстуке. В белой рубашке. Я привыкла видеть его в затрапезных джинсах и линялой майке и не могла не отметить, что выглядел Кира импозантно. Красивый парень! Изменилась не только внешность, изменился сам Кира. Он молчал. Не буквально молчал, но говорил мало, держался солидно, даже сурово, и сверлил меня испытующим взглядом.

– Кира, ты что, женишься? – спросила я.

– Мне еще рано, – ответил он серьезно. – Учиться надо, Ксения Валентиновна.

Учиться? Что-то новенькое. Кира любил повторять, что если человек дурак и козел, то и диплом не поможет. Уж как доставалось Стасу за четыре года, потерянные в политехе!

– И где же ты собираешься учиться?

– Сначала в школе полиции, а потом, может, пойду на юрфак...

– Ты? В школе полиции? – не поверила я. – А почему вдруг?

– Я работаю с капитаном Астаховым, – сказал Кира важно и слегка покраснел. – И я хотел... – он замялся.

– С Астаховым? И что ты делаешь у него?

– Оперативная работа, – туманно ответил Кира и покраснел еще больше. – И я хотел вас попросить, Ксения Валентиновна... – он снова запнулся. – Я хотел вас попросить, – начал он. (Да что это с ним!) – Вы не могли бы поговорить с капитаном... ну, что вы меня давно знаете и я справлюсь... Это самое... нужно... ну, типа рекомендации...

– Ты хочешь, чтобы я дала тебе рекомендацию в школу полиции?

– Не вы, а капитан Астахов. А вы просто скажите ему, что давно меня знаете, что я не... урод какой-нибудь... или козел. Не курю, никакого нарка... раз только попробовал... Стас подтвердит. Капитан вам поверит...

– Почему ты думаешь, что поверит?

– Ну, вы же с ним вроде как скорешились... Он вас защищает от этого... из интернет-кафе. И я с ним.

– Из какого кафе?

– Извините, Ксения Валентиновна, – Кира приложил руки к груди, – не могу. Капитан Астахов просил ни с кем это не обсуждать.

– Ладно, я поговорю с капитаном. Он вычислил человека, который пишет мне? – спросила я небрежно.

На лице Киры отразилась борьба. Некоторое время он молча смотрел на меня, потом не выдержал:

– Это я его вычислил! Я, а не капитан! Меня еще ОМОН повязал, а я говорю, звоните Астахову, я тут на спецзадании!

– Ты-ы-ы? – В моем голосе прозвучало недоверие, которое подействовало на Киру, как красная тряпка на быка. – Не может быть!

В итоге он выложил мне все о свидетеле, который видел моего Белоглазого. По его словам был воспроизведен словесный портрет или фоторобот, который затем раздали всем постовым и участковым в городе, и не сегодня завтра его возьмут.

– Не сегодня завтра! – повторил Кира убежденно. – Так вы поговорите с капитаном?

– Поговорю, – пообещала я. – Только... не такие уж мы с ним друзья.

– Он вас очень уважает, – возразил Кира. – Говорит, на редкость умная женщина! Даже страшно.

Комплимент, однако. Узнаю Астахова.

Урбан заходил за мной после работы, и мы бродили по городу до темноты. Стояли тихие теплые вечера. Ближе к ночи поднимался туман. Пахло палыми листьями. Умирание чувствовалось в природе. Мы ужинали в каком-нибудь ресторанчике, пили вино. Болтали о разной ерунде.

Александр рассказывал о письмах своих зрителей, я смеялась до слез. Он был великолепным рассказчиком. Но по быстрым взглядам, которые он бросал вокруг, я понимала, он начеку, что он весь как сжатая пружина. Где-то в темноте прятались люди капитана Астахова. А может, и он сам. Я подозревала, что наши долгие прогулки Александр затевает по просьбе капитана, но настаивать на этой мысли мне не хотелось. Мне казалось, я начала понимать, что значит жить минутой. Ожидание становилось невыносимым. Я тоже скользила взглядом по лицам вокруг, полная нетерпения и ожидания.

А Белоглазого все не было.

– Кстати, – вспомнила я, – ты знаешь, что составлен фоторобот Белоглазого и его вот-вот найдут?

– Не знаю, – ответил Урбан удивленно. – Кто тебе сказал?

– Один знакомый мальчик, а ему твой друг капитан!

...Прижавшись друг к другу, мы танцевали в «Белой сове» под медленную томную мелодию. И вдруг я услышала едва уловимый шепот слева: « *Анапелис... анапелис... Ночью...* » И как ожог – теплое чужое дыхание... Отпрянув от Урбана, я оглянулась. Высокий человек поспешно пробирался прочь, расталкивая толпу.

– Это он! – закричала я. – Белоглазый!

– Где? Что, Ксенечка?

Выпустив меня, Александр рванулся за мужчиной. Догнал, схватил за рукав. К ним уже спешили двое крепких ребят, взявшихся ниоткуда. Подхватив протестующего мужика под руки, они потащили его из зала. Люди, перестав танцевать, тупо смотрели им вслед. Те, кто сидел, привстали, стремясь рассмотреть, что происходит.

Я с трудом добралась до нашего столика, упала на стул, совершенно обессиленная. Промокнула салфеткой лоб и вытерла влажные ладони. Колени дрожали. Схватив стакан, я залпом выпила ледяную воду. Подняла глаза, словно меня толкнули, и встретила пристальный взгляд белых глаз человека, стоявшего у входа. Убедившись, что я его заметила, он неторопливо повернулся и вышел. Я закрыла лицо руками, отгораживаясь от мира.

Так меня и застал Урбан, разгоряченный охотой.

– Саша, это не он, – сказала я, отнимая руки от лица.

– Откуда ты... Почему? – спросил он, опешив.

– Белоглазый только что ушел через ту дверь. – Я показала через

какую. – Он никуда не бежал, он все время был рядом... Он мог убить меня... в этой толпе! Когда ты ушел... Никто бы и не заметил.

Урбан молчал. Лицо у него было растерянное. Похоже, он не знал, что сказать. Он повел взглядом по залу, высматривая оперативников, боясь оставить меня одну.

– Он сказал: ночью, – вспомнила я.

– Что? – не понял Александр.

– Он сказал: ночью. Он придет, Саша. Он убьет меня ночью...

– Не понимаю, зачем так рисковать, – пробормотал Урбан. – Он же должен понимать, что вокруг полно людей.

– Он назвал меня... *ананелис*! Ему нужно было увидеть меня, как ты не понимаешь! Увидеть и дать понять, что... он рядом.

– Ксенечка, успокойся, – произнес Урбан, протягивая мне бокал с вином. – Он ничего не посмеет тебе сделать. Я думаю... если бы он собирался убить, то убил бы! Он просто пугает.

– Пойди скажи им, пусть отпустят того человека. Это не он, – я даже не сочла нужным отвечать ему. Хорошо ему рассуждать – убьют, не убьют... Уже не первый раз меня кольнуло чувство, что главное действующее лицо в происходящем – Белоглазый, а я – просто статист. Пешка. И меня не колеблясь разменяют при необходимости...

Александр только рукой махнул.

Капитан Астахов отвез нас домой. Был он недоволен, даже зол. Урбан молчал, подавленный. Обо мне и говорить нечего – я чувствовала себя выпотрошенной.

– Послушайте, – я положила руку на плечо капитана. Он кивнул, давая понять, что слышит и готов общаться. – Этот человек... когда он обещал наказать за ложь... Он что, действительно убил? Он говорил... среди деревьев?

Астахов помолчал и неохотно ответил:

– Мы не знаем точно.

– Что значит «не знаем точно»? – я стала заводиться.

– Это значит, что не знаем. Был найден... найдена девушка, студентка торгового техникума... задушена, как и ваша коллега Диана. Но если с женщиной из «Магнолии» все понятно, так как на вашем ноже есть следы ее крови, то в случае с Дианой и студенткой все неясно. Хотя... есть основания предполагать, что убийца продавщицы из «Магнолии» и студентки... одно и то же лицо.

– Какие основания? – Я хотела спросить, не было ли у одной из жертв

длинного украшения с камешками, но не решилась. Я, как страус, зарывала голову в песок, убеждая себя, что мой проклятый дар... исчез! И женщина из «Магнолии» последняя, кого я увидела... Глупость, конечно, и трусость, но уж очень мне было плохо...

Капитан оставил мой вопрос без ответа, поехал на красный свет и тут же резко затормозил, уворачиваясь от вылетевшей из боковой улицы машины. Урбан дотронулся до моей руки, но промолчал.

– А вы хоть ищите его? – не унималась я.

– Ищем, Ксения Валентиновна, – ответил Астахов терпеливо. – Можете мне поверить. Мы, можно сказать, уже... – Тут он осекся, видимо, решив не выдавать мне свои оперативные тайны. – Поимка преступника – дело одного-двух дней.

– Как вы будете его ловить? – спросила я. – По моему описанию? – Мне хотелось противоречить капитану. Он снова стал вызывать у меня раздражение, усиленное пережитым страхом. – Вы ищите человека с белыми глазами? В нашем большом городе? И вот-вот его поймаете?

– Ну... примерно, – отозвался он после небольшой паузы.

Казалось, Астахов стиснул зубы и сдерживается изо всех сил, чтобы не нагрубить мне. Я тоже ему не нравилась.

– А может, у вас есть его фоторобот?

Капитан не отвечал.

– А что с убийцей Стеллы? Вам удалось арестовать его? Или он пришел с повинной?

– С ним все в порядке, Ксения Валентиновна, – буркнул капитан. – Ему предъявлено обвинение и... Справедливость торжествует.

– Это... тот врач?

– Да, – кратко ответил он.

– А как насчет состояния аффекта, убийства в порыве страсти и... так далее? – я не могла остановиться. – С хорошим адвокатом, сами знаете...

– Дело передано в суд, – сообщил Астахов бесцветным голосом.

– И теперь вы умываете руки?

Я понимала, что не следует разговаривать с ним в таком тоне, но меня как черт за язык дергал.

Он промолчал.

– Ксенечка... – Александр снова положил руку на мое плечо, успокаивая. Мне показалось, он боится меня.

Мы поднялись ко мне в квартиру все вместе. Капитан Астахов прошелся по комнатам, заглянул на кухню, в кладовку и ванную.

– Кофе? – предложил Урбан фальшиво-бодрым голосом.

– Поздно, Саша. Мне еще работать. Не бойтесь, Ксения Валентиновна, везде наши люди. Во дворе, в подъезде. Все будет тип-топ.

Капитан сжал мне локоть на прощание. Ненавижу, когда говорят «тип-топ».

– Коля, подожди! – Урбан дернулся за ним. – Я сейчас! – бросил он мне.

Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Мужчины и их секреты! Я испытывала желание броситься на кровать и зарыдать. Или нет, не зарыдать, а выкричаться. От бессилия, злобы и страха. Уткнуться в подушку и выкричаться до полного... отрубая, как говорит Кира. И потерять сознание до утра. Или до следующего вечера. Или вообще... Запереть дверь и не пустить Урбана. Пусть помучается под дверью, не зная, что случилось. Пусть зовет своего друга капитана и... Тут мне пришло в голову, что Астахов без долгих раздумий высадит дверь. Идиотская мысль!

...Я стояла на пороге спальни, с трудом соображая, что должна сделать. Кажется, раздеться... Мне показалось, я слышу легкий шелест... едва уловимый холодный сквознячок коснулся щеки... Беззвучные шаги в прихожей набатом прозвучали в ушах... На пороге комнаты появился мужчина... словно из воздуха... У меня не было сил даже закричать. Он смотрел на меня белыми глазами на странно-багровом лице... Чтобы не упасть, я с силой вцепилась в дверную ручку и почувствовала боль – кажется, сломался ноготь. Это привело меня в чувство, и я метнулась через гостиную к балкону. Мужчина издал какой-то звук... похоже, сказал что-то. Я рвала на себя балконную дверь, задыхаясь от собственного крика – голос наконец прорезался. Дверь поддавалась, и я выскочила на балкон. Мои крики штопором врезались в ночь... Я свесилась с балконных перил, стараясь рассмотреть людей внизу. Я не помню, что кричала, кажется, звала Сашу. Я вообще ничего не помню. Меня уже не было. Осталась бессмысленная плоть, ведомая инстинктом, из последних сил цепляющаяся за жизнь...

...Белоглазый сзади, совсем близко, бормотал какие-то слова, которых я не понимала. В голове моей вертелся огненный шар, готовый взорваться. Я резко повернулась – мне пришло в голову, что, если удастся проскочить назад в комнату, я захлопну балконную дверь и...

Я уперлась руками ему в грудь и изо всех сил толкнула. Он перехватил мои руки... Его пальцы были холодны, как лед. Я попыталась вывернуться, но он держал крепко и тянул меня к себе... В это время раздался звонок в дверь. Еще и еще... Белоглазый дернулся и застыл, прислушиваясь. Он отпустил мои руки, и я метнулась к двери. В голове билась невнятная

мысль – скорее, скорее... если удастся... выскочить, он останется на балконе...

Мне почти удалось достичь двери, но тут я споткнулась, налетела на стену плечом и закричала от боли. В этот миг Белоглазый вцепился в мое ушибленное плечо и рванул к себе. Он не рассчитал силы. Полуживая от боли и ужаса, я стремительно отлетела назад и ударилась спиной о его грудь. Пытаясь освободить плечо, извернулась и оказалась лицом к лицу с моим мучителем. В следующий момент я с силой отпихнула его от себя. Кажется, я что-то кричала... Он покачнулся, взмахнул руками и тяжело осел на хлипкие ажурные перила...

Трезвон из прихожей прекратился. Теперь оттуда доносились глухие удары – там решили наконец высадить дверь.

Балконные перила угрожающе трещали... Кажется, я снова толкнула его... Не помню! Действие разворачивалось само по себе, неотвратно, как в ночном кошмаре, и от нас двоих уже ничего не зависело. Белоглазый опрокидывался назад, лишенный опоры, беспорядочно шаря руками в воздухе. Его отчаянный крик резанул уши, и я закрыла их руками. Это последнее, что я помню...

...Пришла я в себя на кушетке, рядом сидел капитан Астахов. «Он жив?» – спросила я. Капитан покачал головой. Я закрыла глаза. Из темноты выплыл Белоглазый, взмахивающий руками, словно защищаясь... он запрокидывался все дальше и дальше... исчезла голова, мелькнул острый кадык... И сразу же пустота – только зияющая брешь в балконной ограде... И заключительный аккорд – тяжелый глухой звук удара далеко внизу. Я заткнула пальцами уши...

...Люди двигались вокруг, негромко переговаривались. Бил по нервам пронзительный звук сирены – не то полицейская машина, не то «Скорая помощь», – совсем близко, на соседней улице, бесконечно долгий, выматывающий. Сквозняк гулял по квартире – все двери были нараспашку. С улицы тянуло душной сыростью. Я попыталась подняться – голова закружилась, и я упала на подушку.

...Кто-то, видимо врач, заглядывал мне в глаза, оттягивая веки – чему я вяло сопротивлялась, щупал пульс, поил сладковатой жидкостью с неприятным, смутно знакомым запахом. «Наверное, яд, – подумала я. – Хорошо бы...»

– Где Саша? – спросила я, но мне никто не ответил. А может, не услышал – после моих воплей горло саднило и пропал голос. Наверно, мне только показалось, что спросила.

– Вы можете говорить? – настойчиво повторял кто-то.

– Могу, – прошептала я, отодвигаясь.

Открыла глаза. Капитан Астахов смотрел на меня жестко, и нетерпение сыло в его глазах. Он проявил сочувствие, оказал помощь несостоявшейся жертве, вызвал врача, а теперь – хватит, говори наконец, что произошло! Я не узнала его голос. Что со мной?

– Ксения Валентиновна, – приступил он к делу, – вы помните, что случилось? Как этот... Как Белоглазый попал в квартиру? Он что, прятался здесь?

– Он пришел, – ответила я. – Сразу же... после вас.

– Вы сами впустили его? Может, вы приняли его за Урбана?

– Нет, – прошептала я и закрыла глаза.

Капитан был мне неприятен, а его подсказки – просто дурацкими. Я не хотела с ним разговаривать и притворилась, что уснула. Или потеряла сознание. Астахов снова потряс меня за плечо – похоже, он собирался получить ответы на свои вопросы любой ценой.

«Сейчас начнет пытаться, – подумала я, – выкручивать ушибленное плечо».

Мысль эта показалась мне такой смешной, что я рассмеялась. Голова вдруг стала странно легкой, она поворачивалась вокруг своей оси, как воздушный шарик на нитке.

– Ксения Валентиновна, что здесь произошло? – отдельно произнес капитан. – Как он тут оказался?

Он гипнотизировал меня взглядом, как... Урбан с экрана телевизора свою аудиторию... престарелых... прекрасных дам и... пок... пок... Я все никак не могла вспомнить слово, хотя секунду назад четко представляла, что именно хотела сказать. Поклонниц!

– Где Саша? – спросила я.

– Сейчас придет, – ответил капитан, не вдаваясь в причины странного отсутствия моего... приятеля? Любимого человека? Бойфренда? Я снова захихикала. – Хотите кофе? – с надеждой предложил Астахов.

– И шампанского! – подхватила я. – И женщин! И цветов!

– Ладно! – сказал капитан, как припечатал. – Лисица! – позвал он. – Сделай что-нибудь!

Лисица? Я представила себе большую рыжую лису, преданно смотрящую в глаза капитану. Они что, используют лис вместо собак?

– Она же еще живая, – ответил кто-то, кажется, из кухни.

– Пошути у меня, – буркнул капитан.

На пороге появилось еще одно действующее лицо – жизнерадостный

мужчина лет шестидесяти с маленьким морщинистым лицом.

– Как тут моя красавица, в порядке? – пропел он, беря меня за руку.

– Вы – лисица? – спросила я, рассматривая его.

– Лисица, – ответил он жизнерадостно и погладил мою руку.

– Почему? – настаивала я.

– Почему? – Он задумался на короткий миг и ответил, осияв меня улыбкой: – Радостный зверь. Я не представляю себя ни медведем, ни зайцем. Лисица в самый раз.

– И мне нравится, – призналась я.

– Ну, вот и славненько! – обрадовался человек. – А мы вам сейчас кофечку крепенького, горяченького, сладенького, а? А потом капитан Астахов задаст вам свои вопросыки... чуть-чуть... лады?

– Лады, – ответила я. – Только без сахара.

– Как прикажете, душечка. Без сахара так без сахара. Коля, давай кофе!

– Кто это? – спросила я у капитана, заботливо поившего меня кофе.

– Майор Лисица, наш судмедэксперт, – ответил он. И прибавил со вздохом: – Счастливый человек.

– Почему?

– Наверное, потому, что его пациенты не пишут жалоб, ничего не требуют, не чихают и не кашляют. И начальство его не... – он запнулся и деловито переключился: – Ну, так как же он попал в квартиру, Ксения Валентиновна? Будем говорить?

Он заставил меня повторить мой рассказ пять или шесть раз. Его интересовали мельчайшие детали: когда я заметила Белоглазого, что слышала перед этим и что он сказал. Я безуспешно напрягала память, пытаюсь вспомнить, что говорил Белоглазый. Он произносил какие-то слова, но что именно, я не могла вспомнить.

– Что произошло на балконе? – повторял капитан как заведенный. – Он пытался вас сбросить? – повторял он. – Он вас ударил? Угрожал ножом? Почему он упал?

– Он схватил меня за руки, – вспоминала я старательно. – И... дернул к себе... Потом я вырвалась... и бросилась обратно в комнату...

– Он пытался вас сбросить?

– Нет, кажется, – неуверенно отвечала я.

– Он ударил вас?

– Нет!

– Чего он хотел? Что он говорил?

– Не знаю... Он схватил меня за руки... Я толкнула его, и он отлетел к

перилам...

– ...и что?

Передо мной стояло запрокинутое лицо Белоглазого и его руки, вытянутые вперед – он не то защищался, не то собирался оттолкнуть меня. Я отчетливо видела несвежий воротник линялой голубой рубахи и острый кадык...

– Не знаю, – ответила я с отчаянием. – Не помню. Не мучайте меня...

Мне было плохо. Я только сейчас начала осознавать, что произошло. На месте Белоглазого могла быть я... Он пришел, чтобы убить меня... прошел мимо людей капитана, открыл дверь... Не взломал, а открыл... Недаром Астахов спрашивает, как он попал в квартиру и не я ли впустила его. Я закрыла лицо руками и расплакалась...

Когда Астахов уходил чуть ли не на рассвете, я сказала, что видела украшение, упавшее в траву... длинное, ажурное, со светлыми камнями – кажется, сережку, и что это случилось в кафе «Знаки Зодиака»... И еще там был Саша...

Глава 30

Танцы в темноте

Как туман на
рассвете – чужая душа,
И прохожий в нее
заглянул не спеша,
Улыбнулся и
дальше пошел...

Георгий Иванов

Вот и вся история. Разбившегося человека звали Андрей Драгоманов. Был он одинок, нелюдим, работал в часовой мастерской у базара. Жил поблизости в частном секторе и чинил всякий старый хлам, который приносили ему на дом бедные люди: старые утюги, допотопные стиральные машины и радиоприемники. А также изготавливал дубликаты ключей. А еще подбирал на свалках всякий хлам: поломанные игрушки, часы, битую посуду – и тоже чинил. Полки в его квартире были заставлены куклами, игрушками зверей и машинками. Он, как выразился один из его соседей, старик, чувствовал душу всякой вещи и имел к ней подход. У него имелся компьютер, неожиданно дорогой, и выход в Интернет. И пестрая библиотека: эзотерика, непознанное, жизнь после смерти. На рабочем столе стояла в серебряной рамочке моя фотография. Он сделал снимок где-то на улице – я в светлом костюме, ветер треплет мои волосы. На обороте указана дата – десятое сентября. Ему было сорок три года.

Тихий, немногословный, слегка «ку-ку», сказал тот же старик, повертев пальцем у виска. Но вроде безобидный... Хотя разве влезешь человеку в душу? Разве разглядишь душегуба?

Кто-то уже вспоминал, как однажды встретил его ночью, бормочущего что-то, не то пьяного, не то чего похуже... А кто-то видел, как он долго стоял столбом посередине улицы, не шевелясь, как будто прислушиваясь... А кто-то еще наткнулся на него на старом кладбище, хотя никого у него там не было... Личность погибшего человека начала обрастать легендами. И каждый, кто хоть немного его знал или видел, спешил со своей лептой.

Капитан Астахов показал мне фотографию Белоглазого. Невыразительное лицо, очень светлые глаза, длинный кривоватый нос и

узкий рот. Никакое лицо, такое и запомнить невозможно. Если бы не цвет – красновато-смуглый, с неровной, словно натянутой кожей, без морщин. Капитана интересовало, не видела ли я его раньше. Я только пожала плечами – нет, кажется... Нет. «Почему у него такая кожа? – спросила я. «Ожог, – ответил капитан. – Когда-то в детстве он сильно обгорел, следы остались на всю жизнь. С такой приметой не скроешься...»

Люди, работающие в нашем здании, кажется, видели его в тот день, когда убили Динку. Его вроде опознали продавщицы из магазина «Магнолия», он был там за пару дней до убийства их подружки. Только в третьем случае, когда была убита в роще у общежития девушка-студентка, никто не видел его поблизости. Но это и не удивительно – места там пустынные, городская окраина. В ушах пластиковой головы, которую он мне принес, была серьга убитой... Длинная, в восточном стиле, дешевая серьга с желтыми стекляшками, которая была в моем видении...

Что толкало его на убийства? Откуда он взял странное слово «анапелис» – сам ли придумал, наткнулся ли на него во время скитаний в паутине, и что оно значит – уже не узнать. Ни писем, ни дневников, ни календарей с пометками – ничего в его квартире не нашли. Капитан Астахов рассказал мне, что в компьютере, в адресной книге электронной почты был записан мой адрес, а в архиве хранились тексты писем, которые он отослал мне из интернет-кафе. Всего несколько строчек... Вопросы, на которые он так и не получил ответа.

Я не могу понять, что чувствую сейчас. Облегчение? Желание забыть и никогда не вспоминать – пусть прошлое хоронит своих мертвецов? Или, наоборот, обсудить, рассмотреть, обсосать все детали этой странной истории? Не знаю, не могу понять. Знаю одно – пройдет еще много времени, прежде чем я избавлюсь от мыслей о тайне, которую уже никогда никто не раскроет, перестану оглядываться на улице, с опаской заходить в свой подъезд и вздрагивать от дурного предчувствия, встретившись взглядом со случайным прохожим. И постоянно ожидать новую картинку-вспышку – черно-белую, ослепительную, страшную...

Я часто думаю об этом человеке, Андрее Драгоманове, испытывая смутную тревогу. Зачем-то он задавал мне свои вопросы... Зачем? Что происходило в его бедной голове? И что же такое «анапелис»?

– Забудь, – сказал Саша, с которым я завела разговор об этом человеке снова. – Чем скорее ты забудешь, тем лучше.

Когда капитан Астахов попросил Сашу опознать разбившегося человека, с ним случилась истерика. Зрелище и правда было тошнотворное.

Оказывается, пока меня отпаивали седактивами и кофе в спальне, Урбана приводили в чувство на скамейке во дворе. Говорят, мужчины не выносят вида крови. Не все, правда. Мне рассказал об этом капитан Астахов, когда я в третий или четвертый раз спросила об Александре. Он сообщил об этом неохотно, но в его словах сквозило едва заметное пренебрежение. Что с него взять, казалось, хотел сказать капитан, с экстрасенса? Слабак.

Урбан больше не стережет меня и вернулся домой. Я перестала быть его любимой овечкой. Видимся мы почти каждый день, но что-то переменилось в наших отношениях. Ушло чувство безоглядной близости, бурной радости, бешеной ревности... Чувства наши уже не напоминают горную речку, а скорее равнинную. Или заглохший пруд с камышом и лягушками. Нет, нет, ничего практически не изменилось – мы встречаемся по вечерам, ужинаем где-нибудь, бродим по городу. Идем ко мне. Александр варит кофе... Мы ложимся в постель, как супруги после десяти лет брака. А иногда обходимся лишь кофе.

Жизнь продолжается. О Динке никто уже и не вспоминает. У нас новая сотрудница, взятая вместо нее, – Лиля. Роман, отделавшись легким испугом, снова принялся за старое и ходит с блудливыми глазами. Лиля – девица вполне зрелая, не тощая малолетка на сей раз, компанейская – я слышу взрывы хохота из секретарской. Работать она, разумеется, не хочет и не будет. Очередная соискательница. Впервые вместо восхищения Ларисой я чувствую досаду – как она может? Как она может... быть с ним, зная, что?.. Все о нем зная?! Это что, мудрость женщины, которая хочет сохранить семью? Это – мудрость?

Я отвечаю на «доброе утро, Ксения Валентиновна» новой пассии шефа, едва сдерживая гадливость. И не могу заставить себя посмотреть в глаза Роману. А ему хоть бы хны! И все чаще я думаю о том, чтобы уйти из «Глобал виллидж»... Вот только куда?

Оля выходит замуж за своего Густава, не ходит, а летает от счастья. Приводила сына Густава Эрика. Он называет ее мамой. «Густав говорит», – все время повторяет Оля. «Густав говорит, что мы купим квартиру в центре, только не сейчас, а чуть позже, когда он поднимет бизнес». «Густав говорит, что Эрик пойдет в русскую школу». «Густав говорит, что благодарен мне за сына. Глупый, не понимает... Это я ему благодарна!»

– Ксения Валентиновна, – Оля прижимает руки к груди, – вы для меня... самый родной человек! На всю жизнь, честное слово. Я все для вас сделаю! Вы только скажите, честное слово!

Мне плохо. Плохо физически. Морально. Прекрати ныть, говорю я себе. Жизнь продолжается. Кошмары закончились. Александр с тобой. Чего тебе еще нужно? Бурные страсти имеют обыкновение затухать... ничто не вечно. На смену им приходят привязанность, близость, доверие. Вот-вот придут...

Как-то позвонил Сэм Вайт, пригласил пообедать. Сообщил, что уезжает домой – устал, соскучился по семье. Голосу его не доставало обычного оптимизма – видимо, вороватые чиновники и бессовестные строители его окончательно достали. На хозяйстве останется Джон де Бэр, который чувствует себя здесь как рыба в воде. А весной Сэм вернется... возможно. Правда, Джон уже предложил перекупить у него бизнес. «Удивительно, – сказал Сэм, – я всегда думал, что могу всего добиться в жизни. Я ведь сам себя сделал, сам становился на ноги... Но в вашей стране все намного труднее, потому что вы не любите друг друга...»

Осень перешла в свою последнюю, предзимнюю, фазу: деревья почти облетели, моросит мелкий нескончаемый дождь, усугубляя тоску. Но тепло пока держится. Ничто не предвещает близких холодов. Мы ездили в лес, известный грибными местами. Громко шуршали листья под ногами, создавая ни с чем не сравнимое чувство грусти и сожаления: кончилось лето! Грибов мы не видели, да и не искали. Просто брели бездумно куда-то... Потом заморосил дождь и резко запахло мокрой землей. Мне показалось – еще миг, и я разрыдаюсь от тоски, тревоги... не знаю чего! Бабушка говорила: когда человек чувствует непонятную тревогу и тоску – кто-то ходит по его могиле... Будущей.

Приехали. Дальше ехать некуда.

– Мы собирались на Мальту, – вспомнила я однажды. – Поехали! Хотя бы на неделю... Я не могу здесь больше. – Я обняла Александра, потерлась щекой о его лицо.

– Поехали, – ответил он. – Я договорюсь на работе...

Александр сидел на ампирной кушетке, а я демонстрировала свои летние вещи, мы выбирали, что взять с собой на Мальту. Где-то в глубине души таилось чувство, что никуда мы не поедem, но я заталкивала его поглубже. В комнате было душно, и я открыла дверь на балкон. Сырой воздух и шум дождя ворвались в комнату. Александр вышел на балкон, встал, опираясь плечом о дверной проем. Брешь, с очевидностью свершившегося факта, все еще зияла в перилах. Не стоило открывать дверь,

запоздало подумала я...

И вдруг я почувствовала знакомую дурноту. Вспышка света ослепила меня... Я увидела падающего человека. Он падал, разбросав руки, парусом надулись полы куртки... Кажется, я закричала. Александр вбежал в комнату, запутавшись в портьерах, почти упал на пол рядом со мной – я не помню, как оказалась на полу, – притянул меня к себе.

– Что? – выдохнул. – Что ты видела?

– Не знаю, – ответила я.

– Скажи! – потребовал он.

– Я не рассмотрела... – солгала я.

– Но хоть что-то... Что?

– Человек падал с балкона...

– Какой? Тот... человек?

– Не знаю, какой, – прошептала я в отчаянии. – Я не видела лица...

Он приготовил кофе, был задумчив и рассеян.

– Хочешь, я останусь? – спросил после продолжительного молчания.

– Нет, – ответила я. – Я страшно устала...

Он не стал настаивать и ушел.

...Ночью мне приснился летящий человек. Он летел, подставляя солнцу запрокинутое лицо. Ослепительно-яркий день разливался вокруг. Полет и бьющий в лицо ветер рождали ощущение счастья. Я вдруг осознала, что летящий человек – это я. Я поднималась все выше и выше, а Земля со всеми моими печалью стремительно удалялась, превращаясь в маленький, сплюснутый с полюсов, как мандарин, бело-голубой шарик...

Глава 31

Триумвират в «Тутси»

– За победу! – объявил Федор Алексеев. – За тебя, Николай! За лучших людей нашей родной полиции! Гип-гип ура!

Капитан Астахов в досаде резко поставил стакан с водкой на стол, расплескав драгоценную жидкость.

– Тебе всегда нужно испортить человеку праздник?

Савелий Зотов беспомощно смотрел на друзей – сердитого Астахова и недоумевающего Федора. Демонстративно недоумевающего.

– Я не понимаю... – начал он, заикаясь. – Дело ведь закончено, убийца найден... Коля?

– Найден, не найден... – буркнул капитан Астахов. – Ты же все знаешь сам, чего воздух сотрясать?

– А что тогда?..

– Спроси у Федьки!

– Федор! – Савелий повернулся к Алексееву.

– Астахов сказал, что найден, чего тебе еще?

Капитан внимательно рассматривал разноцветный бар и толстого бармена Сему, проворнодвигающегося в своей пестрой стихии.

– Савелий, ты у нас книжный человек, перечитал все современные дамские романы, что ты думаешь обо всей этой истории? – спросил вдруг Федор.

– Ну... история... Человек с психическими отклонениями совершал убийства... преследовал ясновидящую... Довольно банальный сюжет.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем он ее преследовал? И как?

– Что значит, как? Писал обычные письма...

– А что было в письмах?

– Он хотел с ней встретиться... ты же сам все знаешь!

– Но ни места встречи, ни времени не называл, так?

– Так. Но Коля ведь объяснил, и ты тоже согласился... он давал понять, что он здесь... Ты еще сказал, что это объявление войны.

– Я помню, что говорил. Дальше пошли электронные письма, так? Что было в них?

– Он спрашивал... как она видит... то, что видит.

– Верно. Его интересовало, видит ли она это *априори* или *постфактум*. Интересовало до такой степени, что он даже стал убивать, чтобы выяснить это наверняка. Так?

– Так. И что? По-моему, тут все ясно...

– Теперь смотри дальше, Савелий, – Федор обращался подчеркнуто лишь к Зотову, не глядя на капитана Астахова. – Возьмем преступления, которые видела наша... *ананелис*. Первое: убийство молодой незнакомой женщины на озере. Ее дар ясновидения прорезался именно на озере... почему-то. Затем она увидела убийство своей подруги Стеллы. Затем сотрудницы... Дианы, кажется. Затем продавщицы из «Магнолии». Напоследок она увидела падающую в траву серьгу погибшей студентки, о чем сообщила капитану с большим опозданием. Не спрашивай меня, друг Савелий, почему капитан не показал ей серьгу с пластиковой головы сразу же... Не знаю. Возможно, не хотел травмировать лишней раз. То, что Ксении являлось в ее озарениях, мы можем назвать убийствами лишь условно – она, по сути, их не видела. Она видела лишь жертву и убийцу, вернее, не столько его самого, сколько его силуэт, или слышала его дыхание, звук шагов, треск паркета... за миг до преступления. Но это не суть важно. Упомянул я об этом исключительно ради точности формулировок.

– И что? – Савелий старательно таращил глаза, боясь пропустить хоть слово из рассуждений Федора. Капитан Астахов по-прежнему безмолвствовал.

– В чем разница в ее восприятии всех этих убийств?

– В чем? – Савелий не знал.

– А разница в следующем, Савелий. Все убийства, кроме последнего, она увидела *после*. После того, как они были совершены. И только в одном случае, последнем, в случае девушки с длинными серьгами, она увидела убийство заранее... возможно, потому, что Мистик в электронном письме пригрозил ей наказанием за ложь. То есть она предвидела, что наказанием будет новое убийство... среди деревьев. И увидела... падающую серьгу, по сути, то, что предшествовало... убийству. Она увидела преступление, условно говоря, которого еще не было. И это убийство стало *последним*. Почему?

– Ну... он же погиб! – удивился Савелий. – И перестал убивать...

– У него было достаточно времени совершить еще парочку убийств... до падения с балкона. Но он, как ты справедливо заметил, перестал убивать. Почему?

– Не знаю... Ты, Федор, как-то все усложняешь...

- Что ему нужно было?
- Получить ответ на вопрос...
- Верно. Поэтому он убивал. И если он перестал это делать, то... что это значит, Савелий? Это же так просто! Напряги свои серые клетки и подвигай полушариями. Мозга, я имею в виду.
- Это значит... Он получил ответ! – сообразил Зотов.
- Молодец, Савелий! Правильно, он получил ответ. А как он мог его получить? Она не ответила ему по почте. По телефону он ей не звонил. Связи между ними не было... И тем не менее он каким-то образом узнает ответ.
- Каким образом?
- Может, ему Колька подсказал? – предположил Федор.
- Астахов достал сигарету и закурил, не желая даже отвечать на подобные дурацкие предположения.
- Если не Астахов, тогда... Остается только один человек, который был в курсе событий... и никуда не отлучался. Кто же этот человек, Савелий?
- Не знаю... – начал Зотов, но тут же перебил себя: – Экстрасенс? Урбан? Ну, Федор, это же... совсем... ерунда получается! Ты хочешь сказать, что это экстрасенс? А... как же Мистик?
- Дойдем и до Мистика. В курсе событий, кроме капитана Астахова, был только один человек. И это Александр Урбан.
- Он тебе сразу не понравился, – заступился за экстрасенса Савелий. – Он что, сам себе писал письма? Те, первые? И машину взламывал? Зачем?
- С этим мы уже разобрались – он хотел засветиться.
- Зачем?
- Напугать ясновидящую. Активизировать ее способности. Выступить в роли катализатора... Выбирай, что больше нравится, Савелий. Не знаю!
- Как-то это все... Коля! – воззвал обалдевший Зотов к капитану Астахову.

Но тот только рукой махнул – разбирайтесь, мол, сами.

– Пошли дальше, Савелий. Впервые ее дар проявился после поездки на озеро, когда экстрасенс рассказал ей об исчезнувшей молодой женщине. Той же ночью Ксения увидела картинку... То есть Урбан все-таки явился катализатором... Или озеро... Или загадочная история. Или все вместе. Но думаю, все-таки Урбан.

Следующий сеанс ясновидения произошел после убийства подруги Ксении, Стеллы, с которой был знаком все тот же Урбан. Затем погибла сотрудница «Глобал виллидж», которую он опять-таки мог видеть и знать,

так как бывал там. То есть три убийства каким-то образом связаны с нашим экстрасенсом. Совпадение? Суди сам, Савелий.

Ксения увидела именно эти убийства, а не другие, имевшие место в городе в то же время. Именно эти, и единственное, что их объединяет, – это Урбан. То есть она видит как будто через него. Он – условие, при котором проявляется ее дар. Я понятно излагаю, Савелий?

– Но ведь убивал же... этот... Мистик! И женщину из «Магнолии» убил он... При чем тут Урбан? – оборонялся Зотов.

– Ну да, это версия: Мистик явился к Ксении, напугал ее, взял нож, пошел и убил продавщицу из «Магнолии». Так?

– Разве нет?

– Так... да не так. В наличии имеет место быть ряд странностей. – Федор задумчиво смотрел на друга. – Первая: он оставил незапертой дверь и включил свет на кухне. Что это, Савелий? Недомыслие? Глупость? Рассеянность? Как-то не вяжется с навязчивой идеей получить ответ на вопрос, когда любой поступок должен бить именно в эту точку. А тут такая расслабленность... что ли. А если незапертая дверь и свет – сигналы, что он пришел? Что, если таким образом он давал ей понять: я здесь, и не надо бояться...

– Ну, Федор, это вообще... – Савелий хотел сказать «идиотская идея», но постеснялся.

– Ладно, это гипотеза, так сказать, и недоказуемая, – легко согласился Федор. – Идем дальше. Зачем он пришел? Он не угрожал ей, не кричал, не ударил, не гонялся за ней по квартире. Он стоял на пороге спальни и молча смотрел на Ксению. Так?

– Ну... – неуверенно протянул Савелий.

– Зачем? Он убивает, чтобы узнать, *когда* она видит убийства, он испытывает ее. Он заиклен на этом «*когда*». И что же он делает, придя к ней в квартиру? Он стоит и молча смотрит на нее. Молча, Савелий! Почему?

– Почему? – тупо повторил вконец запутавшийся Савелий.

– Да по одной-единственной причине! – вскричал Федор. – Его, черт побери, не интересует, *когда* она видит убийство!

– Как это?!

– Да потому что он не писал ей этих чертовых электронных писем, Савелий! И вообще никаких! Это же так просто! Неужели не понятно?

– Как не писал? Его же видели в интернет-кафе!

– Он отсылал эти письма, но не писал их! Его попросили, и он отослал. Только и всего! Помнишь, мальчик-самородок рассказывал, что

Мистик печатал письмо, сверяясь с запиской? Там было всего две строчки, которые он должен был знать наизусть, а он чуть ли не пальцем водил по черновику, перепечатывая их. Автор этих посланий не Мистик, Савелий. Я в этом уверен абсолютно. Если бы его интересовала техника ясновидения, так сказать, то... что он сделал бы, увидев Ксению? Ну же, Савелий!

– Он бы спросил ее... – произнес Зотов.

– Bravo! А Мистик стоял и смотрел. Он пришел посмотреть на нее. И плевать ему было на то, что и как она видит. Он узнал о ней из передачи, отослал ей несколько писем... по просьбе друга или знакомого. И пришел посмотреть, полный любопытства, как она живет. Ему было недостаточно видеть ее на улице.

Я представляю, как он ходил по квартире, внимательно рассматривая книги, вещи, трогая их руками... Сидел на ампирной кушетке, гладил подушки, что вяжется с его психотипом – тихий, нелюдимый, понимающий душу вещей...

Наш Мистик действует спонтанно, как ребенок: захотел – пришел. Открыть любой замок ему, как я понимаю, пара пустяков. – Федор значительно помолчал. – В этом деле, Савелий, с самого начала чувствовались два актера... Я, правда, понял это слишком поздно. Какое-то затмение нашло, честное слово, даже неловко. – Он вздохнул. – *Один* из них одержим желанием узнать истину, *другой* – наш Мистик – полон любопытства. *Первый* хочет получить ответ... любой ценой. Причем, как я уже говорил когда-то, ответ у него уже есть – его идея фикс. Он стремился получить подтверждение. И убивал ради эксперимента до тех пор, пока эксперимент не увенчался успехом: ясновидящая увидела убийство досвершения его. Вот что ему нужно! Вот куда он ее толкал! И после этого он перестает убивать. Девушка с длинными серьгами – последняя жертва. А у *второго* актера вопросов не было...

– Подожди, Федя, но ведь это Мистик взял нож из квартиры Ксении, а потом прислал его... когда убили продавщицу из «Магнолии», – вспомнил Савелий.

– Не уверен, что именно он взял нож. Он стоял на пороге ее спальни... когда? В одиннадцать. Женщина из «Магнолии» ушла с работы тоже в одиннадцать, а убили ее в два ночи, как сообщил довольно настойчиво наш... даже не знаю, как его теперь назвать... корреспондент в электронном послании. Эти три часа меня напрягали с самого начала, помнишь, я говорил? Названное время, я думаю, неверно, это попытка обеспечить себе алиби. Убили продавщицу раньше, в одиннадцать... с минутами. Подлинное алиби – у Мистика, в одиннадцать десять он не мог

быть в парке, он бы просто не успел. А у настоящего убийцы алиби фальшивое, потому что он находился... с Ксенией в два ночи!

– Ты думаешь, убийца – Урбан?! – Зотов был потрясен.

– Воздержимся от ярлыков, Савелий. Не знаю. Я не суд. Женщину из «Магнолии» убили, когда Мистик находился в квартире Ксении. Точка. Кстати, экспертиза тоже не исключает, что убийство могло произойти не в два ночи, а раньше. Убита она ножом, взятым из буфета Ксении... Вот так, Савелий. А Урбан прибежал к Холодовой в одиннадцать тридцать. От ее дома до парка на машине минут пятнадцать-двадцать. Я бы уложился. – Он налил себе минеральной воды, выпил залпом и закончил: – Такова, Савелий, моя версия, но, как ты сам понимаешь, эта версия – лишняя головная боль для следствия.

– Даже не знаю, что сказать, Федя... – Вид у Савелия был совсем больной. – Фантазия у тебя...

– Ты помнишь, как Урбан доказывал, что никого в квартире не было, что Ксении привиделось... что она последнее время слегка не в себе. Мол, он никого не встретил ни в подъезде, ни во дворе. Думаю, появление Мистика у Ксении стало для него неприятным сюрпризом – Голем вышел из-под контроля...

– Ну... – снова неопределенно протянул Савелий.

– И последнее! – торжественно произнес Федор, поднимая указательный палец. – Когда происходили убийства? Я имею в виду, два из трех, которые укладываются в рамки предполагаемого эксперимента. Убийства сотрудницы «Глобал виллидж» Дианы и девушки с длинными серьгами?

– Что значит – когда? – не понял Савелий, у которого голова шла кругом.

– В какое время? – Федор выжидательно смотрел на него, но, не дождавшись реакции, ответил сам: – Днем, Савелий. Днем. Кроме продавщицы из «Магнолии», что мы уже обсудили в деталях. Почему не ночью? Днем светло, что увеличивает риск, и с работы отпрашиваться надо. Видимо, не мог наш номер Первый убивать ночью. Потому что ночью был занят совсем другим делом и не мог отлучиться. Например, сторожил свою любимую женщину, она же ясновидящая, чтобы ее, не дай бог, не убил серийный убийца-маньяк, забрасывающий ее письмами с дурацкими вопросами...

– Неужели ты действительно думаешь, что это... Урбан? Коля! – Савелий снова призвал на помощь странно молчаливого Астахова. – Коля, а ты что думаешь?

– Ну, допускаю, что Федор где-то прав, – неохотно признал капитан. – Но доказательства где? Все из области гипотез, треп за бутылкой после... пятой рюмки. Ты же знаешь Федьку, его хлебом не корми!.. Я и сам не понимаю, почему Белоглазый упал с балкона. Здоровый мужик... Непонятно. Ксения не помнит. Я и так, и сяк, а с ней истерика, трясется вся, плачет. Лисица говорит, оставь ее в покое... Добренький! Что вообще там произошло? – Он пожал плечами. – Драгоманова видели в интернет-кафе, посылающего письма Ксении. В письмах – вопросы об убийствах и обещание новых. *Раз.* – Капитан значительно помолчал. – Он пришел к ней домой. Он унес нож... возможно. На другой день он прислал ей нож с кровью жертвы. *Два.* – Он снова сделал паузу. – Убил студентку – подбросил голову-муляж с серьгами жертвы... Кстати, для тех, кто не в курсе, – хотя на голове отпечатки пальцев стерты, но один все-таки присутствует, и это отпечаток Драгоманова. *Три.* Его видели свидетели. Это – *четыре.* Чего вам еще? У Федора философия, а у меня факты, Савелий. Я, в отличие от Алексева, работаю с фактами и вкальваю без выходных. Опять-таки в отличие от Федьки, который лежит на диване и разводит мутную философию на пустом месте... Теперь по Урбану... – Капитан Астахов замолчал, собираясь с мыслями. – Сашка – скользкий тип, согласен. Передергивает, несет всякую чушь в своих передачах и сам себе не верит, гуру гребаный, но ведь это еще не преступление?

– Пальчики... – хмыкнул Федор. – Это еще ни о чем не говорит. Драгоманов подбирал всякий хлам на свалках. Голова манекена, скорее всего, украдена из его коллекции. Вот так, господа. А насчет дивана... При чем тут диван? Ну лежу я на нем иногда...

– А что все-таки случилось, почему этот Мистик... упал? – спросил Савелий.

– Я думаю, он просто пришел в гости к Холодовой, – ответил Федор. – Познакомиться поближе. Поговорить. Ксения интересовала его. Ему и в голову не приходило, что она испугается. Он не имел ни малейшего понятия о том, что происходят убийства и он – главный подозреваемый. Он видел ее в «Белой сове» и предупредил, что придет... ночью. Трудно сказать, что творилось в его голове. Может, ему казалось, что между ними установилась некая связь... Не знаю. Но я уверен в одном – он пришел не убить. А Ксения, видевшая накануне собственную гибель, решила, что он ее убьет. Бросилась на балкон, стала кричать. Он попытался ее успокоить...

Мы никогда не узнаем, что там произошло на самом деле. Я думаю, она толкнула его, и... перила не выдержали. Но это опять-таки лишь мои теории. Философствования. Треп за бутылкой, как сказал наш капитан. А

также следствие долгого лежания на диване. Мне-то что, я не несу ответственности, и факты мне по фигу... А только я на месте Астахова присмотрел бы за ясновидящей – она видела свою смерть, и это не есть хорошо.

– А зачем ему надо знать... то, о чем он спрашивал? Если это Урбан, он и так знал, когда и как Ксения это видит!

– Он подталкивал ее к ответу, который был нужен ему. Он добивался, чтобы она увидела убийство *заранее*, и своего добился. Опять сначала, Савелий?

– Зачем? Какая ему разница?

– Значит, есть. Иначе зачем огород городить? Я думаю, у него большие проблемы с головой. И боюсь за Ксению...

Глава 32

Снова лесное озеро

Кто сражается с
чудовищами – берегись,
Чтобы самому при
этом не стать
чудовищем.

И если долго
всматриваться в бездну,
То она начинает
всматриваться в тебя.

*Фридрих Ницше, «По
ту сторону добра и зла.
Прелюдия к философии
будущего», ч. 4.*

Вечерело. Пламя костра делалось все ярче. Мы сидели на крошечном песчаном пляжике у озера. Того самого, где утонула летом молодая женщина...

Облетевший лес вокруг стоял серой стеной. Чуть слышно шуршали высохшие травы и тростник. Вода в озере светилась, отражая светлое еще небо. Песок был влажный.

Пламя плясало, как живое существо. Александр подбрасывал сухие ветки. Мы молчали, пристально глядя в огонь.

– Ты видела человека, падающего с балкона, – произнес вдруг Александр. – Это был тот человек?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Я не видела его лица.

Это неправда. Я видела его лицо. Этим человеком был Урбан...

– Тогда на балконе... что все-таки произошло? Я не хотел спрашивать раньше...

– Он схватил меня... – неуверенно произнесла я.

– Чего он хотел? – спросил Александр. – Он что-нибудь говорил?

– Он бормотал какие-то слова...

– Что именно?

– Не помню...

– Ни единого слова?

– Ни единого.

– Что произошло? Почему он... упал? – последнее слово далось ему с трудом.

– Я не знаю! Он схватил меня за руки... я оттолкнула его...

– Он хотел сбросить тебя?

– Не знаю! – говорю я в отчаянии. – Ничего я не знаю!

– Он угрожал тебе? – настаивает Александр.

– Нет! Не знаю...

– Почему он упал? Он выбросился... сам?

Станный вопрос!

– Нет...

– Почему он упал?

Его вопросы вонзаются в меня как гвозди.

– Я оттолкнула его... – Я словно вижу перед собой белые глаза на красном лице, мне страшно. – Он схватил меня за руки... я толкнула... – бормочу бессмысленно. – Он ударился спиной о перила...

Александр уже не смотрит на меня. Взгляд его прикован к костру.

– Ты сбросила его? – спрашивает он, и голос его тускл и невыразителен.

– Нет! – кричу я. – Нет! Я не хотела! Я просто оттолкнула его! – я захлебываюсь от собственного крика и слез. – Я не хотела!

Я закрываю лицо руками. Александр отводит мои ладони от лица. Движения у него странно замедленные... или это со мной что-то происходит? Я словно плыву в густой тягучей среде, мне трудно дышать...

Александр подносит мою руку к огню. Мои скрюченные пальцы напоминают паука. Он опускает мою ладонь все ниже к огню... Я слышу резкий запах горячей ткани. Он отбрасывает мою кисть, и только теперь я чувствую слабую боль. Рукав плаща тлеет, издавая неприятный запах.

– Ты не избранная! – произносит Александр, глядя мне в глаза. – Ты проклятая!

Глаза у него как темные колодцы. На дне – светящиеся красные точки, отражение огня. Резкие тени от крыльев носа придают ему хищный вид. Впалые щеки, жесткая линия рта – передо мной сидит чужой человек... Седина на висках...

– Ты проклятая! – повторяет он. – Я понял это, как только увидел тебя. Ты искушение, ты убийца!

Слова его доносятся до меня как сквозь толщу воды. Я смотрю на

шевелиющиеся губы, не понимая слов... Я вспоминаю бормотание Белоглазого...

– Ты убила Божьего человека. Единственного близкого мне человека. Чистого, блаженного, не от мира сего... Он был мне как брат. Ближе брата. Ты убила его. Я не знаю, кто послал тебя... и зачем. Я поддался искушению, а нужно было бежать. – Слова его гвоздями впиваются в мой бедный мозг.

– Он – убийца! – кричу я. – Твой брат... Божий человек – убийца!

– Нет! Он просто хотел подойти ближе. Ты затянула его, как в омут. Твой проклятый дар... Кривое зеркало! Все в нем испоганено и извращено. Ты – *анапелис*, полная яда. Я верну тебя твоему хозяину!

Он был страшен. Кривился рот, выбрасывая страшные, нелепые, непонятные слова; судорожные движения губ напоминали оскал. В уголках запеклись белые комочки слюны. Глаза ввалились.

Я словно растворилась в пространстве и не ощущала себя больше. Глаза, удерживающие Александра, да боль в обожженной кисти... Вот все, что осталось от меня.

Он встал с песка. Рывком поднял меня.

– Пошли! – шепнул, касаясь губами моего виска. – Пора.

Небо на западе еще светлело, а вокруг нас уже сгущалась тьма. Над верхушками деревьев появилась зеленоватая луна, и сразу вспыхнула ей навстречу вода озера. Стало ощутимо холоднее.

Александр сбросил куртку. Стал расстегивать рубаху. Я послушно сняла плащ. Стала стягивать свитер. Мы словно совершали обряд. Двое проклятых...

– Пошли! – повторил он, протягивая мне руку.

Озеро медленно затягивалось рыхлым туманом. Кончилась узкая полоска пляжа. Вода мягко плеснула под его ногами. Я послушно ступила за ним в туман. Вода была ледяная. Я оглянулась – костер, чуть потрескивая, горел чисто и ровно, как маяк. Тишина стояла удивительная. Лес уже спал. Озеро застыло, залитое ртутным светом луны.

...Мы двигались все дальше – дно уже шло под уклон. Урбан тянул меня за собой, поминутно оглядываясь, словно проверяя, здесь ли я.

– Зачем? – спросила я.

– Ты должна уйти, – ответил он, останавливаясь и поворачиваясь ко мне лицом. – В тебе – зло. Уйти и забрать свой проклятый дар. Я сразу понял... как только увидел тебя. Ты видишь зло в своих видениях – и оно происходит. Даже твое имя... *Ксения*... Знающая! Знающая заранее...

Он смотрел на меня, чуть наклонившись, как будто присматривался.

Черты его лица напоминали гротескную маску и таяли в темноте: только зубы блестели да глаза горели двумя красными углями – отражением костра на берегу. Неровный глухой голос, в котором ничего не осталось от голоса Александра, излучал угрозу, безумие сквозило в его словах...

– Ты видишь жертву – и другая твоя жертва убивает. Они оба твои жертвы... Ты – убийца! Я проверял тебя... – Он вдруг качнулся, видимо, зацепился ногой за водоросли, и замолчал. – У всех есть предназначение, – сказал он после паузы. – У всех... до одного... но не все это осознают... Мое – уничтожить зло... Я сильнее. Ты вернешься к хозяину... кем бы он ни был... Мне все равно! Где он? Почему не приходит спасти свою *ананелис*? Он признает мою силу?

Он бормотал уже совсем неразборчиво и тянул меня все глубже и глубже. Что-то толкнуло меня в бедро – рыба или коряга. Водоросли цеплялись за колени и мешали идти. Поток оторвал нас ото дна и слегка приподнял – мы попали в столб бьющего родника.

– Ты вернешься ко мне, – вдруг отчетливо произнес Александр, снова останавливаясь. – Озеро очистит тебя... здесь проснулся твой проклятый дар! Я буду ждать. Видишь, у меня нет ножа... – Он вдруг засмеялся. – Ты все увидела неправильно. *Кривое зеркало!*

Вода уже достигала груди, и течение все сильнее подталкивало нас в глубину. Он прижал меня к себе, его губы впились в мой рот, а руки сомкнулись на моем горле. Вода становилась густой и вязкой, дно исчезло... и я словно проснулась. Попыталась оторвать от себя его руки, но не сумела. Почти теряя сознание, впила ногтями ему в лицо. Он вскрикнул и отшатнулся – громко плеснула вода, – но рук не разжал. Я билась в его железных пальцах, чувствуя, как меркнет сознание, как меня затягивает в ледяной омут... Несет, легко покачивая и разворачивая, уже под водой, глубоко внизу... как ту женщину... когда-то летом. И последнее, что я увидела, был заблудившийся белый голубь, бившийся о купол и стены церкви в поисках выхода... и неясное светлое пятно открытой двери вдалеке...

...И настало небытие. Меня не было... Не было ни страха, ни боли, ни холода... Я стала частью озера, его песчаного дна, гибких скользящих растений...

...И вдруг белая вспышка, как удар молнии: женщина в черном шелковом кимоно с белым иероглифом счастья, искаженное страхом лицо... Она бежит к двери... Мужчина настигает ее и бьет ножом в спину... прямо в сияющий иероглиф счастья. Оборачивается и смотрит на меня... Я вижу полное злобы лицо Александра Урбана...

Из последних сил я рванулась прочь, скорее инстинктивно, чем осознанно, молотя воду руками, глотая ее, отчаянно барахтаясь, что-то крича... И озеро выбросило меня из своих глубин! Я с хрипом втянула воздух – холодный, он отдался болью в горле и легких...

...Светлая точка огня на берегу, как маяк. И на этот маяк я поплыла, ожидая, что Урбан схватит меня сзади сильными цепкими пальцами...

...Я не помню, как выбралась на берег, как без сил упала на песок. Чувствуя его щекой, влажный и холодный, я смотрела на яркое ровное пламя костра и вбирала в себя его тепло. Пламя словно находилось в пустом стеклянном шаре – все вокруг уже затянул белесый туман.

Меня колотил озноб. У костра лежала наша одежда. Я стала поспешно натягивать на себя свитер и куртку Александра. Вещи пахли кожей и... Александром – его телом, его одеколоном. Я зарылась в куртку лицом и заплакала. Легкий звук со стороны озера – как будто рыба плеснула – заставил меня вздрогнуть и замереть в ужасе. Я пристально всматривалась в туман над водой, с трудом удерживая рвущийся из горла вопль, чувствуя, что бежать нет сил... Но звук не повторился. Александр исчез...

...Я шарила в карманах его куртки в поисках ключей от машины, но их нигде не было. Полупрозрачный туман становился гуще. Он клубился над озером, принимая очертания причудливых фантастических фигур, отдаленно напоминающих человеческие. Я медленно, шаг за шагом, пятилась от воды, не смея повернуться к ней спиной.

Новый звук – словно камешек упал в воду, – и я бросилась бежать прочь, не разбирая дороги, ничего не видя перед собой. Влетела в заросли сухой травы, оглушительно загремевшей, запуталась ногами в корнях, как в силках, и упала, больно оцарапав лицо...

Хватаясь за шершавый ствол какого-то растения, попыталась встать и вскрикнула от боли в ушибленном колене. Замерла, прислушиваясь. За мной никто не гнался. Я была одна. Вокруг стояла мертвая тишина...

...Я подняла голову – в темном небе сверкали маленькие далекие звезды, сиял ярко ущербный диск луны, а прямо над головой светились знакомые желтые цветки, собранные в длинную узкую кисть, – зажженная свеча Бога! Я прислонилась к мощному стволу, подтянула колени, обхватила их руками, пытаюсь удержать дрожь.

Не знаю, сколько я просидела так, боясь шевельнуться, чтобы не привлечь их внимания... Я не смогла бы толком объяснить, кто такие «

они», подсознательно понимая под «ними» все зло мира, нечеловеческие, тайные силы, нежити и монады, ползущие с туманом... Чтобы не привлечь их внимания и не разбудить... смутно опасаясь получить новый ненужный мне дар.

– Забери! – шептала я Черному озеру. – Забери его обратно, я не хочу! Я маленькая, недостойная, я не хочу... твоей золотой монеты... Отдай тому, кто хочет ее больше жизни!

Я обращалась к озеру и тайным силам в нем, жаловалась и просила, и от звука собственного голоса мне становилось легче...

Александр сказал, что его предназначение уничтожать зло... Уничтожить меня. А в чем мое?

Громкая мелодия мобильного телефона ввергла меня в состояние паники. Это оказался мобильник Александра. Мой, вместе с сумкой, был заперт в машине.

Я выхватила телефон из кармана его куртки, с трудом удержавшись, чтобы не отшвырнуть прочь адский аппарат. На миг мне показалось, что звонит Урбан...

– Алло, алло, – настойчиво повторял голос капитана Астахова. – Саша, ты?

– Алло, – ответила я.

– Вы? – поразился капитан и замолчал. Потом спросил: – А где Саша?

– Не знаю, – ответила я. – Его нет...

– Где вы?

– На озере...

– На каком озере? – закричал он.

– На Черном.

– Что вы там делаете?! Вы одна?

– Одна.

– А где... Урбан?

– Не знаю... Я не могу найти ключи от машины...

– Оставайтесь там, я сейчас приеду, – торопливо сказал он и после короткой заминки добавил: – Вы... С вами все в порядке? Не уходите, я сейчас! Не уходите!

– Хорошо, – ответила я и положила телефон на землю около себя.

Его зеленый огонек, как чей-то внимательный глаз, наблюдал за мной, и доносилось чириканье – капитан Астахов еще о чем-то спрашивал. Потом наступила тишина...

Я не знаю, сколько прошло времени. Костер погас. Лишь тлели угли,

как светляки. Я, не шевелясь, сидела под зажженной свечой Господа, пока не услышала далекий шум мотора.

Их было трое. Я узнала капитана Астахова и длинного... смешного, который отпаивал меня валерьянкой. Редактора, кажется. Третий, видимо, был другой капитан, бывший. Федор Алексеев, сменивший военный мундир на академическую тогу... так, кажется, он тогда сказал. Они стояли на берегу, всматриваясь в туман над озером. Мощный свет автомобильных фар упирался, как в экран, в его белую стену. По туманному экрану ползли рваные тени.

– Ксения? – закричал капитан Астахов, рупором приставив ладони ко рту. – Ксения? Где вы?

Я выползла из своего укрытия и, хромя, пошла к ним. Заслышав мои шаги за спиной, они резко обернулись. Я стояла перед ними как привидение, освещенная сзади светом фар. Савелий... его зовут Савелий, вспомнила я... Он издал звук... словно вздохнул. Или чихнул.

– Что с вами? – спросил капитан Астахов. – Что здесь произошло? Где Урбан? Мы видели его машину.

– Там, – я махнула рукой в сторону озера. – Он остался...

– Как он туда попал? Вы что, устраивали ночные купания?

– Нет... Он хотел убить меня... Сказал, что я зло... Анапелис, полная яда.

– Почему он так решил? – спросил бывший капитан Алексеев.

– Он сказал, что убийства происходят из-за меня... Сначала я их вижу – а потом они происходят...

– И поэтому вас нужно... устранить?

– Да, в этом его предназначение...

– Она же мокрая! – вмешался Савелий. – Нужно переодеться... в сухое...

– Где ж тебе его взять, сухое? – ответил Федор и стал стягивать с себя свитер.

– Сейчас... поправимся, – произнес капитан Астахов и пошел к машине. Вернулся он с бутылкой водки и пластиковым стаканом. Налил до краев и протянул мне. – Пейте! Залпом!

Я взяла стакан, сделала глоток. Федор заботливо накинул мне на плечи свой свитер.

– Давайте в темпе! – приказал капитан Астахов. – Не хватало еще... воспаления легких.

– Ничего, она выдержит, – сказал Федор, обнимая меня за плечи. – Пейте!

И я выпила. Залпом, до дна. Закашлялась. Водка ударила в мою бедную голову, и мир, покачиваясь, поплыл. Я сделала несколько неверных шагов к озеру.

– Куда? – дернулся капитан Астахов.

– Может, он... может, Саша... – бессвязно ответила я, всматриваясь в клубы тумана.

– Я вспомнил, что такое «*анапелис*», – сказал вдруг Зотов. – Когда... Ксения сказала «*анапелис с ядом*», я вспомнил...

– Не томи, Савелий, – подтолкнул его Федор. – Не тяни за душу!

– Один автор... не помню имени, какой-то европейский, употребил это слово... Так называется девушка-отравительница!

– *Анапелис*? – с сомнением протянул Федор. – Ты уверен? Почему девушка-отравительница называется «анапелис»?

– Не просто отравительница, а такая, которую с детства приучали к ядам... кормили ими, в смысле. Это практиковалось на Востоке... тысячи лет назад. А потом ее дарили или засылали к врагу... После близости с анапелис человек умирал... По сути, она сама была ядом...

– По-моему, эти девушки называются как-то иначе... – с сомнением сказал Федор. – Я читал о них. Ты уверен, что твой автор не выдумал это слово?

– Не знаю... – пожал плечами Савелий. – Может, и выдумал. Я даже не помню, что это за книга. Какой-то детективный роман. Героиню назвали так иносказательно – она приносила несчастье. Может, и выдумал... Но пока ты не доказал обратного, Федор...

– Пока я не доказал обратного, принимается. Спасибо, Савелий! Я даже спать перестал, ломая себе голову. И, главное, никто не знает! *Анапелис*... Хотя подожди, Савелий! – Федор уставился в землю, напряженно вспоминая. – Знаю я этих девушек! – сказал он наконец. – Попадались они мне в труде о секретных службах Древней Индии. И назывались они... назывались они... *висаканьи*! Точно, висаканьи! А не «анапелис». Так что твой автор что-то напутал.

– А может, это имя собственное, – примирительно сказал Савелий.

– Может. Существует версия, что такую девушку подарили Александру Македонскому во время похода в Индию. Он стал болеть и так и не оправился. Вообще, интересная получается история. Подумай, почему Урбан называет ее «*анапелис*», а не «*висаканья*»? Откуда он выкопал слово, которое никто, кроме тебя, не знает, а?

Капитан Астахов тем временем налил мне второй стакан водки и сказал:

– Вперед, Ксения! Вы мне нужны здоровенькой, как огурец!
– Он убил Стеллу... – пробормотала я непослушным языком.
– Кто?
– Урбан... Я видела...
– Ладно, обсудим это завтра, – вздохнул капитан Астахов. – Пейте... анапелис!

* * *

Я спала в машине капитана Астахова, укрытая старым, пахнущим бензином одеялом из багажника, а троица все топталась по пляжу. Озабоченный Астахов всматривался в клочья тумана над озером и заросли болотных трав. Бывший капитан Алексеев принес из леса сухие ветки и подбросил в костер. Пламя, взметнувшись вверх, с треском пожирало сухое дерево. А он стоял рядом, смотрел и раздумывал, наверное, о бренности жизни.

Савелий Зотов хотел домой – он соскучился по жене и детям. Странная история с экстрасенсом и ясновидящей ввергла его в состояние полнейшего ступора. Здравый смысл отказывался верить в то, что произошло, но... ведь было же! Савелий чувствовал себя выпотрошенным заживо и больше всего на свете желал, чтобы наступило завтра и он сидел в своем рабочем кабинете за письменным столом, где стоят фотографии Зосеньки и ребят в серебряных рамочках, а вокруг кипит жизнь, понятная и нестрашная.

Потом приехали коллеги капитана Астахова, чего я, разумеется, уже не слышала. Озерное эхо усиливало и далеко разносило над поверхностью воды их голоса. Вспыхивали блицы, метались огни фонариков, ровно и сильно горели автомобильные фары. Кто-то подкидывал хворост в костер и спускал на воду резиновую лодку...

...Потом два или три дня на озере работали водолазы. Но тело Урбана так и не нашли. Его не было ни в дальних северных пещерах, ни в каменных мешках, ни в зарослях осоки вдоль берега. Течение не вынесло его на песчаную отмель у леса. Он исчез в Черном озере, как растворился...

Глава 33

Ах, Мальта!

«Вот ты и вернулась, моя девочка. Правда, я оставил дом... Так сказать, стряхнул оковы бытия и сбросил земную оболочку. И в эту самую минуту, может быть, смотрю на тебя из синевы небес. Или легким ветерком касаюсь твоих волос. Крик чайки, шорох волн на песчаном пляже, где мы так часто бродили вместе... Все это тоже я. Ты, наверное, думаешь – старый сентиментальный дурак! Ладно, я не в обиде. Правильно думаешь. Можешь принести мне цветы, мадам Роза тебя проводит. Только, ради Бога, не лилии. Я знаю... нам чаще всего приносят белые лилии. Терпеть их не могу! Пожалуйста, что-нибудь менее помпезное, какие-нибудь ирисы, а еще лучше – азалии. Красные.

Я знаю, что ты приехала одна, и это меня беспокоит. Обещай – а ты теперь не можешь мне отказать, что серьезно подумаешь над этим... А я, в свою очередь, сделаю все от меня зависящее, чтобы в один прекрасный день вы столкнулись лбами – ты и твой мужчина.

Если бы ты знала, Ксения, как мне жаль, что мы разминулись... во времени. Да будь я помоложе – ты забыла бы всякие глупости о дамской эмансипации!

Обнимаю тебя и целую – мне можно на правах старинного друга. Не грусти, моя девочка, жизнь продолжается, несмотря ни на что. Сходи к «Ричарду» и выпей нашего белого вина... Я буду ждать тебя там, прозрачный и невидимый, за нашим столиком – тем, что под платаном. Надеюсь, ты еще не забыла...»

Я прочитала письмо, потом еще и еще раз, пока строчки не стали расплываться перед глазами. Мадам Роза деликатно отвернулась. Потом протянула мне маленькую коробочку синего бархата и сказала, потупившись: «Это от него». Внутри был старинный платиновый медальон в виде сердца, обвитого наивной ленточкой. На ленточке – полустертая надпись: «*Omnia vincit amor*». ^[4]

– Это семейная реликвия. Медальон передавался из поколения в поколение. Господин Бьяготти был последним из семьи, никого больше не осталось. Он нижайше просит принять от него этот... пустячок.

Мадам Роза так и сказала: «просит принять», как будто незабвенный

господин Бьяготти все еще находился здесь... Просто вышел ненадолго.

Она расстегнула замочек, я наклонилась. Сердечко льдинкой скользнуло мне на грудь.

Вот и все...

* * *

Я бродила по тенистым улицам Ла-Валетты и Рабата, сидела на песке пляжа, бросая крошки печенья прожорливым чайкам, слушала их пронзительные крики. Заходила в полутемные храмы, осторожно ступая по цветным плитам с именами рыцарей. Мне казалась, они все еще незримо присутствуют здесь, и если присмотреться, то можно увидеть их, уставших от битв за Гроб Господень, в истлевших одеждах и тусклых латах, сидящих в каменной задумчивости на отполированных временем скамьях.

Я не вспоминала о доме и не хотела возвращаться. Господин Скимпа предложил мне работу – русско-язычных клиентов становится все больше. Я обещала ему подумать, а для себя решила, что приму его предложение. Поработаю годик-другой, а там посмотрим...

Так прошел месяц. Потом другой. Как-то я позвонила Ларисе... Мне не хотелось слышать Романа. Я ей сказала, что задержусь, пожалуй... Она ответила, конечно, Ксенечка, конечно... И спросила, как я. Хорошо, ответила я. Мне всегда было хорошо здесь. Дома уже выпал снег. А тут – вечная весна, синее море в белых гребешках пены и желтый песок пляжа. Толпы беззаботных туристов и ослепительное солнце. Не страна, а заповедник...

Но пришел день, и ностальгия скрутила меня со страшной силой. Я позвонила в аэропорт и достала чемодан.

...Дома было холодно, сыро и грязно. Вместо сияющего радостного мира – нескончаемые зимние сумерки. Сожаление о Мальте шевельнулось в груди и пропало. К счастью, на другой день ударил мороз и повалил снег. На балконе и его перилах намело сугробы. Снегопад не прекращался, всю ночь вьюжило и свистело, и ветер радостно швырял пригоршнями снежинок в окна. Утром выглянуло солнце, снег вспыхнул ослепительно, и зазвенела тугая синева неба.

Вечером позвонила Лариса и предложила встретиться. Я даже не спросила, откуда ей известно, что я уже дома. В нашем городе новости

распространяются со скоростью звука. Я поежилась, представив, что она станет выпрашивать подробности *той* истории. Гибель Урбана наделала много шума, и Лариса, естественно, захочет услышать все из первоисточника. Первым побуждением было отказаться, но я не посмела. Да мне и самой хотелось узнать, что произошло в городе после моего отъезда...

Я недооценила ее деликатности. Она ни о чем не спросила, просто сказала, что рада видеть меня снова. В ее глазах я не заметила любопытства, и говорила она в основном о детях. Она даже не спросила, когда я собираюсь выйти на работу. Я решила наконец и сказала, что хочу оставить фирму. (Мысль о том, что мне придется снова работать с Романом, была невыносима.) Хочу попробовать собственные силы, пояснила я...

– Это из-за Романа? – спросила Лариса прямо.

Я взглянула на нее, и протест застрял у меня в горле. Не могла ей соврать. Я вдруг вспомнила наш разговор с Урбаном о лжи и словно увидела его глубокие, серые, почти черные глаза, смотрящие на меня в упор, и кривую волчью улыбку. Почувствовала укол в сердце и непроизвольно вздохнула. А я-то думала, что окончательно выздоровела...

Лариса молчала, задумчиво ковыряясь вилкой в тарелке. Наконец сказала:

– Давайте не будем принимать поспешных решений. Но если вы все-таки хотите начать свое дело, я с удовольствием помогу. А пока... подумайте. И я подумаю, – добавила она.

...Я бродила по городу, не сливаясь с радостной уличной толпой, чужая на суетном празднике жизни. Везде сверкали огнями елки, в магазинах бурлили новогодние распродажи, музыка гремела отовсюду. Люди, казалось, забыли или отставили в сторону неприятности и неурядицы, простили врагов своих и радовались приближающемуся Новому году. Только я была вне суеты и вне праздника – неприкаянная и одинокая.

Воспоминания нахлынули на меня волной, и я стала задыхаться под их тяжестью. Бродила по улицам до полного изнеможения, оттягивая момент возвращения в пустую квартиру... Как-то раз забрела в парк – ноги сами принесли меня к громадному дубу, где мы стояли когда-то с Урбаном в самом начале нашей истории. Где он прижался лбом к моему лбу и произнес ритуальную фразу: «*Мы с тобой одной крови*». Одной крови...

Я вспоминала, как меня бросало от любви к ненависти, словно бесноватую, и понимала, что никогда больше не испытать мне ничего

подобного. Ушло вместе с ним... Никогда – ни накала, ни страсти, ни взрыва... Ушло, как ушли все, кто был дорог мне. Стелла, Урбан, господин Бьяготти... Ушел бедный Божий человек, которого я почти не знала. Ушел так нелепо...

Урбан хотел убить меня, а я не чувствовала к нему ни страха, ни ненависти... только жалость, а еще печаль. Ни страха, ни ненависти... И однажды мне в голову пришла мысль – пусть бы убил! Жизнь моя потеряла всякий смысл. Мне казалось, я понимаю его. Он был избранным, он был... нет, не богом, а божком в своем мире. Ушла Стелла, и алтарь пошатнулся... А потом ворвалась я, как яркая комета, и опрокинула его! Глиняный божок упал, разлетелся на тысячу кусков и перестал быть богом. Он разрывался между любовью и ревностью... напрасно взывая к силам, отвечающим за порядок вещей в мироздании, чье присутствие каждый из нас чувствует в беспросветные минуты своей жизни. Наверное, он кричал этим силам: «Почему? Почему не я? Чем я хуже?»

Он пришел к Стелле, он любил ее, он протянул ей руку. А она... Я не знаю, что там у них произошло. Никто никогда этого уже не узнает. Стелла умела быть жестокой...

Он был не такой, как все. Он был другой. Можно ли считать его нормальным человеком? В общепринятом смысле? Не знаю. Во всяком случае, он был искренен и защищался, как мог. Как мог, карабкался обратно на свой алтарь... И искренне верил в свое предназначение. Я действительно была его... *анапелис*. Я убила его. Не он, а я! Я убийца!

Кто бросил нас навстречу друг другу? Зачем? Какой смысл в том, что случилось? Не знаю. С уходом Урбана исчез мой дар. Я больше не вижу картинок. Мы действительно были с ним одним целым...

Я попыталась найти ту церковь, где вился под куполом белый голубь, но она как сквозь землю провалилась. Я помнила улицу, помнила большой дом с яркой рекламой какой-то электроники рядом, но церкви не нашла. Люди пожимали плечами – не было тут церкви! Недалеко отсюда, ближе к центральному рынку, действительно есть собор Троицы. А здесь нет и никогда не было храма!

...Надеюсь, голубь все-таки сумел найти выход и вылететь наружу...

Мороз тем временем сменился оттепелью. Надолго зарядил беспросветный мелкий дождик. Вдоль улиц неслись мутные потоки талой воды. Солнце погасло, и в природе прочно установились вечные сумерки. Утренние плавно переходили в вечерние, а потом наступала ночь без конца. И однажды я подумала, что хочу вернуться на Мальту. Не уехать, а вернуться! Там был мой мир, полный света, небесной голубизны и

забвения. Я видела себя сидящей под пятнистым платаном, видела господина Бьяготти... он машет мне рукой... улыбается... Слышала крик чаек... плеск волн...

Накануне Нового года позвонила Лариса и пригласила меня на новогодний утренник в детском саду, куда ходила ее младшая девочка, шестилетняя Анечка. «Моя толкушечка», – называла Лариса дочку. Анечка уродилась в мать – крепко сбитая, маленькая и толстенная. Я удивилась, а Лариса добавила, что выступать мне не придется. Так что можно не бояться. Ни петь, ни читать стихи меня не заставят. И на современных деток интересно посмотреть...

– Анюта танцует испанский танец. В костюме от Регины, – сказала Лариса. – Это надо видеть. А партнер ее – настоящий испанец, сын генерального консула Испании. И, по-моему, у них любовь.

Я невольно рассмеялась, представив себе танцующую Анечку, похожую на медвежонка.

– Отказа не приму, – сказала Лариса. – Завтра в одиннадцать заеду, ждите!

...Мы сидели в первом ряду ярко освещенного зала, а на сцене пели и плясали детишки. Анечка, страшно серьезная, с красной розой в распущенных русых волосах, в черной длинной юбке ярусами и красной блузке, в бусах и браслетах на пухлых ручках, старательно кружилась, а ее партнер, мальчик постарше – тонкий, смуглый, стремительный, с прямой спиной, – выбивал чечетку, держа руки над головой. Они были смешной и трогательной парой. Им долго хлопали и кричали «бис!». Они кланялись, держась за руки. Раскрасневшаяся Анечка сияла, а испанский мальчик был строг и не улыбочив – настоящий маленький мачо со сведенными в одну линию густыми черными бровями.

Я спросила, почему не пришел Роман. Лариса рассеянно ответила, что он занят, работает. Через минуту повернулась ко мне и добавила:

– Кстати о Романи... Он уходит из «Глобал виллидж». Теперь останетесь?

Это было сказано со свойственной ей необидной прямоотой и умением расставить точки над «i».

– Теперь останусь, – ответила я. – Наверное...

Потом праздник продолжался у елки, с Дедом Морозом и Снегурочкой. Дед Мороз, невысокий, подвижный, в длинной шубе и пышной бороде, тормозил детишек, водил хороводы, раздавал призы за лучший стишок или песенку. Я смеялась до слез, наблюдая возню

малышей, их радостные сияющие личики. Впервые со дня возвращения домой мне было хорошо. Мы с Ларисой стояли у стены, болтая ни о чем. Дед Мороз, утирая пот со лба большим клетчатым носовым платком, подошел к нам.

– С Новым годом! – сказал он, прислоняясь к стене. – Устал, как бродячая собака. Как жизнь, Ксения Валентиновна? – Он уставился на меня светлыми зеленоватыми глазами.

– Вы? – поразила я. – Здесь?

– Вот, подрабатываю, – ответил доктор Лапин, несколько не смущаясь. – А вы что тут делаете?

– Вас что, выгнали со «Скорой помощи»? – спросила я, немедленно ощетиниваясь.

– Ага! – Он ловко выхватил из толпы пробегающих детишек девочку лет пяти. – Катюха, поздоровайся с тетей Ксенией и тетей... – Он вопросительно взглянул на жену Романа. «Ларисой», – подсказала та.

– Здравсьте, – девочка засмушалась, поглядывая в сторону товарищей.

– Моя дочь Катерина, – представил ее доктор Лапин, придерживая за плечо. – Беги, скажи, Дед Мороз уже идет, – разрешил он, и девочка умчалась. – Вы не против, если я посижу с вами? – спросил он, сползая по стене на пол. – Давненько я так не вкалывал. Пивка бы холодненького!

– Сейчас принесу, – вызвалась, к моему изумлению, Лариса и ушла, оставив нас одних.

– Хорошая женщина, – заметил доктор Лапин. – Душевная и понимающая. Ваша подруга?

Я пожала плечами.

– Как дела, Ксения Валентиновна? Кто-то мне сказал, что вы уехали из страны. Вы как, на побывку к нам или навсегда?

– Навсегда, – ответила я, не зная толком, как с ним держаться.

– Я часто думал о вас, – продолжал Лапин, расстегивая верхние пуговицы своего красного тулупа. Расстегнув, он запустил за пазуху руку и всласть почесался.

Я невольно рассмеялась, вспомнив, как он застегивался на улице.

– И что же вы думали? – не удержалась я.

– Разное, – ответил он туманно. – Я еще тогда хотел за вами... приударить, честное слово! Но вы были такая... я просто испугался. Всегда боялся деловых женщин.

– Вы? Испугались? – Я снова рассмеялась.

Мы помолчали немного.

– Ваша подруга... Стелла... была красавицей. Как все сложилось

нелепо... Я сразу же хотел позвонить вам, но мне самому пришлось туго... Ну, да вы, наверное, в курсе.

Я кивнула.

– Вам тоже пришлось туго. Жаль, что так получилось...

Тут появилась Лариса и протянула Лапину бутылку минеральной воды.

– Извините, доктор, пива нет.

Он схватил ее руку и поцеловал. Лариса вспыхнула. Лапин открыл крышку зубами и стал жадно пить. Вода булькала и стекала по его подбородку за пазуху, а мы стояли и смотрели на него. Закончив пить, он утерся рукавом, поставил бутылку на пол и взглянул на нас.

– Вы спасли мне жизнь, – сказал он, обращаясь к Ларисе. – Жаль, что не пиво. – Встал на четвереньки, затем, кряхтя, выпрямился. – Пойду работать. И кой черт занес меня на эти галеры?

– А хотите... – вдруг сказала Лариса, – хотите, я приглашу вас в «Старую Одессу». Там классное пиво. После утренника.

– Хочу! – сразу же ответил доктор Лапин.

Я молчала, и они оба выжидающе уставились на меня.

– А... Анечка? – спросила я, как будто это было важно. Я просто не знала, что сказать.

– Роман заберет. Сейчас ему позвоню.

– Ну, тогда до встречи, – сказал доктор. – Я уже закругляюсь. Подождите меня у входа, лады?

– Эй! – позвала я его, и когда он оглянулся, велела: – Застегнитесь!

Он стал застегиваться. Я поймала на себе заинтересованный взгляд Ларисы.

– Откуда вы его знаете? – спросила она, когда Лапин ушел.

– Нас Стелла познакомила, – ответила я, слегка соврав.

– Да... – вздохнула Лариса. – Как все получилось...

– А вы откуда?

– Через детей. – Она искоса взглянула на меня. – По-моему, вы ему нравитесь... Он замечательный специалист. И человек, кажется, хороший.

– Я едва знаю его, – ответила я, к своему неудовольствию покраснев.

– Ксения, – Лариса положила ладонь мне на рукав, готовясь оседлать любимого конька. – Поверьте мне... Доктор Лапин... Да, у него были проблемы – а у кого их нет? Случилась какая-то некрасивая история несколько лет назад, но сейчас его позвали обратно. Таких хирургов, как он, – раз-два и обчелся. Разведен, между прочим. А как он к дочке относится! Видели? Вы же знаете, у мужчин детей не бывает в принципе.

Возьмите моего Романа – думаете, он стал бы тут из себя Деда Мороза изображать? Не стал бы даже для любимой дочки. А Лапин изображал. – Она значительно помолчала, потом сказала, серьезно глядя на меня своими выпуклыми карими глазами: – Имейте в виду, Ксения... Помните, я говорила вам про биологические часы? Которые тикают? Помните?

Она говорила и говорила, а я почти не слушала. Странная мысль пришла мне в голову: какие-то неведомые силы снова столкнули меня и доктора Лапина так же, как раньше столкнули нас с Урбаном. Я вдруг вспомнила одну из передач Александра, в которой он говорил о случайности как о непознанной закономерности. «Мы не случайны, – внушал Урбан своим бархатным голосом, – но предназначение наше сокрыто. Промысел Божий в отношении нас неизвестен. И наши решения ничего не меняют. Почти ничего...»

Кое-что все-таки меняют... Я могу пойти в «Старую Одессу». Или могу отказаться и отправиться домой – «две большие разницы», как говорят одесситы. И тогда уже никто не возьмет на себя труд сталкивать нас лбами... в третий раз. Я представила себе, как Тот, Кто Сталкивает Лбами, в остроконечном колпаке, расшитом звездами, и длинном серебряном халате сидит в старинном кресле на львиных лапах и старательно скрипит гусиным пером, выводя в Книге Жизни следующее:

« Глава восьмая(или девятая, или десятая, или сто двадцать пятая). Ксения и доктор Лапин».

Закончив писать, он замирает и, почесывая нос кончиком пера, ждет моего решения. Если я не пойду в «Старую Одессу», глава, скорее всего, останется ненаписанной. А рядом с ним, затаив дыхание, стоит незабвенный господин Бьяготти, скрестив на удачу указательные и средние пальцы на обеих руках, и тоже ждет...

Я вдруг вспомнила, как доктор Лапин сказал: «Я еще тогда хотел приударить за вами», – и усмехнулась. Тут до меня дошло, что Лариса замолчала и теперь смотрит на меня со странным выражением.

Я пожалала плечами и кивнула, соглашаясь...

* * *

...Тело Александра Урбана так и не нашли. Впрочем, я, кажется, уже упоминала об этом.

Иногда я думаю, что он не утонул, а ушел. Выбрался на берег где-

нибудь в укромном месте и скрылся. И живет теперь на краю мира в Гималаях, в монастыре... том самом, в котором жил когда-то... забыла название. Он бос, солнце до черноты прокалило его кожу, руки загрибели, а лицо стало похотим на лики святых.

...Он работает до седьмого пота. Добравшись вечером до своей кельи, падает на тощую циновку и тут же засыпает. И спит до рассвета сном праведника. Ему никогда ничего не снится. Он никогда ни о чем не вспоминает и ни о чем не жалеет...

...Я не думаю, что он молится. Над ним нет Бога, а только покой сияющих снежных вершин. И если когда-нибудь в монастырь поднимется по пешеходной тропе человек, знавший его раньше, и окликнет по имени – он только взглянет своими серыми глубокими глазами, пожмет плечами и отвернется...

...Почему он не убил меня? Не знаю. Иногда мне приходит в голову, что убил. Просто я не умерла...

---

notes

Примечания

1

В следующий раз (*англ.*).

2

ДьяченкоГ. Из области таинственного. 1880 г. (Прим. авт.).

3

Пользуйся моментом (*лат.*).

4

Любовь побеждает все (*лат.*).

Table of Contents

[Инна Бачинская Шаги по воде](#)

[Глава 1 Я](#)

[Глава 2 Пикник у озера](#)

[Глава 3 Будни «Global Village»](#)

[Глава 4 О странностях любви](#)

[Глава 5 О странностях любви \(окончание\)](#)

[Глава 6 Генеральный директор в домашнем интерьере](#)

[Глава 7 Всякая всячина](#)

[Глава 8 Александр Урбан](#)

[Глава 9 Лесное озеро](#)

[Глава 10 Сны](#)

[Глава 11 Суета сует и всяческая суета](#)

[Глава 12 Что?](#)

[Глава 13 Что? \(окончание\)](#)

[Глава 14 Всякие мысли о жизни, не имеющие особого практического значения, а также воспоминания](#)

[Глава 15 Снова Александр Урбан](#)

[Глава 16 Взрыв](#)

[Глава 17 Капитан Астахов](#)

[Глава 18 Будни](#)

[Глава 19 Возня](#)

[Глава 20 Ускорение](#)

[Глава 21 Мысли](#)

[Глава 22 Что дальше?](#)

[Глава 23 Дамская болтовня](#)

[Глава 24 Лавина](#)

[Глава 25 Поиски смысла](#)

[Глава 26 След](#)

[Глава 27 След \(окончание\)](#)

[Глава 28 Семейная сцена](#)

[Глава 29 Развязка](#)

[Глава 30 Танцы в темноте](#)

[Глава 31 Триумвират в «Тутси»](#)

[Глава 32 Снова лесное озеро](#)

[Глава 33 Ах, Мальта!](#)

Примечания

1

2

3

4